Издание для сильных и жестких мужчин

СОЛДАТ УДАЧИ

№ 9 (168)
сентябрь 2008

Защитить президента

Военная миссия майора Скрипки

«Подводного Чернобыля» не произошло...

ISSN 0201-7121
09
9 770201 712002
ИНДЕКС 71223

Главный редактор Михаил ЕФИМОВ
Зам. главного редактора Игорь МИХАЙЛОВ
Ответственный секретарь Олег ЗИНОВЬЕВ
Специальный корреспондент Олег КОЛОМИЕЦ
Эксперт-консультант Дмитрий ШИРЯЕВ
Экономический отдел Нона ЧЕРНЫШОВА
Отдел распространения Николай ДАРИНСКИЙ

Телефон/факс редакции:
(495) 958-1699,
(495) 237-6270
Адрес редакции:
115162 Москва, ул. Люсиновская, 68.
E-mail: info@soldat-udachi.com
www.soldat-udachi.com
По вопросам рекламы и распространения звонить:
958-1699, 237-6270.

Приглашаем к сотрудничеству рекламных агентов и частных распространителей.

Учредитель и издатель:
ООО «Интернет-Медиа»

Подписано в печать 06.08.08

Издание зарегистрировано в Министерстве печати и информации РФ, свидетельство ПИ № ФС 77 - 21960 от 15.09.2005

Цена свободная.

Подписные индексы:
71223 по каталогу Роспечати,
99268 по каталогу российской прессы «Почта России»
(адресная подписка)

Допечатный процесс:
дизайн и верстка Петр КОЛОТИЛОВ

Отпечатано в типографии
ОАО «Кострома»
Заказ № 1956
Тираж – 21.500

Михаил ЕФИМОВ

Вы чье, старичье в погонах?

Начну с банального. В молодости жизнь кажется бесконечной. Однако с годами начинаешь понимать, что старость, увы, наше будущее. Неспроста в прежние, советские времена радио, телевидение, газеты и журналы не уставали повторять: «Старикам у нас почет».

Признаться, и в ту пору было разное, но то, что наши старики и пенсионеры пережили в годы перестройки и либерализма, не дай бог пережить никому.

К сожалению, за период перестройки военнослужащие запаса и в отставке, их семьи стали относиться к самым незащищенным слоям населения. Подтверждением тому – низкий уровень пенсий, проблемы с обеспеченностью жильем и трудоустройством. Скажу сразу – это не моя оценка. Такую оценку положению дел военных пенсионеров дал в июне нынешнего года первый заместитель председателя Комитета Госдумы по делам ветеранов Ф. Клинцевич. Думский комитет вынужден был констатировать снижение социальной защищенности ветеранов.

Хорошо известно (подобная цифра неоднократно озвучивалась), что пенсия бывших военнослужащих составляет всего лишь 25% от денежного довольствия тех, кто ныне в строю. А ведь еще два десятилетия назад она доходила до 80%. Выходит, здорово мы реформировались!

Но дело не только в этих неутешительных цифрах. По свидетельству тех же депутатов, более 30% ветеранов, участников боевых действий живут в домах без газа, 15% не имеют горячей воды, 10% не имеют в домах центрального отопления. Не лучшим образом обстоят дела и с реабилитационной помощью. Лишь каждый пятый получил необходимую реабилитацию.

Каковы причины такого положения дел? Они, собственно, известны. Проблемы ветеранов решают и не могут решить более двух десятков министерств и ведомств.

И если прежде забота о фронтовиках была делом государственным, то теперь она переведена на местный уровень. А как известно, страна наша велика, и бедная Смоленщина или Брянщина, например, отличается от богатой Москвы или какого-нибудь нефтедобывающего региона, как небо и земля. Стало быть, и финансирование разное. А как это объяснить ветерану, ведь посылала его в бой не губерния, в которой он сегодня живет, а большая, великая Родина?..

Поразительно и другое. Ныне в связи с введением Федерального закона № 122 из-за недостаточности финансирования некоторые регионы не смогли сохранить прежний уровень социальной поддержки военных пенсионеров, а отдельные и вовсе исключили их из сферы соцзащиты. Теперь встает насущный вопрос: как приравнять статус ветеранов военной службы к статусу ветеранов труда? Некоторые депутаты предлагают предоставить военным пенсионерам те же льготы, которые имеют сегодня ветераны труда, но по достижении пенсионного возраста – 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин соответственно. Предложение вполне здравое, однако как будет по жизни – сложно сказать.

Известно, что в недрах Минобороны готовится законопроект, по которому якобы участников вооруженных конфликтов предлагается уравнять с ветеранами боевых действий. Думается, это справедливо. Ведь офицеру, к примеру, без разницы, пострадал он в свое время от пули фашиста, афганского моджахеда или в ходе командировки в Анголу. Не следует забывать и ветеранов вооруженных конфликтов в Таджикистане, участников миротворческих операций в зоне Приднестровья, грузино-абхазского конфликта. Особенно тех, кто был ранен, стал инвалидом.

Пора обратить внимание и на саму систему начисления пенсий военнослужащим. Ведь она не пересматривалась уже 15 лет. Что греха таить, за эти годы действующим военнослужащим хоть как-то, да пытались повысить денежное довольствие. Пусть оно было и остается низким, но офицерам и прапорщикам вводили доплаты – за сложность и напряженность службы, за секретность. Но эти доплаты, увы, не учитывались и не учитываются ныне при начислении пенсий. Видимо, те, кто принимает подобные решения, под стать герою из старой комсомольской песни, который считал, что «будет вечно молодым». Или наоборот, они уже накопили на безбедную старость. Как вы считаете, дорогие читатели?

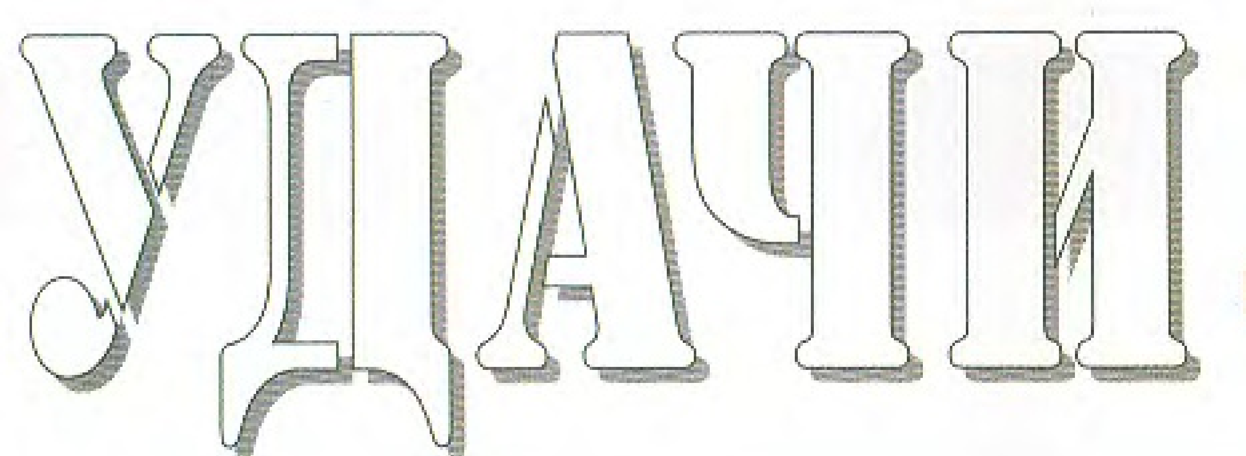
СОЛДАТ

Журнал тех, чья работа – защищать

Издается с октября 1994 года

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

№ 9 (168)
сентябрь 2008

Фото Виталия АНЬКОВА

В номере использованы фотографии Андрея Кириллова, Сергея Сидорова, Михаила Климентьева, Павла Герасимова, Алексея Белянчева, Вадима Савицкого, Виталия Анькова, Сергея Плотникова, из каталога «Оружие России», а также иллюстрации с профильных интернет-сайтов.

Андрей КИРИЛЛОВ

«МОИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЛЕГКОЙ ПЕХОТЫ, ТАКИХ КАК 82-Я ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНАЯ ДИВИЗИЯ ВО ВРЕМЯ ОПЕРАЦИЙ «ЩИТ», «БУРЯ В ПУСТЫНЕ», МОРСКОЙ ПЕХОТЫ И ЧАСТЕЙ 10-Й ГОРНОЙ ДИВИЗИИ АРМИИ США В СОМАЛИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ, ПОЛУЧЕННЫЕ ВО ВРЕМЯ УЧЕБНОЙ ПОДГОТОВКИ 7-Й И 25-Й ЛЕГКИХ ДИВИЗИЙ, УБЕДИЛИ МЕНЯ, ЧТО МНОГИЕ НАШИ КОМАНДИРЫ ЛЕГКОЙ ПЕХОТЫ – ОТ САМЫХ НИЗШИХ ЧИНОВ И ДО ВЫСШИХ АРМЕЙСКИХ КРУГОВ – СТРАДАЮТ ОТ ОБЫЧНОЙ АРМЕЙСКОЙ БОЛЕЗНИ – НПСД («НЕ-ПОМНЮ-КАК-СЕЛ-В-ДЕРЬМО»), КАСАЮЩЕЙСЯ ГОРЬКИХ, УНИЗИТЕЛЬНЫХ УРОКОВ ВЬЕТНАМА...»

(ПОЛКОВНИК АРМИИ США ДЭВИД ХЭКВОРТ)

«НЕ ПОМНЮ, КАК СЕЛ В ДЕРЬМО...»

«Я ВОЛКОМ БЫ ВЫГРЫЗ БЮРОКРАТИЗМ...»

Наши военные, так же как американцы позабыли Вьетнам, предали забвению весь опыт Афгана и всех последующих внутренних конфликтов и локальных войн. Речь в данной статье опять, в который уже раз, пойдет о проблемах подготовки передовых авиационных наводчиков (ПАН) и корректировщиков артиллерийского огня (КАО) для групп специального назначения. Даже американские военные специалисты, тщательно изучавшие советскую военную кампанию в Афганистане, считали, что наши вооруженные силы получили огромный опыт ведения боевых действий в сложнейших специфических условиях. Опыт-то был получен, но оказался никем не востребован, а со временем к тому же безжалостно забыт, что еще страшнее. Анализ чеченских войн подтверждает это, показывая полное забвение кровавых уроков Афганистана: подразделения при ведении боевых действий не умеют осуществлять взаимодействие с авиацией и артиллерией. Ведь еще после Афгана неоднократно писалось и рекомендовалось в различных документах: **«Необходимо иметь в составе подразделения штатного авианаводчика из числа офицеров, прошедших подготовку на специализированных сборах при ВВС округа. Такие авианаводчики успешно справлялись с наведением вертолетов и штурмовой авиации для нанесения ударов по целям».**

Почему же мы все понимаем актуальность и важность наличия авианаводчиков и корректировщиков артиллерийского огня в составе подразделений спецназа только в минуты смертельной опасности или в минуты гибели своих боевых друзей? Когда, не добившись согласованных действий между родами войск, мы, под бомбами, ракетами своей авиации, снарядами своей артиллерии, поливаем отборным матом радиоэфир. Когда оплакиваем сослуживцев, погибших из-за отсутствия должного уровня взаимодействия между экипажами вертолетов и десантируемыми различными способами группами спецназа. Ведь находились же в мирной жизни и имели все возможности и время для организации полноценного обучения профессионалов для спецназа! Как всегда, у нас с началом каждой войны этих специалистов по чьей-то большой глупости не оказывается в боевом строю спецназа. **И вот оттуда, уже из пылающей войной новой «горячей точки», вновь пойдут срочные шифротелеграммы проснувшегося генералитета командирам соедине-**

ний и воинских частей: «Срочно готовить корректировщиков артиллерийского огня и авианаводчиков!»

А что было до войны? Почему этих специалистов не подготовили? Почему не готовят их сейчас, в мирной жизни? А все дело в том, что сегодня штабные бюрократы-«буквоеды» постоянно ставят препоны проведению данных сборов. Чтобы сегодня «пробить» их в жизнь, необходимо буквально совершить чудо. Одному фанату и энтузиасту таких нагрузок никогда не осилить. А если еще учесть, что на каждом шагу длинной лестницы согласований и решений постоянно вставляются палки в колеса, то тогда понятно, почему эти сборы прекращают свое существование, так и не начавшись.

Бюрократы же постоянно твердят, что «данных сборов нет в программе боевой подготовки подразделения» (откуда же им в ней появиться, если составляют эту программу они сами, ни с кем особо не посоветовавшись!), что «войны нет и зачем нужны эти корректировщики и авианаводчики; у нас и задачи сейчас другие, и подразделение наше – антитеррористическое». Странная логика. Ведь даже американское руководство в качестве основного довода, используемого для борьбы с международным терроризмом, рассматривает свои силы специального назначения! У отечественных же горе-начальников свои доводы и... короткая память. Когда была война, спецназовцы почему-то не вылезали из Чечни, борясь там с международным терроризмом, где всегда существовала вероятность встречи с крупным бандформированием или отрядом наемников. Люди не раз подрывались на минах и фугасах. Тогда-то и требовались специалисты по наведению авиации. Но таковые, способные провести метеорологические наблюдения в интересах экипажа, выбрать посадочную площадку для вертолета эвакуации, завести и посадить вертолет на нее, в группах спецназа отсутствовали. Спецназовцы ежеквартально совершают тренировки, которые показывают, что им жизненно необходимо иметь в своем составе подготовленных руководителей полетов – офицеров боевого управления авиацией (то есть авианаводчиков). На летчиков эти задачи не переложишь: экипажи-то прилетают каждый раз разные, порой не знакомые со спецификой работы спецназа, имеющие разные уровни подготовленности и квалификации, поэтому столь важно иметь своих специалистов для надежного взаимодействия с авиацией. Чтобы научить спецназовцев наводить авиацию, нужны время и целенаправленная ежегодная сборовая подготовка. А когда «грянет гром», то есть начнется война, будет уже поздно. Но и это не всем понятно в раздутых штабных инстанциях. Вот и приходится печатать многочисленные справки-обоснования, преодолевать различные бюрократические «пороги», доказывая необходимость таких профессионалов, их систематической полноценной подготовки, а также обеспечения соответствующим снаряжением, оптико-электронными средствами разведки и навигации. Но все усилия, как правило, пропадают зря, все оказывается тщетным. Позже эти бумаги, по нескольку раз подправленные, переправленные, уничтожаются задним числом или в лучшем случае подшиваются в пыльное дело, которое никто из руководителей и не читает.

А выводы в этих бумагах самые нелицеприятные для групп спецназа: экипировки и снаряжения для данных специалистов нет, организация связи с авиацией до конца не проработана (она порой односторонняя), нет необходимых средств связи для обеспечения надежного взаимодействия с армейской авиацией, а имеющиеся не отвечают требованиям современного боя из-за малых рабочих дальностей в горно-лесистой местности. Там же, в этих выводах, рекомендовалось: «В КАО и ПАН назначать приказом командира части тщательно отобранных людей, для их боевой подготовки привлекать один и тот же личный состав групп спецназа (из расчета по два человека от группы), проводить с ними боевую учебу систематически, из года в год, совершенствуя их мастерство в высших военных учебных заведениях, учебных центрах ВВС, РВ и А», и далее: «закрепить в табеле положенности для КАО и ПАН необходимое вооружение, приборы разведки, связи, метеорологические приборы, экипировку, штурманское снаряжение, средства навигации, пиротехнические и сигнальные средства обозначения, средства маскировки и документацию» и т.д. и т.п. Но все тщетно... Случись война, люди опять будут гибнуть из-за повсеместного пофигизма. Чем-то это все напоминает борьбу со штабной бюрократией знаменитого советского разведчика-диверсанта И. Старинова и «отца» немецких специальных войск Отто Скорцени. Отвергнутые «канцелярскими крысами» штабов РККА идеи и планы И. Старинова о проведении широкомасштабной диверсионной и минной войны в фашистском тылу, основанные на глубоком анализе боевых действий в Испании, Финляндии и Монголии, могли на десятки и сотни тысяч человеческих жизней сократить число наших потерь и кардинально изменить в нашу сторону ход Великой Отечественной войны еще в ее начальный период. Старинова же за эти идеи обвинили чуть ли не в предательстве и несколько раз едва не расстреляли.

Скорцени тоже «пробивал» в жизнь перспективные идеи для своего секретного диверсионного подразделения «Специальный учебный лагерь Ораниенбург», хотел взять на вооружение подразделения английские бесшумные революверы и пистолеты-пулеметы с глушителями «СТЭН». «Чинуши» обвинили его тогда в отсутствии патриотизма. Старался он претворить в жизнь и другие далеко идущие для спецназа планы. История борьбы с некомпетентностью и глупостью повторяется сегодня...

Кто далек от специфики боевой работы спецназа или напрочь забыл ее, тот и накладывает «вето» на организацию проведения сборов. Иные просто банально боятся начальства. Выискиваются новые причины для отказа, очередные возражения против веских аргументов, важные решения переносятся на «потом». Таким образом, все перспективные для спецназа планы обучения сводятся на нет. Обидно и больно, что бесценный боевой опыт остается невостребованным, все опять списывается на «авось пронесет»...

Думается, никого не надо убеждать, что в XXI веке ведение войны только стрелковым вооружением изначально проигрышно – это все равно что с луками и стрелами воевать с противником, вооруженным автоматами и пулеметами. Подобное уже было в XX веке, когда в 1914 году в августовских боях под Халеном и Дистом немцы попытались воевать копьями против пулеметов и артиллерии, послав в атаку на позиции врага кавалерию. Страшный приговор лучшим германским драгунам подписали сосредоточенным огнем бельгийские артиллерийские батареи, пулеметчики и стрелки. Тогда ведь тоже писалось, что «в эпоху пулеметов и ручных гранат штык еще более утратил свое значение». Однако это не мешало вновь и вновь бросать кавалерию против пулеметов противника...

Эта история повторяется для нас в самом худшем варианте. Сегодня иностранные спецназы в военных конфликтах и шагу не ступят без поддержки с воздуха и огня артиллерии, применяют передовые средства электронно-оптической разведки для корректирования огня «бога войны», приборы лазерной

Компасы, навигатор, курвиметр

подсветки цели авианаводчиком для эффективного и точного поражения противника управляемыми ракетами и авиабомбами. Они сполна используют боевой опыт, полученный нами и в Афганистане, и в Чечне. Мы же этот опыт забываем уже спустя пару лет и начинаем лихорадочно наверстывать упущенное лишь после гибели людей. В свое время мудрую фразу произнес генерал Дуглас Макартур: ***«Нам нужно держать свой разум открытым и восприимчивым для применения новых методов и вооружений. Следующая война будет выиграна в будущем, а не в прошлом. Мы должны двигаться дальше, иначе мы пойдем ко дну».***

Хорошо сказал генерал...

«КОГДА В ТОВАРИЩАХ СОГЛАСЬЯ НЕТ», ИЛИ ЛОЖКА ДЕГТЯ В БОЧКУ С МЕДОМ

Но бывает в жизни, что случается настоящее чудо. В обход всех препон энтузиасты подготовки авианаводчиков и корректировщиков артиллерийского огня все же «пробивают» в жизнь простые пути решения данного вопроса благодаря дружеским и личностным отношениям между авиаторами и спецназовцами, сложившимся между ними еще на войне. Фанаты авианаведения стали таковыми после реальных боевых эпизодов, прочувствовав на своей «шкуре» отсутствие необходимых знаний у спецназовцев на войне. Они постоянно интересуются этими вопросами, стараются (порой в отпусках, отрывая деньги от скромного семейного бюджета) посещать учебные центры ВВС, летные и авиационные училища, везде, где только можно, пытаются почерпнуть знания, без которых они были бы «слепыми котятами» во взаимодействии с авиацией на войне. На них, на этих энтузиастах, пока еще держится «на плаву» система подготовки ПАН и КАО.

Казалось бы, все позади: подписан приказ на сборы, есть автотранспорт, выписаны командировочные, командирам и начальникам отданы распоряжения на выделение людей, обеспеченных техническими средствами разведки, навигации и связи. Высокие руководители спецназа вроде бы должны радоваться и поддерживать такие инициативы подчиненных офицеров, когда без копейки денег, «на халяву», организуется реальная боевая учеба для их людей с практическим наведением авиации. Явная экономия средств, которые необходимы на обучение авианаводчиков, за работу летчиков, на ГСМ для вертолетов и самолетов, на использование авиационной техники и авиационного вооружения и других колоссальных затрат! Но здесь-то и начинается самое интересное, после чего коэффициент полезного действия этих «выцарапанных» невероятными усилиями сборов падает, что называется, до нуля. «Почему?» — спросите вы. Ответ невероятен, но, наверное, характерен для всех российских организаций и ведомств: из-за повсеместного пофигизма, бардака и непрофессионализма «ответственных» лиц на местах никакого толку от этих сборов нет.

Во-первых, энтузиастов и фанатов авианаведения (которые, собственно, «пробили» и организовали данные занятия, договорившись с авиаторами), вместо того чтобы отправить со спецназовцами на учебу, руководители на местах вычеркивают из приказа на сборы. Из-за их отсутствия происходит одна нелицеприятная вещь: многие «ниточки» взаимоотношений, особенно личностных, обрываются (на сборы авианаводчиков приехал не спецназовец Вася, который на второй чеченской вытаскивал экипаж из упавшей под Дышне-Ведено «вертушки», а сослуживец Васи, какой-то там Петя). То есть на сборы не попадают именно те люди, которые «в теме», которые знают, как нужно действовать при наведении вертолетов, имеют реальную практику и проходили обучение на подобных сборах не раз, умеют пользоваться средствами связи, приборами разведки, метеонаблюдения и главное — горят желанием работать над этим важнейшим вопросом дальнейшего налаживания взаимодействия между спецназом и авиацией на войне. Таким образом, один самонадеянный «буквоед» на местном уровне может нанести такой вред боевой подготовке спецназа, какой не способны нанести все недоброжелатели вместе взятые. Почему это происходит? Да потому что этот штабной «головотяп» никогда сам не ходил в группах спецназа по Чечне, а пришел в подразделение «со стороны» и совсем «не догоняет», зачем вообще они нужны, эти специалисты.

Во-вторых, казалось бы, эти сборы организуются и проводятся в интересах конкретных боевых подразделений, командиры которых должны быть жизненно заинтересованы в наличии у себя профессионально подготовленных авианаводчиков. Но некоторые из них, не понимая того, что обучение авианаводчика — это целенаправленная, систематическая и поэтапная работа по их «взращиванию», присылали не тех, кто уже имел определенные навыки, а совсем «зеленых» в этом деле спецов, рассуждая примерно так: «Нам надо всех обучить, зачем одних и тех же отправлять на сборы?» Но минуточку! Снайперской подготовке ведь не обучают 100 процентов солдат подразделения сразу. Выделяют конкретных лиц, которые подходят под эту воинскую специальность, и целенаправленно, систематически их потом готовят под руководством опытных инструкторов.

Почему же тогда столь легковесен подход к обучению передовых авианаводчиков и корректировщиков артиллерийского огня? Это ведь дорогой и штучный «товар», и относиться к их отбору и подготовке следует всегда серьезно и ответственно. Лучшими кандидатами для этой специализации всегда являлись офицеры — выпускники артиллерийских командных и авиационных летных и штурманских военных вузов, «доведенные» позже

Бинокль-дальномер Leica Vector

до «ума» в спецназе на соответствующих сборах и занятиях. Качественная подготовка авианаводчиков стоит денег: это и работа профессионалов ВВС по обучению авианаведению, это и керосин, и авиационные средства поражения для боевого применения вертолетов на полигоне. Да и объем знаний и умений, который необходимо твердо усвоить авианаводчикам, во много крат больше и сложнее, чем при обучении тех же снайперов. Подготовка этих специалистов «по уму» только в течение года состоит из нескольких этапов: из сборовой подготовки (обучение наведению вертолетов, корректированию огня артиллерии, обучение наведению самолетов штурмовой и бомбардировочной авиации, обучение по программе метеорологической подготовки), из подготовки на своей учебной материально-технической базе (связь и повторение пройденных программ обучения КАО и ПАН) и т.д. и т.п. Не лучше ли качественно готовить двух-трех профессионалов из подразделения с полной практической отработкой всех тем, чем кое-как всю толпу для галочки?!

С таким отношением самих боевых командиров к этой важной теме боевой подготовки в спецназе никогда не будет грамотных передовых авиационных наводчиков и корректировщиков артиллерийского огня, способных уверенно выполнить реальную боевую задачу по своей специализации...

ВЫ – БОЕВОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ, А НЕ СПОРТИВНАЯ КОМАНДА!

В иных подразделениях отношение руководства к подготовке авианаводчиков еще печальней. На вопрос: «Почему не даете того, кто уже проходил обучение, чтобы поддерживать необходимые навыки?» – ответ обескуражил бы любого: «Авианаводчик Иванов у нас в сборной по кроссу на 3 км, авианаводчик Петров в сборной по классической стрельбе из пистолета, авианаводчик Сидоров в сборной по плаванию. Готовятся к ответственным соревнованиям! Выделить их никак не можем, но дадим других – новеньких...» Получается, что подразделениям спецназа сегодня важнее спортивные достижения, а не то, что необходимо им на войне. Лучше занять несколько первых мест на соревнованиях, чем профессионально обучить нештатных авианаводчиков для подразделения. Если спорт становится на первый план в повседневной жизни спецназа, а важные темы его боевой подготовки отодвигаются на «потом» и «опосля», такие подразделения неминуемо ждет повторение кровавых неусвоенных уроков.

Прекрасные слова по этому поводу в свое время сказал заслуженный и авторитетный командир спецназа, офицер-«афганец», полковник Михаил Дроздов. Напутствуя своих подчиненных на очередные соревнования, он сказал: «Ребята, помните, что вы – боевое подразделение, а не спортивная команда!»

Иные руководители заявляют, что «глубоких знаний нашим авианаводчикам не требуется, так, чуть-чуть обучить, чтобы вертолет могли посадить, а для этого и трех дней достаточно». А как же наведение на цель с применением авиационных средств поражения? «Такого наведения нам не понадобится. И зачем вообще обучать наших бойцов наведению штурмовой и бомбардировочной авиации? В случае чего, возьмем штатных авианаводчиков из частей ВВС».

Потрясающая логика, не правда ли? Группа спецназа, зажатая со всех сторон партизанами где-то в горах, конечно, сначала будет дожидаться появления у себя на позициях с неба свалившегося авианаводчика «из частей ВВС», а уж потом с его помощью даст «духам» прикурить...

Сигнальный пистолет

Если нас ничему не учит собственный опыт, обратимся к чужому. К примеру, американским «зеленым беретам» и рейнджерам все темы авианаведения и корректирования огня артиллерии нужны, они ни от чего и никогда не отказываются, что касается вопросов боевой подготовки и того, что может пригодиться им на войне. Ведь любая боевая учеба – это лишний прием в арсенале спецподразделения для эффективного и быстрого уничтожения любого противника. А какой именно прием может пригодиться в бою, покажет только сама война. Но чем их больше будет, этих приемов, тем больше шансов будет у спецназовцев успешно выполнить боевую задачу. Именно поэтому так эффективно были подавлены с помощью лазерных целеуказателей – дальномеров подсвета наземных целей для ударов авиации все стратегические цели в начальный период иракской кампании. А у нас недалекие в этом вопросе «ответственные» лица начинают нос воротить: наведение вертолетов им подавай, а наведение штурмовиков – не надо, и все это чтобы «уместилось» в два-три дня! Но подобное мы уже проходили во время второй чеченской, когда, **во-первых**, штатные авианаводчики физически выдыхались на первом же подъеме в горы от непривычно быстрого передвижения группы, **во-вторых**, когда этих специалистов из ВВС просто не оказывалось в группе в самый необходимый момент, и **в-третьих**, эти профи должны быть из числа спецназовцев, то есть обладать соответствующим уровнем огневой, тактической и разведывательной подготовки. Обучить нештатного авианаводчика наводить вертолет для эвакуации группы или раненого не так-то просто, как кажется, и трое суток – срок недостаточный, ведь именно после такого краткосрочного и неосновательного обучения бойцы спецназа допускают катастрофические ошибки: «сажают» вертолет по ветру или на опасную по всем параметрам посадочную площадку. Сколько бортов мы потеряли по этим причинам, начиная с Афгана? Очень много. А в жизни все бывает совсем не так, как в учебном классе: то «духи» на хвосте группы

Сигнальный фонарь INOVA

Метеоприбор «КЕСТРЕЛ 4000»

висят – срочно подавай вертолет, то подрыв на мине – опять давай эвакуацию. Только если сами спецназовцы не могут провести метеорологические измерения, оценить погоду в интересах экипажа и выбрать посадочную площадку для вертолета эвакуации, о каком спасении людей может идти речь?! Как может быть такое, что командиры отсылают группы спецназа в горы, не продумывая вопрос, каким образом они будут выводиться обратно в различных ситуациях, в том числе экстренных?

Но вернемся к сборам спецназовцев. Почему же все-таки коэффициент их полезного действия практически равен нулю? Ведь занятия ведут опытные преподаватели по наведению авиации и по метеорологической подготовке, задействованы транспортно-боевые вертолеты с экипажами и авиационными средствами поражения. Да потому, что спецназовцы, выделенные своими командирами и прибывшие на сбор, – «нулевые». Вместо практического авианаведения они должны поначалу получить необходимые теоретические знания, сдать зачеты на допуск к наведению. И только после этого, собственно, приступать непосредственно к основному обучению. Но сроки сборов не позволяют этого сделать полноценно.

И пока этот комплекс проблем не будет решен всеми заинтересованными лицами сообща, не видать спецназу грамотных, а главное – своих авианаводчиков. Как говорил И.А. Крылов: «Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет, и выйдет из него не дело, только мука...» И пока «лебедь рвется в облака, рак пятится назад, а щука тянет в воду», толку не будет...

«Мы были удивлены, насколько высшие офицеры морской пехоты США и армейское командование позабыли уроки Вьетнама... Американский опыт войны во Вьетнаме либо проигнорировали, либо, возможно, утеряли... Сколько жизней было бы спасено, если бы наши руководители не были столь самонадеянны и непрофессиональны...» Это слова полковника Дэвида Хэкворта об американской армии. А кажется – о нашей...

АМЕРИКАНСКИЙ ОПЫТ

Наша отечественная история подготовки авианаводчиков, увы, печальна. У нас сократили центры боевого управления – основное связующее звено между авиацией и «сухопутчиками». Ведь еще в Афгане была создана авиационная структура, представлявшая единый рабочий механизм со спецназом. Подразделениям спецназа и ВДВ были приданы целые авиационные группы или по нескольку эскадрилий боевых и транспортно-десантных вертолетов. Вертолетчики были всегда рядом со спецназовцами и десантниками, а это еще больше укрепляло взаимопонимание. Нет, надо было все поломать, расформировать и реорганизовать. В результате этих шатаний из стороны в сторону было потеряно большинство профессионалов своего дела – офицеров боевого управления и авианаводчиков. Организовать сегодня взаимодействие авиации со спецназом практически невозможно: много лишних связующих звеньев, нет прямого контакта экипажа с авианаводчиком спецназа. И средства связи у них различные...

Многие ответственные лица забывают, что авиационный наводчик и корректировщик артиллерийского огня – это элита, «белая кость» спецназа, специалисты высшей категории. Они требуют к себе особого отношения, внимания со стороны руководства и должны обеспечиваться всем необходимым для войны в первую очередь и «по высшему разряду». Ведь их знания и опыт могут понадобиться в любую минуту. Это хорошо понимают руководители подразделений специального назначения в других странах.

Американцы, например, учли свои уроки многочисленных войн и наш опыт боевых действий в Афганистане. Они создали целую структуру, предназначенную для организации взаимодействия между военно-воздушными силами и подразделениями специального назначения, – командование специальных операций ВВС США (усовершенствованная и модернизированная копия организационно-штатной структуры нашего *«афганского» варианта взаимодействия в звене спецназ–авиация–артиллерия*. – **Прим. авт.**). В задачи командования также входит: организация связи, операций прямого воздействия, прикрытия наземных действий спецназовцев, спасения и эвакуации, ведения специальной разведки. Группы боевого управления КСО направляют ударные группы вертолетов и самолетов во время боя, а рота тактического воздушного управления непосредственно руководит авиационной поддержкой, тесно работая с группами «зеленых беретов» и с другими спецназовцами. У американцев в командовании специальных операций ВВС имеются боевые группы метеорологов. Обеспечивая спецназовцев метеорологической информацией по зоне боевых действий или району заинтересованности, они в отличие от нас прекрасно понимают значение метеорологии для спецназа, ведь метеорологические условия – важный элемент воздушной обстановки, и он оказывает огромное влияние не только на взлет, посадку и полеты воздушных судов, но и на боевое применение ими авиационных средств поражения, а также на состояние посадочных площадок.

В центрах боевого применения и переучивания летного состава ВВС России подготовка авиационного наводчика из числа офицеров-авиаторов занимает **два-три месяца**. У американцев на обучение и тренировки боевых контролеров командования специальных операций ВВС США (они выполняют функции авианаводчиков) в школе контроля воздушного движения и на авиабазах уходит **38 недель**.

Для проведения специальных операций разрабатываются и принимаются на вооружение в необходимом для спецназа количестве: компактные легкие лазерные дальномеры – целеуказатели подсветки цели, «маяки» для ударов авиации, специальные самолеты, вертолеты, специфические авиационные средства поражения, оборудование для ночных полетов и многое другое, что нужно спецназу на войне.

Столь серьезный подход к обучению авианаводчиков окупается на войне с лихвой, позволяя сберечь жизни спец-

назовцев. И подобное ответственное отношение к подготовке авианаводчиков имеется практически во всех иностранных спецназах. Так, в ходе операции «Анаконда», проведенной в Афганистане весной 2002 года коалиционными силами под руководством командования ВС США, одно из подразделений при высадке посадочным способом в начале марта 2002 года попало в подготовленную засаду. Благодаря четким действиям авиационного наводчика службы специальных операций Австралии, осуществившего наведение ударных вертолетов АН-64А «Апач», самолетов АС-130 и стратегических бомбардировщиков В-52Н, окруженное подразделение не было уничтожено боевиками. 4 марта 2002 года боевые пловцы подразделения SEAL и рейнджеры сухопутных войск США при проведении высадки посадочным способом с вертолетов также попали в засаду. Избежать гибели американцам удалось благодаря помощи опять же австралийского авианаводчика, который проводил эффективное наведение ударных групп авиации на боевиков, не давая им приблизиться к району эвакуации...

Если сегодня у нас идет ожесточенная борьба между сторонниками и противниками наличия данных специалистов (ПАН, КАО) в группах спецназа, то американские и другие иностранные спецподразделения давно обогнали нас в этом вопросе по всем статьям и шагнули далеко вперед. У них подобных вопросов никогда не возникало: что нужно спецназу, то и дают, а не губят перспективные идеи в рассуждениях и пустопорожних разговорах. Отечественные головотяпы как всегда «бьют по хвостам» вчерашнего дня, а американские военные видят тенденции развития и быстро прогрессируют.

Так, осенью 2007 года в Афганистане одно из наземных подразделений армии США попало под обстрел противника. Была запрошена поддержка авиации. На выручку пехотинцам выслали беспилотный летательный аппарат MQ-9A «Рипер» ВВС США, с которого по талибам были применены две 500-фунтовые управляемые авиационные бомбы GBU-12 с лазерным наведением. Обнаруженная цель противника была уничтожена. «Ну и что? – спросит кто-то. – Операция как операция, весьма характерная для американцев». Ан нет. Дистанционное управление полетом аппарата осуществлялось операторами... с другого континента – с базы ВВС США Крич в штате Невада!

Задумаемся?

ЧТО НЕОБХОДИМО АВИАНАВОДЧИКУ СПЕЦНАЗА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

Для успешного выполнения боевых задач в современной войне необходимо оснастить авиационных наводчиков и корректировщиков артиллерийского огня самыми современными приборами разведки, наблюдения, средствами навигации, связи, метеорологических наблюдений, сигнальными и обозначающими средствами. Причем это оснащение должно быть лучшим по всем мировым стандартам и требованиям. Здесь экономить нельзя. Одно из требований к оснащению спецназовцев – это небольшие габариты и вес всех приборов и средств.

Что необходимо иметь в табеле положенности для данных специалистов спецназа? **Предложу свой перечень снаряжения, экипировки и сигнальных средств ПАН и КАО группы спецназа** *(вариант):*

– лазерный целеуказатель – дальномер подсвета наземных целей для ударов авиации (компактный и легкий);

– бинокль с углоизмерительной сеткой типа Б-8 (Б-12);

– бинокль-дальномер Leica Vector IV (или лазерный прибор разведки ЛПР-1М) с зарядным устройством и набором по уходу за оптическими приборами;

– приборы ночного видения (очки, монокуляры);

– компас Андрианова (жидкостный компас);

– навигатор типа GPS с приводами на ноутбук и на бинокль-дальномер Leica Vector IV;

– секундомер;

– укомплектованная офицерская сумка или мини-планшет под топографические карты (масштаб 1:50000, 1:100000, 1:200000) и для аэрофотоснимков районов заинтересованности (масштаб 1:8000);

– штурманский набор (микрокалькулятор МК-85, офицерская линейка с транспортиром, артиллерийский круг АК-3, масштабная линейка МПЛ-50, циркуль-измеритель, прибор расчета корректур ПРК-75, хордоугломер, курвиметр, фонарик, палетки, таблицы, журнал авианаведений, разведки и обслуживания стрельбы, блокнот со справочным материалом);

– средства связи (с бесшумной гарнитурой): УКВ-трансиверы авиационного диапазона с большими дальностями работы или авиационная УКВ-радиостанция Р-853-В-1 (В-2) в комплекте с антенной от радиостанции Р-809М2 типа «Зонт»;

– ноутбук ПАНа с GPS – топографическим и метеорологическим спутниковым обеспечением;

– метеорологический прибор «Кестрел-4000» с комплектом запасных батареек (6 штук);

- штурманские часы с секундомером со светящимися стрелками и барометром-анероидом;

– 26-мм сигнальный пистолет СП-81 (или СПШ-44) с набором ракет разных цветов (по 10 штук красного, зеленого, желтого огня, красного и черного дыма);

– американские сигнальные фонари авианаводчика фирмы INOVA со съемными конусами-объективами разных цветов (белый, оранжевый, желтый, красный);

– набор сигнальных переломных свечей-огней фирмы PARAT разных цветов (желтый, зеленый, красный, голубой, оранжевый, белый) и разной длины – от 10 до 38 см – с различными сроками свечения – от 5 минут до 12 часов;

– металлическое сигнальное зеркало;

– набор сигнальных пиротехнических обозначающих средств (сигнальные ракеты, сигнальные патроны дневного и ночного действия, ручные дымовые гранаты, дымы, пирофакелы);

– легкое сигнальное полотнище типа «квадрат» (2 на 2 метра) оранжевого или желтого цвета с возможностью закрепления на грунте.

Навигатор, штурманский набор

Сигнальные ракеты

Перечень необходимого снаряжения определяется характером и родом деятельности авианаводчиков и корректировщиков спецназа и требованиями ко всем их приборам – это надежность, функциональность в любых климатических и погодных условиях, небольшие габариты и вес, а также их

Сигнальный патрон

уникальными возможностями и тактико-техническими характеристиками. Например, с помощью швейцарского дальномера квантового типа Leica Vector IV можно определять не только дальности до ориентиров и целей, но и азимуты магнитные до этих же объектов. А дальше, при необходимости работы с артиллерией, ввести поправку – и вот вам, пожалуйста, дирекционный угол по цели. Последние модели этого дальномера эффективно работают в ночных условиях и сопрягаются с навигатором типа GPS, что позволяет после снятия полярных координат (дальности и азимута магнитного по цели) оперативно с экрана GPS считывать географические или прямоугольные координаты цели. Сравнительно удобен и надежен и отечественный дальномер ЛПР-1М (подходящий для спецназовцев еще со времен войны в Афганистане благодаря компактности и небольшому весу – не более 5 кг в боевом положении). Остальные отечественные приборы весьма массивны и громоздки. Например, масса дальномера ДС-1М-1 в рабочем положении – 34 кг, а в походном – 65 кг. Столь же неподъемен в горы и дальномер артиллерийский квантовый ДАК-2М, его масса в боевом положении – 34 кг, а в походном – 42 кг. Примерно такие же габариты и весовые характеристики, как у ДАК-2М, и у лазерного целеуказателя – дальномера подсвета наземных целей для ударов авиации – 1Д-22 (ЛЦД-2), который по названным выше причинам не может быть взят на вооружение авианаводчиками спецназа. Почему-то у иностранного спецназа давно на вооружении компактные и легкие лазерные целеуказатели – дальномеры подсвета наземных целей для ударов авиации, а наш ВПК выпускает пока что тяжелые аналогичные приборы, не подходящие по всем статьям для спецназа. Средства связи с авиацией иностранного производства также весят практически ничего – от 345 граммов до 1,1 кг, а отечественные радиостанции в десятки раз больше. Ноутбук авианаводчика с метеорологическим спутниковым обеспечением позволяет оперативно оценивать метеорологическую обстановку по району заинтересованности с помощью российских метеорологических спутников. Отечественный десантный метеорологический комплект ДМК весит все 24 кг, а метеорологический прибор «Кестрел-4000» – всего 102 грамма, последний представляет собой компактный прибор, не больше телевизионного пульта, а функции практически те же самые, что измеряет ДМК (за исключением определения направления ветра). Не одно десятилетие надежно служит авианаводчикам спецназовцев 26-мм сигнальный пистолет СП-81 (или СПШ-44), позволяя эффективно обозначать посадочные площадки для вертолетов эвакуации. Интересные решения для обозначения посадочной площадки экипажу вертолета представлены американскими сигнальными фонарями авианаводчика фирмы INOVA со съемными конусами-объективами разных цветов. А набор сигнальных переломных свечей-огней фирмы PARAT полностью соответствует специфике работы групп спецназа. Ими легко и очень быстро можно обозначить периметр посадочной площадки для вертолета эвакуации.

ДРУГИЕ «ПОДВОДНЫЕ КАМНИ» НА ПУТИ ПОДГОТОВКИ

Боевая подготовка сегодня проводится по указанию финансистов, то есть реально решаются не те вопросы, которые жизненно необходимы спецназовцам, а те, которые доступны по деньгам! Приняты также изменения и поправки, существенно усложняющие организацию и проведение подобных межведомственных сборов между спецназом, авиацией и артиллерией – различными обоснованиями необходимости данных сборов на самом высоком уровне, запросами котировок цен на услуги летчиков и артиллеристов и, наконец, заключением государственных контрактов с военными учебными заведениями ВВС и РВ и А. Эти документы, принятые на самом верху, сильно усложнили подготовку всех квалифицированных специалистов для спецназа, приобретение вооружения, снаряжения, обмундирования для нужд военнослужащих. Например, для закупки снаряжения и экипировки ПАНам и КАО групп спецназа необходимо проводить различные мероприятия, ограниченные по срокам: запросы котировок цен, различные тендеры и т.д. и т.п. Например, спецназовцам требуется для авианаводчиков закупить хорошие дальномеры типа Leica Vector IV. Как положено по закону, проводится тендер с определением всех требуемых показателей к будущему товару. Но после этого тендера побеждает не дальномер Leica Vector IV, а какой-нибудь кустарной фабрики «Кузнечик» дальномер-шагомер мобильный «Эврика», так как последний дешевле. **В результате проведения тендеров на оснащение спецназа идет не все самое лучшее, а все самое дешевое и соответственно самое дерьмовое!**

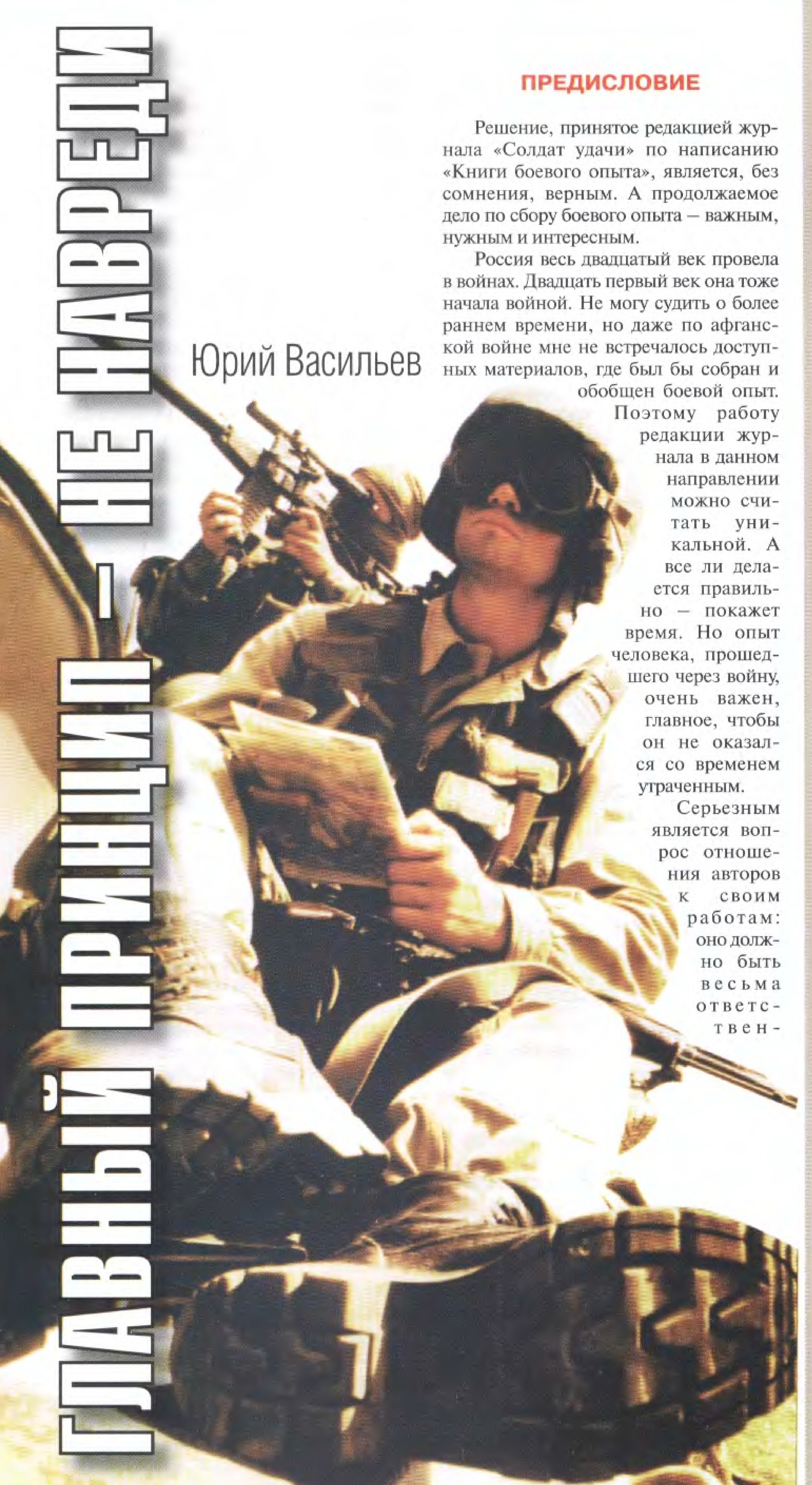
Кроме того, так называемые рейдеры добрались уже и до объектов ВПК, составляющих стратегический щит страны, захватывая и разграбляя уникальные военные заводы и предприятия. О какой конкуренции наших предприятий с западными производителями в таких условиях может идти речь? Почему бы власти не провести показательное наказание этих рейдеров, уничтожающих обороноспособность нашей Родины, причем в самой жесткой (а может, в жестокой?) форме. Тогда у нас в скором будущем и появятся отечественные лазерные дальномеры, не уступающие ни в чем тем же Leica Vector IV, и легкие отечественные лазерные целеуказатели – дальномеры подсвета наземных целей для ударов авиации.

Сигнальные переломные свечи PARAT

ГЛАВНЫЙ ПРИНЦИП – НЕ НАВРЕДИ

Юрий Васильев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Решение, принятое редакцией журнала «Солдат удачи» по написанию «Книги боевого опыта», является, без сомнения, верным. А продолжаемое дело по сбору боевого опыта – важным, нужным и интересным.

Россия весь двадцатый век провела в войнах. Двадцать первый век она тоже начала войной. Не могу судить о более раннем времени, но даже по афганской войне мне не встречалось доступных материалов, где был бы собран и обобщен боевой опыт. Поэтому работу редакции журнала в данном направлении можно считать уникальной. А все ли делается правильно – покажет время. Но опыт человека, прошедшего через войну, очень важен, главное, чтобы он не оказался со временем утраченным.

Серьезным является вопрос отношения авторов к своим работам: оно должно быть весьма ответственным, а то, о чем они рассказывают, – продуманным, интересным, проверенным и, несомненно, полезным.

Но, к сожалению, не всегда так бывает, если судить по некоторым публикациям. Есть и такие, которые вызывают немалые сомнения. Так, например, в «Солдате удачи» № 11 за 2005 год была опубликована статья под названием «Мелочи», которые спасут вам жизнь...» (заголовок вынесен на обложку журнала). Автор – И. Срибный. Перечитал ее несколько раз и остался в глубоком недоумении. С того момента прошло немало времени, но отношение к этой работе и, естественно, ее автору не изменилось.

В этой статье И. Срибный в достаточно категоричной форме, как истину в последней инстанции, дает шесть советов. На мой взгляд, в большей или меньшей мере, ни одному из них следовать нельзя. Об этом и хотелось бы поговорить, опираясь на собственный опыт и приводя в некоторых случаях примеры из своей практики.

Но обо всем по порядку.

ПЕРВЫЙ УДАР ДОЛЖЕН БЫТЬ РЕЗКИМ...

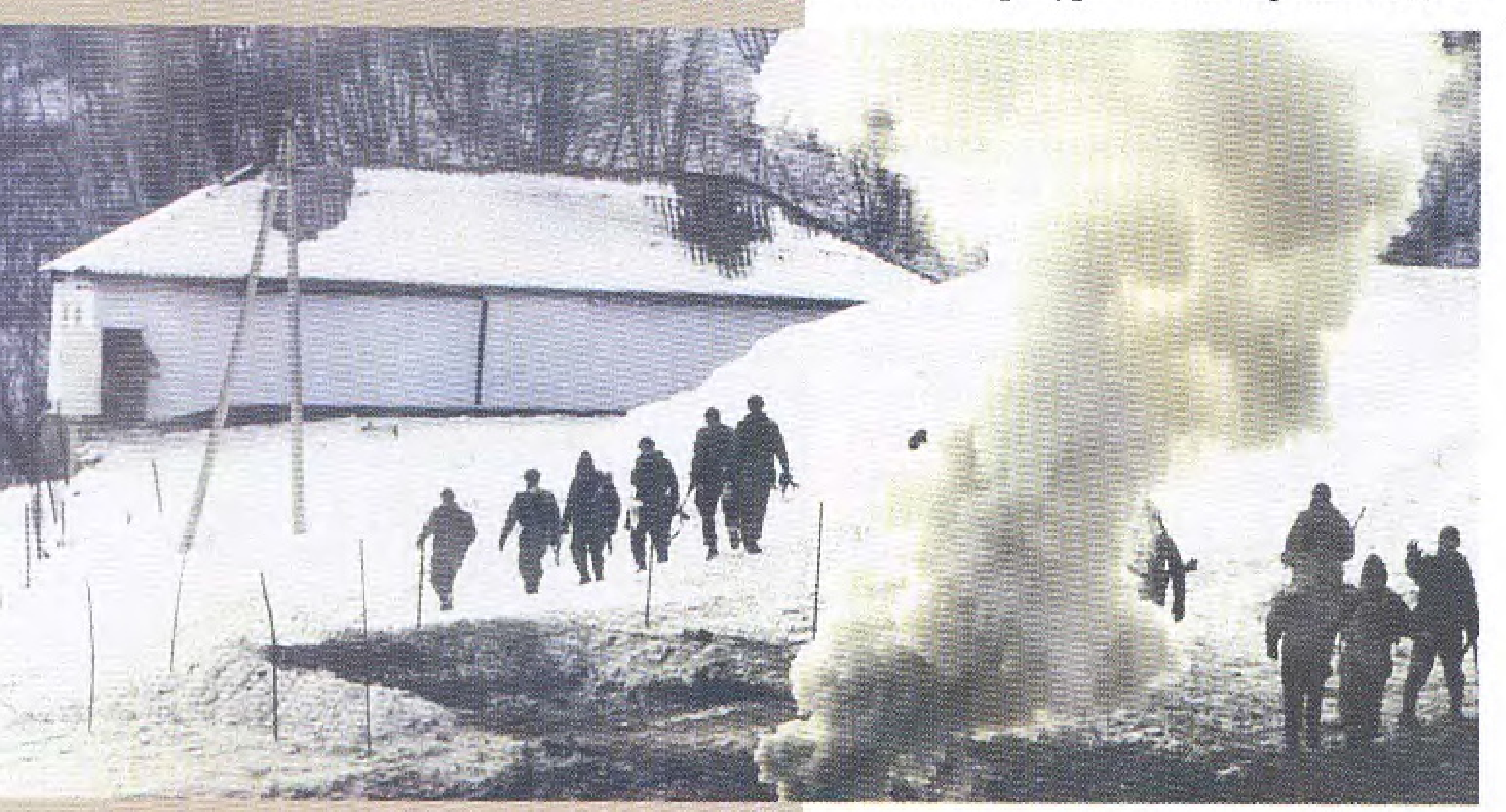
Представляется Срибный как ветеран, специалист разведывательно-диверсионного дела. И это сразу настораживает. Любят у нас некоторые товарищи подбирать себе имидж покруче. Для солидности и авторитета. Потому и появилось изрядное количество разных спецназовцев и разведчиков-диверсантов. Словно в матушке-пехоте и не воевал уже никто, все только в разведке да в спецназе. Хотя самую важную и трудную работу на войне выполняла именно она, пехота. Только многие этого не хотят признавать. Ведь пехота не является элитным родом войск. Другое дело – спецназ.

В своем первом совете автор рассказывает о передвижении во время разведывательного рейда: *«Ваше оружие должно быть изготовлено к стрельбе: патрон в патроннике, предохранитель – на одиночный огонь, приклад откинут и находится в районе плеча слегка прижатым»*. Далее идут рассуждения по поводу того, что одиночный огонь предпочтительнее автоматического, и объясняется почему.

Кажется, что все правильно. Такое оружие, как автомат, не предназначено для ведения длительного автоматического огня. Его основной режим – короткие очереди или одиночная стрельба. Для ведения мощного автоматического

огня в подразделениях имеются пулеметы со сменными стволами.

Но здесь есть одна деталь, которую автор, дающий советы, упустил или не знает о ней. А заключается она в том, что в любой драке, как правило, побеждает тот, кто первым нанесет сильный, резкий и неожиданный удар. В бою же победа достанется, скорее всего, тому, кто первым даст мощный автоматический огонь высокой плотности по всему построению боевого порядка противника или по его наиболее важному участку. Этим противник будет сразу деморализован и понесет потери, еще не вступив в бой. И проверено это, между прочим, в реальной обстановке неоднократно. Поэтому предохранитель оружия должен быть установлен на автоматический режим, и бой нужно начинать именно автоматическим огнем. Это выгодно и дает преимущества практически в любой ситуации. А в дальнейшем, когда противник рассредоточился и занял огневые позиции, следует переходить на одиночную прицельную стрельбу.

В подтверждение хочу привести пару примеров.

ПРЕДОХРАНИТЕЛЬ «НА ГОРЛЕ СОБСТВЕННОЙ ПЕСНИ»

В направлении одного из чеченских сел двигалась совместная колонна сил Минобороны и МВД с целью проведения «зачистки». Согласно оперативной информации, накануне в этот населенный пункт вошла большая банда боевиков. Планировалось блокировать ее в селе и уничтожить.

Анализ этих событий показал: противник знал о готовившейся спецоперации. На повороте дороги была организована засада. Когда половина колонны прошла поворот, одновременно по ее голове и хвосту из засады был открыт огонь. Колонна остановилась, ее личный состав спешился, занял оборону и открыл огонь.

Наше превосходство — и численное, и огневое — было подавляющим. Бой долго не продлился, противник группами начал отходить в лес. Возможно, он не выдержал нашего сильного и организованного огня, а может быть, ставил своей целью задержать колонну, чтобы дать возможность основным силам банды успеть уйти из села. Если так, то это была не засада, а просто боевое охранение, и со своей задачей оно справилось успешно. Но в данном случае это не суть важно.

Во время боя, укрывшись за броней головного БТР, я организовал оборону на порученном мне участке. Наблюдая за противником, обнаружил, что по просеке в глубь леса отходит группа боевиков: человек семь—восемь. Их темные фигуры были хорошо видны на свежевыпавшем снегу. Дальность до них — метров триста. Немало, но для автомата вполне достижимо. В моем поле зрения они будут находиться четыре—пять секунд. Решил специально никого из них не выцеливать, а накрыть всю группу длинной очередью на весь магазин. Благо, он у меня был пулеметный, на сорок пять патронов. В этом случае, полагал, хоть кого-то, но достану.

Быстро изготовился к стрельбе, нажал на спуск, надеясь услышать длинную очередь. Но хлопнул одиночный выстрел. Сразу не сообразив, снова нажал на спуск. Опять одиночный. Повернув автомат, обнаружил, что предохранитель стоит в положении одиночного огня. Поставил его на автоматический, поднял автомат. Но просека уже опустела. Длинная очередь была выпущена просто в лес.

Автоматный предохранитель у меня всегда находился в положении автоматического огня. Это было правило. А в этот раз почему-то, видимо, по невнимательности, он оказался в положении одиночной стрельбы. Возможно, благодаря этому кто-то из «лесных братьев» и не отправился раньше времени «беседовать к Аллаху».

ОДНОЙ ОЧЕРЕДЬЮ — ЧЕТВЕРЫХ

Другой случай произошел в том же году, но уже в конце лета. Наша разведгруппа, работая в горно-лесистой местности, столкнулась с бандой боевиков. На нашу удачу, противник готовился к привалу и из походного порядка сбился в кучу. А кроме того, он был своевременно обнаружен.

Раньше всех разобрался в обстановке военнослужащий, находившийся в колонне третьим. Офицер. С горной тропы он сделал два шага вправо, чтобы не задеть своих товарищей, стоящих впереди. Патрон в стволе, оружие на автоматическом огне, магазин пулеметный — сорок пять патронов. Огонь по толпе бандитов был открыт длинной очередью, на весь магазин, метров с 40—50. Ему удалось уложить сразу четверых и выиграть несколько секунд для своих. Разведгруппа успела развернуться в боевой порядок, по возможности занять позиции и открыть огонь: автоматический, высокой плотности — и результативный. Чуть позднее в сторону боевиков было сделано и несколько гранатометных выстрелов. Надо отдать должное чеченцам — ответный огонь они открыли уже через несколько секунд. Однако, несмотря на свое почти трехкратное численное превосходство, противник бой не принял и, прикрываясь огнем, отошел.

В моей практике такое случалось только дважды, когда удавалось нанести противнику такие большие потери, буквально за несколько секунд «выкосив» у него треть состава банды.

Вот и ответ на вопрос, в каком режиме огня должно находиться оружие на войне.

УПАСИ ГОСПОДЬ СЛЕДОВАТЬ ПОДОБНЫМ СОВЕТАМ…

Свой второй совет И. Срибный дает в отношении пристрелки оружия, но следовать этой рекомендации еще рискованнее. Сразу начинается: *«Свое табельное оружие вы должны пристрелять лично и знать его возможности при стрельбе на различных делениях шкалы прицельной планки»*.

Тоже все, на первый взгляд, правильно, но есть нюанс. Если позволить всем желающим пристреливать свое оружие, то они его и «напристреливают» так, что потом никто и никуда из него не попадет. Далеко не каждый контрактник, а уж тем более солдат-срочник, знает, как правильно приводить оружие к нормальному бою. Дело это очень непростое, поэтому и выполнять его должны знающие и умеющие люди. Например, офицеры подразделений и офицеры – начальники соответствующих служб. А остальной личный состав, получив уже пристрелянное оружие, должен проверить точность его боя стрельбой. Если при этом что-то не понравилось, сразу попросить исправить. У нас в части, собственно, именно так и было заведено.

А советы по пристрелке продолжаются: *«Если вы боец разведподразделения, для вас наиболее вероятны огневые контакты на дистанциях 100–200 метров. Рекомендую пристрелять автомат в положении «1» прицельной планки, что соответствует дистанции 100 метров»*

Упаси господь следовать подобным советам, иначе оружие подведет в самый неподходящий момент. Его надо пристреливать только так, как это определено в «Наставлении по стрелковому делу» для данного образца оружия. Его не дураки писали. И тогда оно у вас будет стрелять туда, куда вам нужно. На любую дальность. Только не забывай целик устанавливать в нужное положение на шкале планки. А бывает, забывали. Зная это, перед выходом постоянно проверял лично положение прицелов у подчиненных. Взял это за правило.

НАСЧЕТ РЕМНЯ – СОГЛАСЕН

Советы третий и четвертый посвящаются положению и использованию ремня для ношения оружия. Эти рекомендации особых нареканий не вызывают. Есть один только не очень существенный момент: *«Я часто вижу на снимках... «крутых» солдат, которые носят оружие в руках. Ремень, предназначенный для его переноски, при этом натянут на мушку и жестко зафиксирован»*.

Да, такое имеет место. Но хочу подсказать, если автор не в курсе дела, что ширина оружейного ремня меньше, чем высота стойки мушки. Поэтому ремень, одетый на стойку мушки, ее не перекрывает. И прицельный огонь при этом вести в принципе можно. Правда, неудобно. В связи с этим к подобному приему действительно лучше не прибегать. И оружие нужно носить на ремне. В этих вопросах возражений нет.

ПОЧТИ КАК В ЦИРКЕ

Совет пятый. Он веселее всех. Как говорит автор, «диверсант» Срибный, *«речь пойдет о дополнительной экипировке»*.

«...Хочу порекомендовать иметь кроме штатного штыка-ножа два-три дополнительных, размещенных в различных местах».

Значит, имеем штык-нож, к нему три дополнительных, всего получается четыре на каждого разведчика. А в разведгруппе, например, двенадцать человек. Выходит, на всех почти полсотни ножей. Не разведчики получаются, а янычары. Зачем? Кому нужны эти ножи в таком количестве?

Автор сам на этот вопрос и отвечает: *«Эти ножи ввиду отсутствия тяжелой рукояти сбалансированы и легко вонзаются в цель при метании. Мы носили по два таких ножа, закрепляя их на обоих предплечьях. Естественно, что навыки метания ножей нужно постоянно совершенствовать»*.

Теперь понятно зачем. Для метания. Так пусть кто-либо из тех, кто носил по два таких ножа, расскажет, приходилось ли хоть раз их метать в кого-нибудь? Нет? Тогда другой вопрос: а что, в разведгруппе все одинаково хорошо умеют метать ножи? Тоже нет. Кто-то умеет это делать лучше всех. Вот он пускай и таскает метательные ножи, если они нужны.

В моей практике хоть и не часто, но имели место случаи применения холодного оружия. Во всех из них без исключения противник был атакован ножом, при этом клинком ему наносились колющие и рубящие удары. Но ни разу мне не приходилось слышать о том, что когда-то и кто-то воспользовался броском ножа.

У боевого метания ножей есть много сторонников и много противников. Я – противник. И считаю, что в современной войне, при современном оружии умение метать нож является практически бесполезным навыком. Метание ножей – это, может быть, красивый вид спорта. Или захватывающий цирковой трюк, подобный жонглированию саблями или глотанию шпаг. А учебное время лучше потратить на отработку приемов рукопашного боя с применением холодного оружия. Пользы будет гораздо больше.

То, что нам в данном случае предлагается в отношении метательных ножей, называется просто – захламление снаряжения ненужными вещами. При определенной сноровке можно и обыч-

ный кирпич вполне успешно метнуть во врага. Но это совсем не значит, что его нужно постоянно иметь при себе.

А нож конечно же необходим. Какой он должен быть, пусть каждый решит для себя сам. Но следует помнить при этом, что на войне нож – это в первую очередь многофункциональный инструмент, и только в последнюю – оружие.

ЗАДАЧА ДЛЯ САМЫХ СООБРАЗИТЕЛЬНЫХ

Но продолжим обзор советов, они идут один за другим: *«...Нужно быть готовым ко всякого рода неожиданностям. Кто ходил в глубинную разведку, сообразит, о чем идет речь».*

А кто не ходил, тот, что же, не сообразит? Ну и зачем тут «напускать туману»? Для важности? Вполне понятно, что речь идет о возможности вашего пленения противником.

Плен... Тема эта очень серьезная, касаться ее непросто. Тут даже трудно решить, что страшнее – плен или гибель. Кто был на войне, наверняка задумывался об этом.

Тем не менее при ведении боевых действий в плен попадали довольно редко, особенно во время второй чеченской войны. Трудно представить себе, каким образом хорошо обученный, вооруженный военнослужащий, выполняющий задачу в составе подразделения, пусть и небольшого, даже, так сказать, в глубинной разведке, может попасть в плен. Это возможно больше теоретически. В моей практике такого не встречалось.

Как правило, в руки врага военнослужащие попадали по собственной вине и личной недисциплинированности. К примеру, те, кто отправлялся за покупками или за спиртным, кто самовольно оставил расположение части по иным причинам.

Так что для того, чтобы найти неприятности, далеко ходить было не нужно. Например, в глубинную разведку. Они были рядом.

«ЗАРЯЖЕННЫЕ» ЖЕЛЕЗОМ

Дальше идет рассказ, как нужно готовиться к возможному пленению. Как для этого плющить, затачивать и гнуть гвозди, куда их после этого девать. В обуви их, оказывается, следует прятать...

От таких советов ни вреда, ни пользы. Кто хочет, может им следовать. Это на любителя. Все равно воспользоваться ими не удастся. А вот еще: *«В швы штанов вправляются жилы от расплетенного троса... Жила троса может трансформироваться и в режущий предмет, и в удавку». Здесь просто пожимаем плечами и идем дальше: «В поясе штанов размещаются два-три фрагмента полотна ножовки по металлу длиной 10–12 см. ...В многочисленные клапаны карманов можно вправить кусочки лезвий. Они не прощупываются и не образуют углов».*

Во-первых, мне хотелось бы посмотреть на военного, «заряженного» подобным железным хламом. На то, как при выполнении им боевых задач все это барахло его постоянно колет, царапает и травмирует. А не случится ли так, что обломок ножовочного полотна, запрятанный в поясе штанов, при неловком и неосторожном движении окажется у него же в печени? Помню, будучи еще курсантами военного училища, запасные иголки мы прятали в петлицах кителя. Потом, забывая о них, все время царапали и кололи ими себе руки и шею.

А во-вторых, познакомиться бы с тем человеком, которому все эти железяки помогли, выручили его и спасли. Но, скорее всего, такого человека нет и быть не может. Потому что противник у нас был сильный, хитрый и опасный. И на такие дешевые уловки не покупался. Во всех известных мне случаях пленники тщательно обыскивались, их одежда и обувь, как правило, изымались.

Не могу даже придумать, каким образом, находясь в плену, можно использовать обломок бритвенного лезвия. Побриться? Или вены себе вскрыть? Так стоило тогда в плен сдаваться?

СЮЖЕТ ДЛЯ КРУТОГО БОЕВИКА

И рисуется картина, уж прошу прощения...

Сидит узник в «темнице сырой». Из клапана кармана достает спрятанное бритвенное лезвие и освобождает себя от пут. Потом из пояса брюк извлекает обломок ножовочного полотна и начинает пилить решетку на окне. Нет решетки? Как нет? И окна тоже нет? Тогда он пилит проушину замка. Замок-то есть?

Пилит долго, но одолел. Дверь тихо отворилась на хорошо смазанных петлях...

А в коридоре – часовой. Он спит, естественно.

В ход идет жила троса, которая тоже имеется при себе. Она набрасывается на шею часового. Он даже не пикнул.

А дальше – все, счастливый конец.

Ну и как вам сюжет? Развеселил? Кино, вино и домино.

ЖУТКАЯ ПРАВДА О СУПИНАТОРЕ

И в довершение ко всему: *«В подметках ботинок имеются металлические пластины – супинаторы. Разрезав подошву вдоль, их можно извлечь и заточить о любой камень».*

Все, дальше некуда. Возникает вопрос: если есть чем резать ботинок, чтобы из него достать супинатор, никчемную тупую и кривую железку, то зачем его нужно резать вообще? И чем его резать? Бритвенным лезвием, спрятанным в клапане кармана? Но лезвием ботинок не разрезать. И руками его не разорвать. А как использовать супинатор, даже если его и удалось извлечь и заточить?

В этом случае автор «мелочей», которые «могут спасти нам жизнь», развеселил не только меня, но и многих, с кем мне об этом довелось разговаривать.

Есть и шестой совет. Он касается подготовки горного снаряжения. Я в этих вопросах понимаю мало, потому пусть он останется на совести автора.

Человеку свойственно ошибаться. Но не может же он ошибаться без конца и на каждом шагу...

ЕСТЬ СОМНЕНИЯ – НАДО РАЗОБРАТЬСЯ

Конечно, далеко не все опубликованные в журнале работы – подобного уровня. В большинстве своем они интересные, толковые и продуманные. Читать такие – одно удовольствие. И польза. Правда, среди них встречаются и достаточно специфические, рассчитанные на узкого специалиста: авианаводчика, арткорректировщика и т.д. В них используются своя терминология, свои расчеты, формулы. Это не всем понятно.

Бывает и так, что в хорошей работе по каким-то отдельным вопросам возникает сомнение или непонимание. Так, в «Солдате удачи» № 3 за 2007 год опубликована статья под названием «В городских лабиринтах». В ней автор Дмитрий Дубровский, на мой взгляд, умно и интересно рассказывает о различных приемах ведения боевых действий в городских условиях. Видно, что он знает, о чем говорит.

Мне приходилось вести боевые действия в населенных пунктах, однако в городских условиях, где имеются целые районы многоэтажных домов, – нет. Разве что только один раз, когда входили в Грозный со стороны Черноречья и попали в засаду. Пришлось принять оборонительный бой. Но это совсем другое. Потому и не считаю себя особым знатоком в данном вопросе. Но материал Дубровского понравился. Мне кажется, что там он все правильно объяснил.

Сомнения вызвала следующая фраза автора: *«Стрелять из подствольного гранатомета, нажимая спуск правой рукой и упирая приклад в плечо, неудобно. Проще упирать в плечо пистолетную рукоятку или сложить приклад»*.

При стрельбе из ГП-25 я пробовал использовать оба предложенных способа. Они мне не подошли. Сильная отдача при выстреле вызывает весьма болезненные ощущения, особенно если место упора оружия выбрано неудачно, например в районе ключицы. Кроме того, после такой стрельбы на плече остается обширный и болезненный синяк.

На вооружении у меня имелся АКС-74 со складным рамочным прикладом. Хорошее и удобное оружие. Перед использованием ГП-25 на приклад устанавливался штатный резиновый затыльник. Во время выстрела приклад упирался в плечо, правая рука лежала на пистолетной рукоятке автомата, левая – на рукоятке подствольного гранатомета. На цель оружие наводилось при помощи штатного прицела. Выстрел производился указательным пальцем левой руки. Все достаточно удобно.

Если резиновый упор отсутствовал или не было времени на его установку, то приклад автомата упирался не в плечо, а плотно прижимался к правому боку локтем правой руки в районе подмышки. Остальное выполнялось, как и в вышеприведенном способе. Основной толчок отдачи принимали на себя кисть и предплечье правой руки. И в данном способе тоже имелась возможность пользоваться штатным прицелом.

И еще. *«Для навесной стрельбы необходимо прикрепить к автомату с ГП-25 обычный строительный угломер (продается в каждом хозмаге) и запомнить угол, под которым был выпущен ВОГ»*, – пишет автор.

Здесь мне не совсем понятно, зачем нужно пользоваться примитивным строительным приспособлением, если при ГП-25 имеется штатный, удобный и хороший прицел. Он позволяет вести огонь по нужной цели как настильным, так и навесным огнем. Для точного выстрела необходимо только, по возможности, правильно определить дальность до цели. Ну и, естественно, учесть поправку на боковой ветер. Но все это важно для любой стрельбы из любого оружия. Или, возможно, я не так понял мысль автора? Может быть, при применении ГП-25 в городских условиях не всегда есть возможность использовать штатный прицел, тогда и необходим строительный угломер?

«...ВОГ становится на боевой взвод, пролетев 10–15 метров. При выстреле в упор в окно или дверной проем он может и не взорваться», – продолжает автор.

Но он может не сработать и на несколько большей дальности, так как взводится на расстоянии от 10 до 40 метров. Но это уже чистой воды придирки. Хотя, стреляя из ГП-25, эти особенности следует знать.

ПОЖЕЛАНИЕ ВЕТЕРАНАМ

По возвращении с Кавказа в моем арсенале тоже имелось достаточно много знаний и опыта, различных приемов и способов. Этим сразу хотелось поделиться с читателями журнала. Но вовремя остановил себя. Все это еще следует хорошо продумать и осмыслить. И самому разобраться во всех вопросах.

В связи с этим хотелось бы обратиться к участникам и ветеранам боевых действий. Вами много сделано, немало пройдено и пережито. Многие из вас включились в создание «Книги боевого опыта», чтобы поделиться тем, что удалось постичь в боевых условиях. И это правильно. Но здесь, по-моему, необходимо следовать одному из медицинских принципов: не навреди! И быть строгими к себе. Все то, о чем вы хотите рассказать, должно быть неоднократно проверено в реальных действиях и в бою, не вызывать никаких сомнений в своей правдивости, целесообразности и пользе. Причем в первую очередь у вас самих. Но, к сожалению, не всегда дело обстоит именно так. Пример тому – статья И. Срибного, на которую мне, увы, пришлось часто ссылаться.

С глубоким уважением ко всем вам, воевавшим и воюющим.

ЧЕЛОВЕК В КОЛОННЕ

Портреты на фоне бригады

Олег КОЛОМИЕЦ

Что такое путь военного автомобилиста, если сказать очень коротко?
Это – колонны, колонны...
Их движение в масштабе армии непрерывно – везде и всюду нужно доставлять военные грузы. Колонны идут днем, идут ночью. Идут по ухабистым дорогам средней полосы, по полигонному бездорожью, по забайкальским и дальневосточным глухоманям, по горным серпантинам. Идут по «горячим точкам». Идут везде, даже «у черта на куличках», – просто потому, что без «колес» нельзя. Они нужны как воздух. Без них, доставляющих повсюду грузы, остановилась бы жизнь.

ПУТЬ

Весь путь автомобилиста, образно говоря, – это движение с остановками, ночевки в кабине, сухпай, поглощаемый второпях или прямо за рулем. Это подрывы и обстрелы в зоне боевых действий. Пылающий «Урал», который пытаются сбросить с дороги, чтобы выйти из зоны обстрела. Ось КамАЗа, зависшая над пропастью на крутом горном повороте, когда, казалось бы, ни вперед, ни назад, а жить хочется неимоверно. Это газ «до полика» среди гранатометных разрывов и пуль, дырявящих кабину, вонзающихся в висящий в окне водителя вместо стекла бронежилет.

И все это время, где бы то ни было, часами и сутками напролет перед тобой, водитель, – кузов впереди идущей машины. И твоя главная задача – держать дистанцию и не отрываться от него, что бы ни случилось. Потому что ты – солдат, и ты – в колонне...

Это не отвлеченный образ, а лишь некоторые из реальных ситуаций, которые привычны для бывалых военных автомобилистов. Просто я долго думал, с чего начать свой материал о 22-й автомобильной бригаде Министерства обороны, но как-то изначально не хотелось «бравурных» фраз.

Да, эта бригада одна из лучших, да, она выполняет большой объем перевозок, и обо всем этом мы дальше поговорим подробней. Но после общения с офицерами бригады, которые прошли, казалось бы, все, что можно пройти, мне захотелось начать именно с ПУТИ военного автомобилиста. Это очень нелегкий путь, требующий знаний, мужества и готовности к самопожертвованию. Поэтому для начала приведу один, особенно врезавшийся в душу эпизод, рассказанный мне воевавшим в Чечне офицером 22-й бригады Романом Денисовым. Почему начать хочется именно с этого случая? Потому что уверен – под ним подпишется каждый автомобилист, чей путь пролег через войну. У всех из них наверняка случались подобные моменты, когда нужно было выручать брата по колонне, не думая о себе.

Это произошло во время движения колонны по горному району во время второй чеченской кампании. Машины, увеличив дистанцию, неслись по некрутому, но затяжному спуску, в конце которого лежал мост через реку. На КамАЗе, который вел опытный водитель-контрактник, вдруг заклинило руль. «Редчайший случай, – заметил рассказчик. – Но тем не менее такое произошло, и как раз в самый неподходящий момент, когда КамАЗ на скорости около восьмидесяти километров в час приближался к мосту. Сделать водителю что-то в той ситуации было практически невозможно, машина стала неуправляемой».

Представьте себе мост высотой несколько десятков метров... Пробив ограждение, КамАЗ, переворачиваясь в воздухе, полетел вниз, рухнул в реку

вверх колесами и начал быстро тонуть.

В техническом замыкании колонны ехал лейтенант. Все произошло на его глазах, и он не терял ни секунды. Его «летучка» (так в обиходе называют машину технического обеспечения) тут же свернула у моста с дороги и начала съезжать по крутому спуску вниз, к берегу. За это время КамАЗ ушел на дно. Лейтенант успел заметить, в каком именно месте. До него было от берега всего-то метров десять. Но это были десять метров бурной горной реки с сильнейшим течением и ледяной водой.

Лейтенант вытащил из «летучки» длинную веревку, обвязался ею, другой конец прикрепил к машине. У него не было времени даже на то, чтобы скинуть с себя обмундирование. Счет шел на секунды – на дне, в перевернутом грузовике, уже несколько минут лежал водитель... Офицер, примерно прикинув снос течения, забежал по берегу левее, бросился в воду, поплыл. Начал нырять.

Наконец в очередной раз лейтенант вынырнул уже с безжизненным, как казалось, телом контрактника. Но водитель был жив, только без сознания.

Если сказать, что лейтенант рисковал, – значит, ничего не сказать. Он рисковал ни больше ни меньше – жизнью. Его самого сильно побило о подводные камни. Потом все удивлялись, как он не потерял под водой сознание от таких ударов, как он вообще смог сделать ЭТО – при сильнейшем течении зацепиться за машину, разбить под водой ветровое стекло, вытащить солдата и выплыть с ним наверх. Факт тот, что водитель был спасен, хоть и весь переломан: обе ноги, рука, шейный позвонок, имелось много других травм. Он летел в воздухе примерно с высоты сорока метров, грузовик врезался в воду кабиной. Как водила остался жив – одному Богу известно. Лейтенант, ныряя за ним, не думал о том, вытащит он бездыханное тело или водитель еще будет жив. Просто он сделал в той ситуации все что мог, чтобы спасти брата по колонне...

– К сожалению, не помню уже фамилии этого офицера, – сказал Роман. – Зато хорошо помню, что командование представило его к награждению медалью. При мне, до моей замены из Чечни, он так и не получил награду, хоть и прошло около года...

– Но главное-то – другое! – улыбнулся Роман. – Примерно через полгода этот контрактник, которого спасли, приехал к нам в часть – «своим ходом», без всяких костылей, то есть вылечившимся. Мы все были так рады увидеть его на ногах. А приехал, конечно, для того, чтобы сказать спасибо тому лейтенанту. Они обнялись, как братья.

Вот такой случай. Как заметил мой собеседник, факт не исключительный, аналогичные ситуации бывали и до, и после. Но он показательный в плане самой службы военных автомобилистов, их взаимовыручки. Колонна – это единое целое, в ней не может быть такого, что каждый сам за себя...

ИСТОРИИ ЖИТЬ ИЛИ ПЫЛИТЬСЯ В АРХИВЕ?

..Мы сидим в кабинете командира бригады полковника Александра Груданова, пьем чай, беседуем. Александр Геннадьевич – один из тех настоящих полковников (пишем без кавычек) автомобильных войск, путь которого пролег через тысячи километров различных дорог, пройденных в колоннах. В 1989 году он окончил Самаркандское высшее военное автомобильное командное училище, прошел все ступени командных должностей, начиная от командира взвода и заканчивая нынешней: с 2004 года – командир 22-й автомобильной бригады. Довелось ему бывать и в боевой обстановке, когда служил в Грузии, как раз во время начавшейся там «заварухи». Окончил Военную академию тыла и транспорта. Награжден медалью «За воинскую доблесть» I и II степени и другими наградами, имеет знак отличия министра обороны за образцовую эксплуатацию военной техники, знак отличия офицера тыла, несколько ценных подарков от министра обороны.

Во время нашего разговора то и дело протяжно доносится колокольный звон – здесь, в подмосковном городе Дмитрове, много церквей. Кажется, сама атмосфера этого старинного, очень красивого городка освящена мелодичным звоном.

Впрочем, здешние «прелести» для человека в погонах «кусаются»: например, снять в поднаем квартиру стоит практически всю «получку» младшего офицера или около этого. Потому, как мне сказали, и не снимают – просто нереально по цене, ведь те деньги, что выплачивают за поднаем, – мизер. Живут офицеры со своими семьями в основном в общежитиях: два из них находятся прямо на территории части, два – в городе. Своих квартир, как правило, нет. Как отметил командир бригады, в последнее время удалось процентов на девяносто снять проблему в отношении уже уволенных офицеров, сейчас на очереди те, кто подлежит увольнению. Им должны выделить жилье. Тем же, кто служит, рассчитывать пока можно лишь на неопределенное будущее.

Вот такое грустное замечание по поводу здешних «прелестей жизни». Но сегодня, к сожалению, такими примерами никого не удивишь...

А мы заговорили с командиром бригады на тему, затронутую во время нашего прошлого посещения этого соединения. Тут своя предыстория. Было это в День военного автомобилиста. В бригаде организовали праздник, пригласили журналистов. Программа включала эстафету водителей на КамАЗах, осмотр расположения, пресс-конференцию, дружеский фуршет. Присутствовал генерал-лейтенант Федор Юрьевич Алексаков – начальник Центрального автомобильно-дорожного управления Вооруженных Сил. В тот день во время беседы с журналистами он поднял такой вопрос: почему 22-й автомобильной бригаде, исчисляющей время своего образования с 1943 года, прошедшей славный боевой путь, после войны расформированной, а впоследствии, в 1990-е годы, воссозданной под прежним номером, не дают возможности назваться почетным наименованием своего боевого предшественника? Ведь это, подчеркнул генерал, вопрос преемственности боевых традиций, патриотического воспитания...

Уже тогда мне захотелось вернуться в бригаду, чтобы поговорить и на эту тему и в целом написать о соединении, о людях, которые здесь служат, ведь во время торжеств на подробное общение не было времени. И вот я снова здесь благодаря любезному приглашению командира бригады.

Ситуация с тем, чтобы вернуть боевое наименование 22-й бригаде, складывается, как заметил Александр Геннадьевич, весьма интересная. Он показал целую стопку собранных в военных архивах документов, касающихся боевого пути бригады. Эти документы офицеры выискивали в разных источниках в течение года. Показал и снимок Боевого Знамени 22-й ордена Красной Звезды автомобильной Одесской бригады – таково прежнее почетное наименование соединения. Знамя тоже удалось отыскать с большим трудом.

Из боевого пути 22-й ордена Красной Звезды автомобильной Одесской бригады.

Управление бригады было сформировано 30 октября 1943 года в г. Днепропетровске в составе Юго-Западного фронта. В составе Юго-Западного и 3-го

Украинского фронтов прошла славный боевой путь от Днепропетровска до Австрии и участвовала в боевых действиях на территории Украины, Молдавии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Югославии и Австрии. Бригада вместе с передовыми частями освобождала такие крупные города, как Днепропетровск, Кривой Рог, Новый Буг, Николаев, Одесса, Тирасполь, Измаил, Констанца, Попово, София, Видин, Белград, Субботица, Сексард, Будапешт, Вена, и другие. В период Великой Отечественной войны бригада участвовала во всех основных операциях частей 3-го Украинского фронта. В состав бригады входили:

– 15-й ордена Красной Звезды автомобильный полк (история уникальная, начал войну 22 июня 1941 года, с боями отступал до Москвы, потом вместе со всеми шел в наступление и закончил войну в Вене);

– 66-й ордена Красной Звезды автомобильный полк;

– 65-й автомобильный полк (8 июля 1944 года убыл в распоряжение командующего 1-м Белорусским фронтом в составе 1.889 человек личного состава и 1.044 единиц автомашин);

– 27-й отдельный автотранспортный батальон;

– 839-й отдельный автотранспортный батальон.

Приказом Верховного Главнокомандующего в апреле 1944 года бригаде присвоено почетное наименование «Одесская» за участие в освобождении Одессы и проявленные при этом доблесть и мужество.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 апреля 1945 года за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками, за овладение городом Будапешт и проявленные при этом доблесть и мужество бригада награждена орденом Красной Звезды.

22-я ордена Красной Звезды автомобильная Одесская бригада расформирована в июле – октябре 1945 года. Знамя бригады и описание ее боевого пути сдано в штаб Южной группы войск.

После этого, спустя десятилетия, 22-я автомобильная бригада была образована в своем нынешнем составе в 1994 году. Только уже без своего почетного наименования. Просто бригада... Будто не было тех фронтовых лет в истории их предшественников.

К слову, вспомним, как много в начале девяностых сокращалось «именных» частей, то есть прошедших фронтовой путь и имеющих почетные наименования. Казалось, «сокращается» сама история... Да так оно и было в принципе. Многие ли теперь из нынешнего молодого поколения, воспитанного в годы «реформ», смогут сказать что-то вразумительное о Великой Отечественной войне? Ответ вы знаете сами, он, мягко говоря, неутешительный. А ведь история – это корни народа, его достояние и гордость. И вот немалая часть поколения выросла без «корней»... Горько. И хуже всего то, что плоды беспамятства пожинаем уже сегодня и будем пожинать завтра, от этого никуда не денешься. Так воспитали...

Но это, как говорится, мысли по ходу. Возвращаясь к 22-й бригаде, надо отметить, что материал о боевом пути офицерами собран большой и всесторонний, не менее двухсот страниц текста. На целую книгу хватит. Там есть все – и подвиги автомобилистов, и анализ богатого боевого опыта бригады, и многое, многое другое, что должно не пылиться в архивах, а работать на воспитание нынешних солдат и офицеров. И все это сегодня, надо сказать, активно используется командованием бригады в воспитательном процессе, не зря же «раскапывали» архивы. Но вот вернуть бригаде почетное фронтовое наименование пока не удается, хотя дошли уже, казалось бы, до самих «верхов». Еще на вышеупомянутой встрече с журналистами генерал Федор Алексаков рассказал, что было отправлено соответствующее письмо в Администрацию Президента России, но ответ от одного из чиновников пришел отрицательный. Как заметил Федор Юрьевич, там «не видят целесообразности» в таком шаге...

Просто удивительно. Это в то время, когда в стране выполняется уже вторая программа по патриотическому воспитанию, когда идет речь о возрождении былых традиций... Труднообъяснимая ситуация. Притом что наследники фронтовиков в 22-й бригаде служат достойные. Соединение, еще раз отметим, является одним из лучших, активно участвовало в обеих кампаниях в Чечне.

Вопрос с возвращением почетного наименования, как отметил полковник Груданов, остается открытым. Командование не собирается опускать руки и продолжает бороться за возвращение почетного наименования. Остается лишь надеяться, что вопрос наконец будет решен.

– На чем же еще воспитывать солдат, как не на этом? – кивнул Александр Геннадьевич на «томик» страниц истории бригады.

Действительно, на чем? На боевиках и киносериалах, что ли?

Вспомним известную фразу: без прошлого нет будущего.

А мы обратимся к настоящему. Благо жизнь в автомобильной бригаде бьет ключом. Скучать без дела «колесам» не приходится.

ЖИЗНЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Сразу скажу: знакомясь с жизнью бригады, хотелось прежде всего понять, что конкретно изменилось к лучшему в этом соединении за время реформирования, какие проблемы являются наиболее острыми? Как могу, постараюсь ответить на эти вопросы.

Прежде всего надо сказать, что структурно 22-я автомобильная бригада включает в себя три автомобильных батальона, один из которых – постоянной готовности, а также подразделения обеспечения. Батальону постоянной готовности в 2003 году был вручен вымпел министра обороны за мужество, воинскую доблесть и образцовую эксплуатацию техники. Бригада находится в постоянном движении – она активно осуществляет перевозку военных грузов, участвует в учениях, в том числе экспериментальных, взаимодействует с дорожными войсками. Перевозимые за год различные грузы и ГСМ исчисляются в тысячах тонн. В период первой чеченской кампании от бригады действовала сводная рота, в период второй – сводный батальон. Мно-

гие офицеры имеют боевые награды. Вообще, без автомобилистов не обходится нигде – военнослужащие бригады участвовали и в наведении мостов в Ливане взамен разрушенных израильской авиацией, и в совместных учениях по тыловому обеспечению на Северном флоте, и в государственных испытаниях моста-«ленты» в 2005 году, и в экспериментальных учениях по транспортировке нефтепродуктов на различные стратегические направления совместно с «Транснефтепродуктом», и во многих других важнейших мероприятиях. Все это я рассказываю для того, чтобы читатель получил хотя бы общее представление о напряженности и больших объемах выполняемых здесь задач.

Возникает вопрос: соответствует ли оснащение, обеспечение бригады тем функциям, которые на нее возложены? Или приходится довольствоваться старой техникой, лимитами топлива и т.д.? Оказалось, что налицо, и это совершенно объективно, качественные изменения в лучшую сторону. Что касается топливных лимитов, старой техники, все это, как отметил полковник Александр Груданов, ушло в прошлое, сейчас обеспечение наладилось.

А самое главное – то, что бригада находится в процессе переоснащения на современные машины, такие как КамАЗы семейства «Мустанг» с турбонаддувными двигателями. Не будем сейчас останавливаться на их характеристиках, тем более что о них много пишется в прессе. Факт тот, что эти машины намного превосходят своих предшественников по эксплуатационным возможностям. Один из батальонов уже переведен на новую технику, в том числе на «Мустанги», в прошлом году, сейчас переводится второй, третий получит современные машины в 2009 г.

Усовершенствована и организационно-штатная структура. Например, батальон постоянной готовности сейчас имеет следующий штат: две роты «сухогрузов» (для перевозки разных грузов) и одна – «наливников» (перевозка горючего).

Что дает такое смешанное комплектование, каковы перемены с введением новой техники? Эти вопросы я задал очень уважаемому в бригаде человеку, которого представил мне полковник Груданов, – заместителю командира бригады по вооружению – начальнику технической части подполковнику Сергею Савельеву. Он начал службу в 22-й бригаде, еще будучи лейтенантом, прошел все командирские ступени. В первую кампанию был направлен в Чечню, ходил с колоннами в техзамыкании. Награжден медалью «За отвагу». Опыт у него, как мне сказали, богатейший. До своей нынешней должности командовал батальоном постоянной готовности.

«Необходимость смешанного комплектования подсказал в немалой степени боевой опыт, включая Афганистан, Чечню, – начал свой рассказ Сергей Анатольевич. – Не вдаваясь в технические детали, скажу следующее: смешанное комплектование («сухогрузы» и «наливники») позволяет перевозить в колонне буквально все виды грузов, доставлять их непосредственно к боевым позициям войск. А введение современной техники значительно увеличивает возможности по перевозке всех грузов. Так, с переоснащением нашей бригады на новые машины грузоподъемность возрастает в среднем в полтора-два раза, заметим – при том же количестве техники в колонне. Это связано с гораздо более высокими техническими характеристиками новых машин. Вот лишь один пример: если раньше шли полуприцепы 10 и 14 тонн, то сейчас идут 20-тонные.

Соответственно ожидаем поставки и новых ремонтных органов на базе КамАЗов и «Уралов». Мы их уже опробовали, впечатление хорошее. Оборудование на них самое современное, под новые машины. Если говорить о качественном обновлении техники, штатов, все это несомненный плюс. Другое дело, что возникнут дополнительные проблемы с подготовкой водителей, так как с этого года солдат по призыву, как известно, будет служить год».

Проблема не такая уж простая, если вникнуть в специфику службы в бригаде. Может сложиться так, что подготовленных водителей будет постоянно не хватать. Контрактников здесь практически нет (всего пару человек), хотя в соединение разрешено набирать профессионалов. Но люди не идут: во-первых, своего жилья не имеют даже офицеры, так на что может рассчитывать контрактник? Во-вторых, мало кого привлекает денежное содержание профессионального солдата и сержанта. Где-то в глубинке, наверное, на эту «зарплату» посмотрят по-другому, но Дмитров – городок отнюдь не захолустный, да и Москва сравнительно недалеко. Хороший водитель на «гражданке» заработает несравненно больше, чем в армии. Словом, на пополнение штатов профессиональными водителями пока рассчитывать не приходится. Наверное, поэтому, как я заметил, на тему контрактной службы в бригаде говорят мало и неохотно – просто здесь это неактуально.

(Продолжение следует)

ВОЕННАЯ МИССИЯ МАЙОРА СКРИПКИ

Михаил БОЛТУНОВ

С БОЯМИ ОТ РАВЫ-РУССКОЙ ДО СТАЛИНГРАДА

22 июня 1941 года... Группа армий «Юг» под командованием фельдмаршала Рундштедта нанесла основной удар южнее Владимира-Волынского по соединениям и частям 5-й армии генерала Потапова и 6-й армии генерала Музыченко.

В полосе 6-й армии, у Равы-Русской, оборонялась 41-я стрелковая дивизия генерала Микушева. Она сдерживала натиск трех пехотных дивизий и танковых сил фашистов.

Первые удары подразделения дивизии отражали вместе с пограничниками 91-го погранотряда, которыми руководил майор Малый.

На следующий день, 23 июня, генералом Микушевым была организована контратака, и немецко-фашистские части оказались отброшенными за линию государственной границы. Однако в связи с отступлением соседних подразделений и частей командующий 6-й армией дал команду на отход. Дивизия и 91-й погранотряд оставили Раву-Русскую. Они отступали к Львову.

В рядах пограничников отступал и лейтенант Иван Скрипка. Хотя он и не входил в состав 91-го отряда, но форма на нем была офицера погранвойск. Это для прикрытия. На самом деле Скрипка состоял в штате переводчиков разведотдела штаба Киевского особого военного округа и служил на разведпункте при 91-м погранотряде. Правда, послужить в Раве-Русской ему пришлось недолго. В конце апреля 1941-го прибыл, а 22 июня уже началась война.

И вот теперь они с боями отходили к Львову. По дороге их бомбила фашистская авиация. Как-то при очередном налете по команде «Воздух» колонна пограничников рассыпалась в придорожные канавы, но вместо бомб на голову стали падать листовки, газеты. Некоторые из них подобрал и лейтенант Иван Скрипка. Листовки были на русском языке и призывали сдаваться на милость новым хозяевам, а вот газеты почему-то — на немецком. Видать, не успели фашистские пропагандисты так быстро перестроиться.

Язык противника лейтенант знал неплохо и потому, убедившись, что фашистские самолеты улетели, с интересом развернул газету. На первой полосе большой снимок — избитое, в кровоподтеках, изможденное лицо советского офицера. Под снимком подпись: «Первый русский пленный офицер на Юго-Западном направлении. Захвачен во время сна, без документов». Ни фамилии, ни имени названо не было.

Иван смотрел на снимок и чувствовал, как нарастает волнение, как стучит в висках кровь и перехватывает горло. Первым русским пленным офицером оказался его друг Игорь Солоха. Они встретились на разведкурсах в Москве, потом вместе учились в Смоленске, в Киеве, жили в одной комнате, вместе зубрили страноведение, методы разведки противника, и главное — немецкий язык.

Игорь был высок, красив, умен.

Пришел он из кавалерийских частей и на пехотных офицеров смотрел немного свысока. Этакая кавалерийская то ли гордость, то ли надменность. Иван хоть и служил в стрелковом полку, но был артиллеристом – «богом войны», и потому Солоха держался с ним запросто, на равных. Когда погиб в автокатастрофе секретарь парткома курсов майор Яков Прилуцкий и партийные заботы наряду с трудной учебой легли на плечи Скрипки, Игорь помогал ему в партийных делах.

Они вместе выпустились, попали служить в один военный округ, были назначены на равнозначные должности, только Игорь Солоха оказался на разведпункте во Владимире-Волынском, а Иван – в Раве-Русской.

Скрипка ладонью разгладил газету. «Ах, Игорь, Игорь, как же так? Как это случилось? Что теперь с тобой, жив ли?» – задавал он себе безответные вопросы. Потом, через несколько месяцев, Иван встретит сослуживцев Солохи по разведпункту и узнает обстоятельства его пленения. Оказывается, в ночь с 21 на 22 июня Игорь проводил переброску агента через границу. Операция прошла успешно, а лейтенант Солоха, уставший, решил заночевать в приграничной деревне. Там его и взяли фашисты.

За четыре года войны Иван Скрипка нахлебался всякого: падал вместе с самолетом наземь, десантировался ночью во вражеский тыл, голодал, замерзал в горах, терял боевых товарищей, чудом вырывался из лап фашистов, но портрет избитого Игоря Солохи в немецкой газете так и остался для него самым большим потрясением.

Иван Скрипка не прятался за спины других, участвовал в первых боях, видел врага собственными глазами, но было это словно в тумане, происходило вроде бы и не с ним, а с кем-то другим, а он наблюдал за всем этим со стороны. Не раз ловил себя на мысли, что не может просто так погибнуть, исчезнуть. Оказывается, может. Как его друг, Игорь Солоха. Просто устал, уснул, а на рассвете получил прикладом в лицо. И не успел ровным счетом ничего, не только стать героем, как мечтали они, но даже дать сдачи, отомстить врагу за унижение.

Исчез туман, остановилось кино, в котором лейтенант Иван Скрипка был зрителем, горечь ударила в сердце: нет, он совсем не герой, не бессмертный, не вечный, а обычный рядовой страшной войны. И как бы ни тяжела была эта мысль, надо привыкать к ней, сживаться и идти дальше. Куда? Кто знает... Возможно, к смерти, а может, к победе. Только где она, победа?

Однако стремительно накатывающий враг не давал возможности долго размышлять. Во Львове начальник 2-го отделения разведотдела штаба округа полковник Тутыхин приказал лейтенантам Скрипке и Березкину остаться в городе для проведения агентурной работы. Он напутствовал действовать активно, не оглядываясь на отступающие войска. «В случае критической ситуации я пришлю за вами бронемашину или танк», – пообещал Тутыхин.

Лейтенанты работали, что называется, без сна и отдыха. Последние подразделения Красной Армии покинули Львов, он был почти окружен, а обещанный транспорт от Тутыхина так и не появился.

Группа офицеров связи Советской Армии при руководстве Словацкого национального восстания. Руководитель группы майор И.И. Скрипка, радистка М.Р. Сущева (сидят), слева направо – капитан С.М. Куроедов (Терехов), адъютант С.И.Рындин, старший радист лейтенант С.Ф. Шанаев. Словаки группу именовали советской военной миссией. Сентябрь 1944 г. Банска-Бистрица

«В соседнем от меня районе, где располагался городской парк, уже появились немцы, – вспоминал Иван Иванович Скрипка. – Я позвонил по чудом уцелевшей связи лейтенанту Березкину. Договорились уходить вместе.

Светила большая луна. Мы оба были одеты в пограничную форму – зеленую, заметную издалека. Шли на восток под обстрелами оуновцев, которые поливали нас огнем с крыш домов и колоколен костелов. К рассвету выбрались на восточную окраину города.

На дороге – ни одного человека. Мы поспешили догнать свои войска. Над нами на малой высоте прошла пара «мессеров». Потом развернулись и начали нас обстреливать. Залегли, стали вести огонь из пистолетов. «Протюжив» нас, фашисты улетели».

Так, под обстрелом и налетами немецких самолетов лейтенанты Скрипка и Березкин добрались до леса, где располагался штаб 6-й армии генерала Музыченко. Разыскали свой разведпункт, который находился здесь же.

С боями войска 6-й армии отходили к Киеву. В их составе двигались и разведчики. Всем им потом пришлось оборонять столицу Украины. Почти все сокурсники Ивана Скрипки, которые находились в штабе округа, погибли. Ему повезло. Он остался жив.

После падения Киева офицеры разведпункта вели разведку через Днепр, на участке Бровары – Золотоноша. На правом фланге работал майор Пастух, в центре – капитан Диев, старший лейтенант Журавлев, лейтенант Березкин. Скрипке достался левый фланг непосредственно в районе Золотоноши.

Основным делом стала подготовка агентов-маршрутников, владеющих немецким языком. Офицеры ночью на лодке переправляли агентов на противоположный берег Днепра, а после выполнения задания забирали обратно. Это были крайне опасные «переправки», но иного выхода в тех условиях просто не существовало.

На Днепре держались больше месяца. В середине сентября начальник разведпункта подполковник Копылов передал радиограмму: «По оперативным данным, вы находитесь в окружении. Приказываю собраться вместе и выходить в районе размещения штаба 12-й кавалерийской группы». Здесь же были указаны координаты штаба.

Приказ есть приказ. Быстро собрались и совершили марш в указанный район. Действительно, там располагался штаб, но не 12-й кавгруппы, а 26-й армии. Что ж, случалось и такое на войне.

А противник частями и соединениями группы армий «Юг» продолжал наносить удары по нашим отступающим войскам. У села Оржица, перед переправой через реку и переходом по болотам, пришлось уничтожить автомашины, чтобы они не достались врагу.

Переправлялись под постоянным обстрелом противника. Но и там, за болотами, от фашистов не было спасения. Измученных, грязных, мокрых бойцов и командиров встретили засевшие на деревьях немецкие автоматчики.

Пробившись через засаду, отступающие попали на немецкий аэродром. Правда, замаскирован он был под крестьянское поле, на котором то тут, то там стояли снопы. Произошла перестрелка с аэродромной охраной, наши подожгли несколько самолетов и ушли дальше на восток.

Через десяток километров старшие офицеры, собравшись вместе, объявили, что идут на юг в направлении Донбасса. Младшим офицерам и рядовым бойцам предстояло двигаться отдельно от них, самим. В этой группе был и лейтенант Скрипка. На одиннадцатые сутки они вышли из окружения в районе Ахтырки.

После соответствующей проверки их разведпункт действовал уже в составе 21-й армии Юго-Западного фронта. Работа была прежней. С помощью партийных и комсомольских комитетов через военные комиссариаты набирали и готовили агентов для деятельности в тылу. Брали только добровольцев. Переброска за линию фронта осуществлялась, как правило, пешим порядком. Разведчики всячески старались воспользоваться благоприятными возможностями боевой обстановки, если, разумеется, такие возникали.

С боями и потерями разведпункт дошел до Сталинграда.

В декабре 1942 года Ивана Скрипку отозвали в Москву. Сначала ему предложили лететь в тыл врага, в город Лисичанск. Там работала нелегальная резидентура, которую при отступлении он создал сам. Однако к Лисичанску уже подходили наступающие части Красной Армии, и необходимость использования резидентуры отпала.

Вскоре он был назначен заместителем начальника оперативного центра военной разведки. Кроме него в состав центра вошли два резидента и шесть радистов. Руководителем стал опытный разведчик, участник войны в Испании подполковник Николай Шорохов.

Действовать оперативному центру предстояло на базе партизанского соединения, которым командовал бывший секретарь Сталинского обкома партии Яков Мельник. Соединение дислоцировалось на территории Курской области, штаб располагался в Хинельских лесах.

2 февраля 1943 года центр был десантирован в заданный район.

25 ТЫСЯЧ МАРОК ЗА ГОЛОВУ СТУДЕНСКОГО

Главной задачей центра была агентурная разведка. Дело трудное, опасное и очень незаметное. Пустить под откос эшелон с техникой и личным составом противника — операция не менее сложная и рискованная, зато громкая, а главное — результат налицо. Столько-то уничтоженных танков, бронемашин, десятки фашистов.

А тут днями, неделями офицеры центра скрытно трудятся над тем, чтобы на местах, в городах и селах, на железнодорожных станциях, в немецкие управы внедрить своих людей, дабы всюду иметь глаза и уши. Надо найти людей не только преданных, смелых, но и умеющих работать подпольно, нелегально. При этом не нарваться на предателей, гестаповских провокаторов. Наладив сеть нелегальных информаторов, надо умело ею руководить. Необходимы радиофицированные резидентуры. Ибо даже самая ценная развединформация не стоит ровным счетом ничего, если ее вовремя не передать в центр.

И каков же итог всей этой огромной работы? Скупые строки разведдонесений. Да, именно так. Они необходимы командованию как воздух. Эти строки сохранят сотни, тысячи жизней наших солдат и офицеров и в конечном счете помогут одержать победу.

Именно такой работой и начали заниматься подполковник Николай Шорохов, капитан Иван Скрипка и их подчиненные, высадившись с парашютами в расположении партизанского соединения Мельника. Предстояло в районе Курск — Сумы — Ворожба — Харьков — Белгород создать агентурную сеть, развернуть радиофицированные резидентуры в крупнейших транспортных узлах, сформировать разведывательно-диверсионные группы, выйти на источники, обладающие возможностями добывания легализационных документов. Следовало взять под свое руководство разведчиков, ранее десантированных на эту территорию, нацелить их на продуктивную деятельность по вскрытию немецких гарнизонов, передвижения вражеских войск как к линии фронта, так и на запад, при этом особое внимание уделять танковым, механизированным, химическим частям и подразделениям. Такие задачи ставило перед руководством оперативного центра Разведуправление.

Первое, что сделали Шорохов и Скрипка, изучив обстановку в районе Курска и Сумы, забросили туда двух резидентов для налаживания разведывательной работы. Разумеется, каждая резидентура имела свою радиостанцию.

Разведчики вели наблюдение на близлежащей территории и в городах, населенных пунктов, фиксировали силы и средства противника, рубежи обороны, которые создавали фашисты в своих тылах.

Однако должным образом наладить разведработу не удалось. Уже через три недели после прибытия был получен приказ: выдвинуться вместе с соединением Мельника в рейд на запад. В связи с этим ранее поставленные задачи отменялись, и оперативный центр получил новые. Создать резидентуры в городах Лоев, Юревичи, в составе немецких сил Днепровской флотилии, а также взять

■ **Организаторская группа Яна Поло перед выброской в Словакию. Такие группы становились ядром партизанских отрядов**

под контроль переброску войск противника на коммуникациях в районе Калинковичи – Мозырь – Коростень. В рейде впервые Иван Скрипка действовал не под своей фамилией, а под псевдонимом Студенский. Назвался он так, поскольку был родом из села Студенок, что в Курской области.

По ходу движения оперативный центр увеличивался в своем составе. Разведчики привлекали к работе проверенных в бою партизан, местных жителей.

В декабре 1943 года из Центра пришла радиограмма. Командиру разведгруппы Студенскому предписывалось привести работу резидентур в готовность для самостоятельной деятельности в условиях приближения наступающей Красной Армии, самому с группой прикрытия выйти в район Городницы, в штаб партизанского соединения генерала Андреева, и соединиться с разведчиками Шорохова.

Уезжают на фронт Ян Голиан и Иван Скрипка-Студенский. Начало сентября 1944 г.

Так оно и случилось. После встречи с подполковником Николаем Шороховым обе группы стали вновь единым подразделением. После длительного и опасного перехода через магистраль Берлин–Киев, которую тщательно охраняли фашисты, оперативный центр 30 января 1944 года пересек линию фронта и вскоре прибыл на отдых в город Киев.

Оставалось доделать некоторые весьма приятные дела – написать отчет о деятельности в тылу врага, подготовить представления к награждению разведчиков. Собственно, это и сделал Иван Скрипка. Резиденты, разведчики, связные, радисты были удостоены орденов Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, медали «За отвагу».

«БУДЕМ ВЫПОЛНЯТЬ ПРИКАЗ МАРШАЛА»

...В начале сентября 1944 года с полевого аэродрома в районе населенного пункта Перемышль взлетели два самолета-разведчика «Фокке-Вульф-189». Некогда эти машины верой и правдой служили в фашистской авиации, теперь их пилотировали словацкие летчики. Самолеты старые, давно выработавшие свой ресурс, но тем не менее командир словацкой авиационной группы майор Юлиус Трика рекомендовал лететь именно на них. Пассажирами на первом «фоккере» были майор Иван Скрипка – Студенский и радистка Мария Сущева, на втором – еще один радист старший лейтенант Геннадий Стальной и адъютант Степан Рындин.

Лететь предстояло в Словакию, в район Низких Татр. Однако чтобы добраться до пункта назначения, стареньким «фоккерам» надо было сначала перевалить через Карпатские хребты, потом пройти над Высокими Татрами, дальше над Низкими, совершив посадку на аэродром под названием «Три дуба».

VČSA NA SLOVENSKU.

Vojenský osobný preukaz.

Potvrdzujem, že: mjr. STUDENSKÝ Ivan je príslušníkom ČSA na území Slovenska.

V B.Bystrici dňa 15.sept. 1944

okrúhla pečiatka.

podpis velitela.

Удостоверение личности военнослужащего Чехословацкой армии на территории Словакии, выданное на имя майора Ивана Студенского (И.И. Скрипки) в Банска-Бистрице 15 сентября 1944 г. и подписанное Яном Голианом

Немецкие самолеты-разведчики не приспособлены для перевозки пассажиров, и потому Иван Скрипка и его радистка кое-как втиснулись за креслами пилота и штурмана. Так же поступили, погрузившись в другой самолет, и Стальной с Рындиным.

Советское командование в целях безопасности считало необходимым переправку группы Скрипки через линию фронта именно днем. Словацкие же летчики заявили, что немецкие «фоккеры» для этого дела самые безопасные. Если же и встретят их немцы в воздухе, примут за своих или за союзников. Наше командование согласилось с доводами словаков.

Словом, две машины взлетели и стали набирать высоту. И тут Иван Иванович заметил некое волнение в поведении пилота Юрая Сливки. В чем причина? А причина была проста. Ведомый самолет оказался почему-то выше ведущего. Сливка предпринимал все возможное, чтобы набрать высоту, но самолет не слушался штурвала, а вскоре, клюнув носом, стал скользить к земле. Вскоре он сорвался в штопор и начал стремительно падать.

Говорят, в минуты смертельной опасности перед глазами у гибнущего человека пролетает вся жизнь. У Ивана Скрипки почему-то не пролетела. Он вспомнил только о жене – с ней расстался еще в июне 1941-го, и о маленьком сыне Валерке, родившемся в октябре того же года, которого он так и не увидел. А ведь сыну шел уже третий год. «Хотелось бы, очень хотелось посмотреть, обнять, да жаль – не судьба», – только и успел подумать тогда Иван Иванович.

А летчик Юрай Сливка тем временем боролся за самолет. Он вывел его из штопора у самой земли. Это их и спасло. Машина выровнялась, но ей не хватило высоты. Плоскости самолета начали задевать деревья, хвост опустился и задел за болотный грунт – самолет рухнул в болото. В момент удара отвалился хвост, моторы сорвались с креплений и улетели вперед на десятки метров.

Пилот Сливка и майор Скрипка пытались открыть фонарь кабины. Он не поддавался. Очнулся штурман. Втроем им удалось-таки взломать кабину. Вылезли сами, вытащили радистку Машу Сущеву, которая потеряла сознание. К счастью, никто не погиб, ушибы, шишки не в счет.

А на аэродроме их уже посчитали

погибшими. Но к месту аварии, как и положено, были посланы санитарные машины. Они и доставили всех четверых к взлетной полосе, с которой они только что стартовали. Их встречали, как героев, обнимали, целовали. Начальник разведки фронта генерал Ленчик лично поднес по стопке спирта. Это в какой-то мере помогло преодолеть шок.

Через полчаса, когда все немного успокоились, генерал спросил Скрипку, что, мол, будем делать. «Будем выполнять приказ маршала, — ответил Иван Иванович, — улетим на втором самолете. Остальные члены группы прибудут позднее, когда представится возможность перебросить их по воздуху».

Ответ генералу понравился. На том и порешили.

Через час новый взлет. На этот раз удачный. Самолет ложится на заданный курс.

«Ну и денек», — подумал про себя Иван Скрипка, поглядывая в иллюминатор. Он вспомнил, как вчера утром доложил о прибытии начальнику штаба 1-го Украинского фронта генералу армии Соколовскому.

— Маршал Конев хочет направить вас к командующему повстанческой армией в Словакии в качестве офицера связи, — сказал генерал Соколовский. — Вы служили в погранотряде, окончили военное училище, прошли с боями от Равы-Русской до Сталинграда, воевали в тылу врага, прыгали с парашютом, знакомы с чехами и словаками. Так что, думаю, справитесь.

— Поскольку командование так считает, постараюсь выполнить задание, — ответил Скрипка.

— Хорошо. Вам сейчас подготовят необходимые документы, и мы пойдем к командующему фронтом. Жду через час у себя.

Как и было условлено, через час Скрипка вновь оказался у начштаба фронта. Ознакомился с двумя документами — с проектом приказа, в котором указывались задачи группы, обязанности руководителя и подчиненных, а также мандатом на его имя. В мандате командующий фронтом просил оказывать офицеру связи всяческое содействие.

Вскоре генералы Соколовский, Ленчик и майор Скрипка были у маршала Конева. Командующий поздоровался со всеми и предложил присесть. Говорил негромко, в основном обращаясь к Скрипке. Рассказал о словацком антифашистском восстании, противостоящих повстанцам эсэсовских частях, а также о формированиях

■ **Геннадий Яковлевич Стальной, подполковник в отставке. В Словакии был помощником офицера связи советского командования при руководстве Словацкого национального восстания**

профашистского братиславского правительства.

— Вы разведчик, потому, уверен, в обстановке разберетесь быстро, — словно подводя итог беседе, заключил Конев. — Со словаками и чехами, насколько мне известно, встречались в тылу противника. Поскольку знаете немецкий, украинский языки, освоите и словацкий. Хочу подчеркнуть, вы первым летите в иностранную армию. Ведите себя скромно. Попросят — помогите, пригласят — идите, не зовут — не навязывайтесь. А теперь главное, — маршал сделал акцент на последнем слове. — Я сообщил в Ставку товарищу Сталину свои предложения о необходимости оказать помощь восставшим. Речь идет о наступлении наших войск через Карпаты. Товарищ Сталин согласился с моими доводами и приказал срочно подготовить наступление. При встрече с руководителем словацкого восстания передайте ему о решении товарища Сталина, а также о том, что мы увеличим поставки оружия и боеприпасов, а на днях начнем наступление. Вот, пожалуй, и все. Надеемся на вас, товарищ Скрипка. Вопросы есть?

— Да, товарищ маршал, один вопрос. Каковы мои контакты с другими советскими военными представителями, находящимися там?

— Кроме вас, никаких представителей Красной Армии в словацком восстании нет. Вы единственный. Поэтому мы и придаем такое большое значение вашей миссии.

— Ясно, товарищ маршал. Больше вопросов нет.

— Тогда желаю удачи, — сказал Конев, пожав на прощание руку.

Вечером того же дня майор Скрипка уже знакомился с офицерами и бойцами своей группы. Ребята, а также девушка были достойные. Радист — старший лейтенант Геннадий Стальной. Опытный, смелый, рассудительный. Всю войну по тылам врага. Один из первых спецов по связи в соединении известного партизанского командира А. Федорова.

Радистка — Мария Сущева, действовала под псевдонимом Тамара Иванова. Тоже не раз десантировалась в тыл врага. Ее в группу подобрал Стальной.

Четвертый — боец Степан Рындин, назначенный адъютантом Скрипки. Немного непривычно, у майора никогда не было адъютантов. Поначалу он удивился, но ему объяснили: летишь в иностранную армию, так надо. Ну что ж, надо значит надо. Рындин — умелый разведчик, отличился еще под Шепетовкой, потом служил в штабе фронта. Теперь вот включен в группу Скрипки.

Таким составом на двух самолетах они стартовали с аэродрома Перемышль. Пока... Иван Иванович вдруг вспомнил вой моторов, падение, сваливание в штопор. Он невольно закрыл глаза, потряс головой, словно отгоняя страшные воспоминания.

«Что было бы с женой, с маленьким сыном, если бы я погиб?» — Скрипка, стараясь не думать об этом, заглянул в иллюминатор. Внизу, в разрывах облаков, виднелись вершины гор. Он знал, жена Паша и сынишка в безопасности, в глубоком тылу, в селе Пономаревка Чкаловской области.

Паша была эвакуирована из Равы-Русской 22 июня 1941 года. Сначала уехала к родственникам на Украину, а когда фашисты стали подходить к тем районам, вместе с его родной сестрой Евдокией уехала в Чкаловскую область. Работала в военном госпитале, теперь заведует медпунктом. Недавно он получил от них весточку и крошечное фото сына.

Из задумчивости его вывел жест летчика Юрая Сливки. Сначала Иван в иллюминатор увидел какую-то тень, а потом справа, снизу, появились два немецких «мессершмитта». Они шли на запад параллельным курсом.

Пока еще не вся Словакия была захвачена восстанием, и фашистские пилоты, к счастью, приняли машину Сливки за союзнический самолет, подошли поближе, приветственно покачали крыльями. Еще бы, плоскости их «Фокке-Вульфа» были наспех закрашены и на них нанесены опознавательные знаки словацкой армии. Но сквозь слой краски явственно проступали черные фашистские кресты.

Словом, встреча с «мессершмиттами» прошла вполне благополучно. А вскоре под крыльями их самолета показались голые каменистые утесы Высоких Татр, а затем и Низких. Сливка прошелся над аэродромом «Три дуба». И тут же с земли раздались залпы выстрелов. Это повстанцы обстреливали ненавистный фашистский самолет.

Как узнал позже майор Скрипка, перед приземлением его группы прилетели фашисты и бомбили взлетную полосу. И только они улетели восвояси, как в воздухе появился неизвестный «Фокке-Вульф». Повстанцы не были предупреждены о прилете советских офицеров, связь с ними отсутствовала, и, естественно, их приняли за немцев.

Командир корабля Юрай Сливка заходил на посадку второй, третий раз. С земли стреляли. И только на четвертом заходе все стихло. Повстанцы решили понаблюдать, что за настырный фашист сам стремится к ним в лапы. Стрельба прекратилась вовремя – в баках самолета уже заканчивалось топливо.

Через много лет, вспоминая этот эпизод, Иван Иванович Скрипка скажет: «Мы приземлились на полевом аэродроме. Пока самолет бежал по земле, нас все время трясло, казалось, старый «Фокке-Вульф» развалится прямо здесь. Не развалился. Но это был его последний полет. Он так и замер на краю взлетного поля, став своеобразной реликвией».

А к самолету уже бежали повстанцы. И Скрипка даже различал знакомые лица партизанских командиров А. Егорова, Е. Волянского, с которыми встречался еще на Украине.

Увидев разведчиков в советской форме, спустившихся с трапа, партизаны подхватили их на руки и понесли через все летное поле к зданию аэродрома. Было небольшое застолье, рюмка сливовицы, а дальше на машинах, присланных командующим повстанческой армией Скрипка-Студенский и радист Стальной отправились в столицу восстания – город Банска-Бистрицу.

И ШВЕЦ, И ЖНЕЦ, И НА ДУДЕ ИГРЕЦ

Город встретил их суровой прифронтовой действительностью. На улицах военные машины, повозки, колонны солдат, нестройные ряды новобранцев с вещмешками и чемоданами. Однако уныния или растерянности не чувствовалось. Люди улыбались, шутили, хотя боевая обстановка была крайне сложной. Фашисты старались задушить восстание. Они заняли город Ружомберок, что в сорока километрах от Банска-Бистрицы. На юге шли ожесточенные бои.

Словацкое восстание стало костью в горле фашистов. Отряды повстанцев перерезали тыловые коммуникации гитлеровской армии. Но более всего приводил в бешенство Гитлера яркий, заразительный пример словаков, кото-

в штабе сухопутных войск словацкой армии. Но теперь призвал армию повернуть оружие против фашистов и объявил частичную мобилизацию.

Скрипка-Студенский представился командующему и передал слова маршала Конева.

– Мы рады приветствовать первого посланца героической Красной Армии, которая откликнулась на зов нашего восстания, – сказал Голиан.

С этого взаимного приветствия и началась работа. Майор Скрипка рассказал о цели и задачах своей группы, командующий ввел его в обстановку. Голиан говорил на словацком языке, и Скрипка поймал себя на мысли, что вполне понимает подполковника.

После этого было знакомство с начальником штаба повстанческой армии майором Юлиусом Носко. Чувствовалось, на плечах начштаба

■ Советский самолет Ли-2 № 20 был подбит 20 октября 1944 года и с трудом дотянул до аэродрома назначения «Три дуба». Стоит как памятник в столице восстания Банска-Бистрице. Командир корабля А.П. Нестеров

рые посмели повернуть оружие против своих бывших грозных союзников.

Генерал СС Готлиб Бергер обещал фюреру, что покончит с восставшими за три-четыре дня. Однако у него ничего не вышло. Да, мощные удары фашистской авиации, артиллерии при поддержке танковых подразделений нередко ставили партизан в сложное положение. Но борьба продолжалась.

Машины, на которых ехали посланцы маршала Конева, остановились у штаба первой повстанческой армии. Встречать их вышел сам командующий подполковник Ян Голиан. На вид ему было около сорока лет, стройный, подтянутый, улыбающийся.

У этого офицера непростая судьба. До недавнего времени он служил

лежит тяжесть всех боевых забот, и потому он выглядел усталым.

Голиан поручил майору Носко своевременно снабжать группу Скрипки сводками разведывательной и оперативной обстановки и оказывать всяческую помощь.

В этот день майор Скрипка отправил свою первую радиограмму маршалу Коневу. Связь между руководителем повстанческой словацкой армии и руководством 1-го Украинского фронта была установлена. Казалось бы, все обстоит самым лучшим образом. Однако Иван Иванович воевал не первый день и помнил старую русскую пословицу: «Жалует царь, да не жалует псарь». Так оно, собственно, и вышло. Если командующий и начштаба при-

няли его радушно и по-доброму, то, например, исполняющий обязанности начальника оперативного отделения майор Вишневский, судя по всему, был не очень рад появлению в их расположении советского офицера.

Холодно встретил Ивана Ивановича и его коллега – офицер связи эмигрантского правительства в Лондоне Ярослав Кроткий. Таким образом, с первого дня пребывания Скрипка на практике убедился в сложности и противоречивости обстановки не только в войсках, но даже здесь, в штабе восстания. Так без раскачки началось врастание Скрипки в армейский коллектив коллег словаков, с которыми ему предстояло работать.

■ **Майоры Багала и Студенский встречают 17 сентября 1944 г. 1-й Чехословацкий истребительный авиаполк под командованием штабного капитана Франтишека Файтла**

Однако он и не подозревал, что значит быть первым и единственным представителем Красной Армии. Его обязанности расширялись с каждым днем. Иван Иванович был и офицером связи командующего 1-м Украинским фронтом, и дипломатом, и авиационным инженером. Кроме того, естественно, он оставался офицером разведки.

Напомним, группа Скрипки высадилась на аэродроме «Три дуба» 6 сентября 1944 года. Этот день ушел на представление командующему, знакомство с офицерами штаба, а уже в два часа ночи 7 сентября ему позвонил Голиан. Оказывается, советского представителя желал видеть сопредседатель словацкого национального совета (СНС) Кароль Шмидке. Он только что возвратился из Москвы и ждал Скрипку у себя в шесть утра.

Разумеется, Иван Иванович доложил, что будет в назначенный час, хотя в этот день он собирался с Голианом выехать на фронт в действующую армию. Поездку пришлось перенести на более поздний срок.

Поспать в ту ночь так и не удалось. Стал думать о встрече с совершенно незнакомым государственным и партийным деятелем Каролем Шмидке: о чем ему доложить, какие вопросы он задаст, сможет ли на них ответить майор Красной Армии, ведь он не дипломат и не политик. Но в пять утра он уже был на ногах, начистил обувь, подшил свежий подворотничок к гимнастерке, побрился. Автомобиль, который выделил ему Голиан, уже стоял у подъезда. Шмидке ждал Скрипку в здании центрального комитета компартии Словакии, которое располагалось недалеко от штаба армии.

Несколько минут езды – и он уже в кабинете Шмидке. Разговор длился полтора часа. Шмидке рассказал много полезного, например, о характере восстания, о политических силах, о месте армии и партизанского движения, о роли коммунистов в антифашистском выступлении словаков. Беседа получилась весьма познавательной.

Через несколько дней после их встречи Кароль Шмидке возглавит главный штаб партизанского движения Словакии.

А в 9 утра Иван Скрипка и командующий Ян Голиан выехали в войска. В первые дни пребывания в Банска-Бистрице майор размышлял: надо ли ему мотаться по фронтам? И вскоре пришел к выводу, что надо, иначе как он будет уверен в тех данных, которые сообщает в штаб фронта? Тем более маршал Конев напутствовал: зовут – иди. А его звали.

В этот день они поехали по горным дорогам через Гарманец, Вельку, Фату в Турчанскую долину, далее в Святи Мартин и в Прископу.

В Прископе располагался командный пункт северо-западной группировки восставших. Их встретили командир группировки подполковник Эмиль Перко и его заместитель Илья Деретич. Они доложили о том, что против карателей дивизии СС «Татра» ведут упорные бои подразделения партизанских бригад Штефаника и Яношика, французского отряда. Солдаты и партизаны воюют хорошо, но преимущество противника большое – у него танки, артиллерия, авиация.

Выслушав командиров, Ян Голиан сказал:

– Необходимо встретиться с Петром Величко. В чем нуждается его бригада?

Вскоре прибыл Величко.

– Потери в последнем бою – 29 убитых, 41 раненый, – доложил он. – Бойцы сражаются героически. Артиллерийским огнем нам помогает майор Доброводский, а вот с авиацией и танками совсем плохо. У эсэсовцев сотни новейших танков. Однако мы применяем зажигательные бутылки. Смельчаки есть, хотя их немного.

– Понимаю, – сказал Голиан, – против вас воюют опытные каратели с отличным вооружением. Но надо держаться, чтобы не пропустить врага к сердцу восстания.

– Делаем все что можем, но противник значительно сильнее, а главное – он имеет численное преимущество, чтобы обойти нас с незащищенных флангов.

– Давайте помозгуем, что предпринять.

Голиан, Величко, Перко и Деретич склонились над картой. Скрипка слушал, но не вмешивался, да к тому же эти опытные командиры обходились и без него. В конце концов пришли к выводу: надо выравнивать линию фронта.

На обратном пути Голиан молчал, думая о чем-то своем, потом спросил:

– А как у вас на фронте командование срочно принимает решения, если в этом есть необходимость?

– У каждого командующего свой подход. Маршал Жуков, например, почти всегда выезжает в войска, другие надеются на подчиненные штабы.

– Для меня ближе творческий подход маршала Жукова и его последователей, – закончил Голиан.

Дорога петляла в горах, и командующий не упустил возможности подробнее ознакомить Скрипку с боевой обстановкой.

– Смотрите, – указал он налево, – видна деревенька Склабина, здесь стоял штаб бригады имени Штефаника, которой командует Величко. Она разрослась до двух бригад. Второй теперь руководит словак Вильям Жингор.

На востоке действует бригада имени Чапаева, которая состоит из советских и словацких партизан. У нас воюют около трех тысяч бывших советских военнопленных.

Перед подъездом к Банска-Бистрице

Голиан напомнил: «Передайте маршалу Коневу о нашей крайней нужде – необходимо подразделение опытных воинов и несколько самолетов». Однако командующий 1-м Украинским фронтом не забывал о словацком восстании. Не успел Скрипка переступить порог их кабинета, как радист Стальной передал ему радиограмму: маршал просил сообщить запасы авиационного бензина у восставших и его качество.

Количество топлива оказалось достаточным, но качество предстояло проверить. Для этого надо было пробы топлива переправить в штаб фронта. Кому заниматься проблемой? Разумеется, офицеру по связи Скрипке. Больше некому.

Вечером Иван Иванович с тревогой прочитал боевые сводки: обстановка на Западном и Северо-Западном фронтах осложнилась. Фашисты активизировали свои действия.

На следующий день командующий Ян Голиан и Иван Скрипка выехали на аэродром «Три дуба». Начальник аэродрома капитан Бело Кубица доложил: ночью советские военные самолеты сбросили 160 мешков с оружием и боеприпасами. Голиан тут же распорядился вызвать автотранспорт и согласно расчету штаба отправить «посылки» в отряды и бригады.

Прибыл начальник ГСМ авиации. Он доложил, что горючего на аэродроме «Три дуба» – 400 тонн и на полевом аэродроме в районе Брезно – 100 тонн.

После возвращения из поездки Скрипка отправил в штаб фронта радиограмму: «Авиабензина в наличии 500 тонн. Октановое число невысокое. Пробы вышлю при ближайшей возможности. Сомов».

Вечером из штаба фронта получил радостное сообщение: «Прошу сообщить руководству восстания, что восьмого сентября началась крупномасштабная наступательная операция советских войск через Карпаты на помощь словацкому народному восстанию. Желаю успехов в боевых действиях. Конев».

Было 23 часа, но Скрипка незамедлительно позвонил Голиану и доложил о содержании радиограммы.

– Это для нас историческое событие, – сказал командующий.

В полночь пришла новая радиограмма: «Просим утром и вечером сообщать в штаб фронта состояние погоды в центральной Словакии для нашей авиации».

«Так, – подумал про себя Скрипка, – дипломатом я уже был, вел переговоры со Шмидке, специалистом ГСМ – тоже, теперь предстоит поработать метеорологом». Стали думать, прикидывать с Геннадием Стальным, как определить состояние погоды. Метеорологических познаний было явно маловато. Дождь от ясной погоды они, конечно, могли отличить, но направление ветра, его силу, высоту нижней кромки облачности – это вряд ли. Может, словаки помогут. Но есть ли у них военная метеослужба? Оказалось, есть такая служба. Позвонили туда, объяснили ситуацию. К счастью, попали на настоящих, понимающих офицеров. Они дали слово: по запросу подпоручика Стального будут давать прогноз погоды утром и вечером, разумеется, и на ближайшую ночь.

После разрешения метеопроблемы Скрипка сел за изучение сводок. Каждую ночь аэродром «Три дуба» принимал мешки с оружием. Периодически высаживались советские и чехословацкие группы военнослужащих от Украинского штаба партизанского движения, от разведотделов и партизанских отделов 1-го, 2-го и 4-го фронтов.

Утром 9 сентября Скрипке доложили: к нему на прием, лично, просится некий югослав, профессор, доктор теологии. Ожидая теолога, майор терялся в догадках, что от него хочет священнослужитель и чем он ему может быть полезен.

Священник-католик оказался поверенным в делах Папы Римского на Балканах. Представился он как Колокович.

«Только поверенных Папы Римского мне и не хватало», – мелькнула мысль. Однако он внимательно выслушал священника. Оказалось, тот хотел на самолете попасть в Советский Союз, обратился на аэродром «Три дуба», а там порекомендовали встретиться с майором Студенским.

– Права пропуска в Советский Союз я не имею. Но доложу о вас своему командованию. Для этого надо подождать несколько дней.

Колокович согласился. Встреча с профессором теологии оставила двойственное впечатление. Хотя священник и утверждал, что является участником антифашистского движения в Югославии, у него большие связи в католическом мире и он мог бы оказаться полезен воюющему Советскому Союзу, Скрипке показалось, что Колокович не совсем искренен и чего-то недоговаривает.

Тем не менее Иван Иванович сдержал данное слово и доложил о профессоре в штаб фронта. Не успел Скрипка завершить встречу с Колоковичем, как позвонил Голиан:

– Пан майор, у меня находится делегация словацкого национального совета, прошу разрешения зайти к вам.

Откровенно говоря, за эти несколько дней Иван Иванович начал привыкать к различным гостям, но такая высокопоставленная делегация... Как тут не разволноваться.

Но волнуйся не волнуйся, а гостей надо принимать. Встречал у входа. Представлялся, знакомился с каждым. К нему в тот день пожаловали сопредседатель совета, чехословацкий деятель, министр Вавро Шробар, члены совета Ян Урсини, Густав Гусак и Ян Голиан. С ними был переводчик Игорь Дакснер.

Все разместились за большим столом. В комнату вошла переводчица. У нее на подносе – бутылка словацкой боровички и рюмочки. Это Скрипку, у которого пока не было «представительских запасов», выручил Голиан.

Наполнили рюмки. От имени совета выступил самый молодой – Густав Гусак.

– Уважаемый пан майор! Мы уполномочены передать братскую благодарность руководству советских Вооруженных Сил и особенно маршалу Коневу за помощь словацкому восстанию. Желаем успеха вашим войскам!

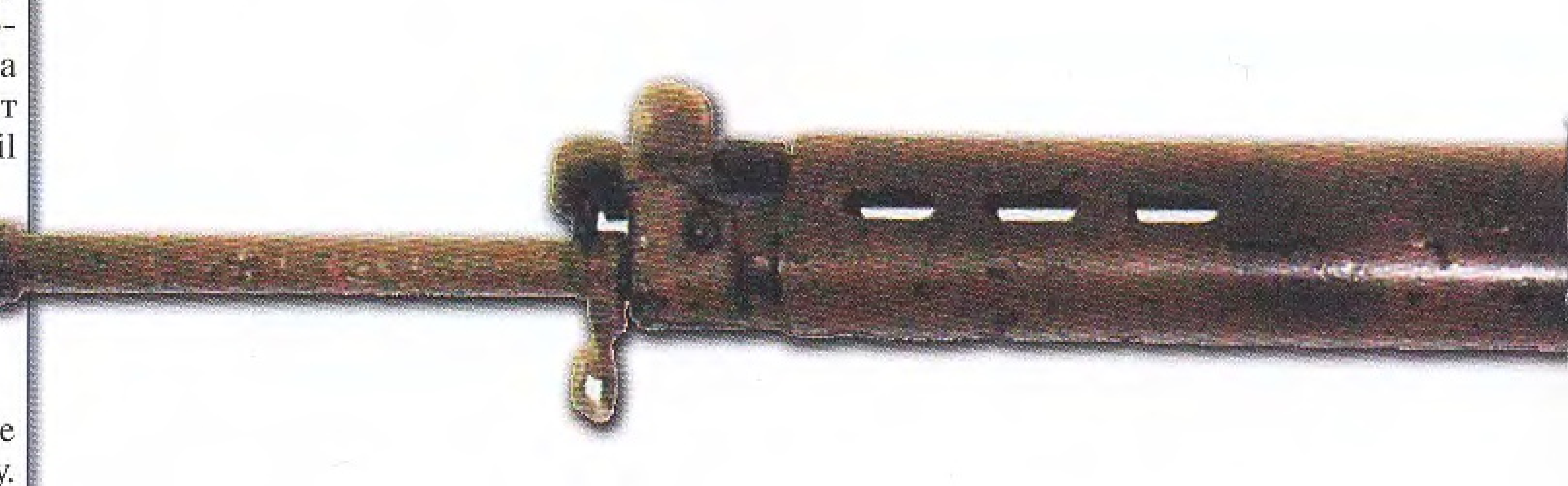
Скрипка ответил, что передаст пожелания маршалу Коневу. Разговор шел о борьбе против фашистов, о советской помощи.

(Продолжение следует)

Первый командующий 1-й Чехословацкой армией в Словакии бригадный генерал Ян Голиан. Был выслежен командой «Эдельвейс» и 3 ноября 1944 г. захвачен в плен командой № 14 (полк Шилл). После безуспешных допросов в начале 1945 г. замучен в берлинских застенках. На фото рядом с ним порученец капитан Милан Полак

ГАЛЕРЕЯ

Разработка автоматической винтовки FN FAL (Fabrique Nationale Fusil d'Automatique Legere) началась в 1951 году на бельгийской фирме FN в Херстале под руководством Дьедонне Сэва. Незадолго до этого Сэв здесь разработал винтовку SAFN 49. SAFN (Semi Automatique FN – самозарядная винтовка фирмы FN). Аббревиатура FA может расшифровываться также как «Fusil d'Assault» (штурмовая винтовка).

Из литературных источников известно, что Дьедонне уже при разработке винтовки SAFN 49 задался целью на ее базе создать автоматическую винтовку. Предполагалось, что такое оружие рано или поздно будет востребовано вооруженными силами многих стран.

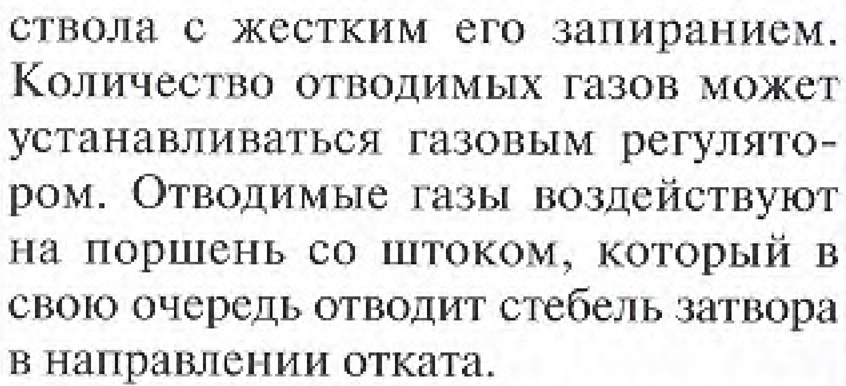
Первый образец винтовки был сконструирован под патрон 7,92x33 немецкой штурмовой винтовки StG 44. Так как этим образцом заинтересовались англичане, то винтовка разрабатывалась и под английский патрон калибра 7 мм. Но в это время стало очевидным, что на вооружении стран блока НАТО в качестве единого будет принят американский патрон Т65 7,62x51, и очередная версия винтовки FN FAL готовилась под этот патрон.

После официального принятия патрона Т65 в 1953 году Австралия, Бельгия и Канада, а в 1954 году и Великобритания приняли бельгийскую винтовку FN FAL в качестве штатного оружия. Причем Великобритания в пользу винтовки FN FAL отказалась от собственной разработки ЕМ 2.

После Великобритании винтовка была принята на вооружение в Израиле, Новой Зеландии и ФРГ. Впоследствии FN FAL появилась в вооруженных силах во многих странах Америки, Африки, Азии и Европы, а также в Австралии. По лицензии FN FAL производилась в Австралии, Аргентине, Мексике, Израиле, Индии, Нигерии, Австрии, Южной Африке и Венесуэле. В ФРГ она известна под наименованием G1, но в 1959 году ее там заменили винтовкой НК G3.

Винтовка FN FAL относится к наиболее распространенному типу стрелкового оружия. Выпущено несколько миллионов экземпляров этой винтовки и ее модификаций.

По типу автоматики винтовка FN FAL является оружием газоотводного типа с отведением части пороховых газов через боковое отверстие в стенке ствола с жестким его запиранием. Количество отводимых газов может устанавливаться газовым регулятором. Отводимые газы воздействуют на поршень со штоком, который в свою очередь отводит стебель затвора в направлении отката.

Запирание канала ствола осуществляется перекосом затвора по типу отечественной самозарядной винтовки СВТ. Запирающий узел состоит из двух частей – собственно затвора и стебля затвора.

Возвратная пружина находится в прикладе. Взаимодействие ее со стеблем затвора осуществляется через шток.

Ударно-спусковой механизм куркового типа с перехватом курка позволяет вести стрельбу одиночным огнем и очередями.

Установка режима огня осуществляется флажковым переводчиком-предохранителем, находящимся с левой стороны оружия над рукояткой управления. Питание патронами осуществляется из отъемного коробчатого магазина емкостью 20 патронов.

Прицельное приспособление состоит из мушки и диоптрического прицела с установками от 100 до 600 метров через сто метров. Длина прицельной линии составляет 533 мм.

В Бельгии существуют четыре версии винтовки, отличающиеся друг от друга размерами, весом и типом приклада.

В стандартном исполнении винтовка имеет индекс FAL 50-00, постоянный приклад и ствол длиной 533 мм.

Версия винтовки FAL 50-64 имеет ствол такой же длины, но вместо постоянного приклада она имеет складной на правую сторону металлический плечевой упор. У этой версии возвратная пружина из приклада перенесена под крышку затворной коробки.

FAL 50-63 по конструкции аналогична, но ствол у нее укорочен до 436 мм. Прицел постоянный, установленный для стрельбы на дистанцию 300 метров.

FAL 50-41 отличается наличием постоянного приклада, более тяжелым стволом длиной 533 мм и сошками. Эта версия используется в качестве ручного пулемета и иногда обозначается FAL НВ.

7,62-мм автоматическая винтовка

FN FAL 50-00

Основные характеристики

Калибр, мм	7,62
Начальная скорость пули, м/с	840
Тип патрона	Т 65 7,62х51
Вес винтовки с магазином на 20 патронов без патронов, кг	4,37
Длина винтовки, мм	1090
Длина ствола, мм	533
Темп стрельбы, выстр./мин.	650
Емкость магазина, патр.	20
Вес снаряженного магазина на 20 патронов, кг	0,6
Вес пустого магазина на 20 патронов, кг	0,12

Винтовки комплектуются клинковыми штыками различных типов, которые применимы к любой версии.

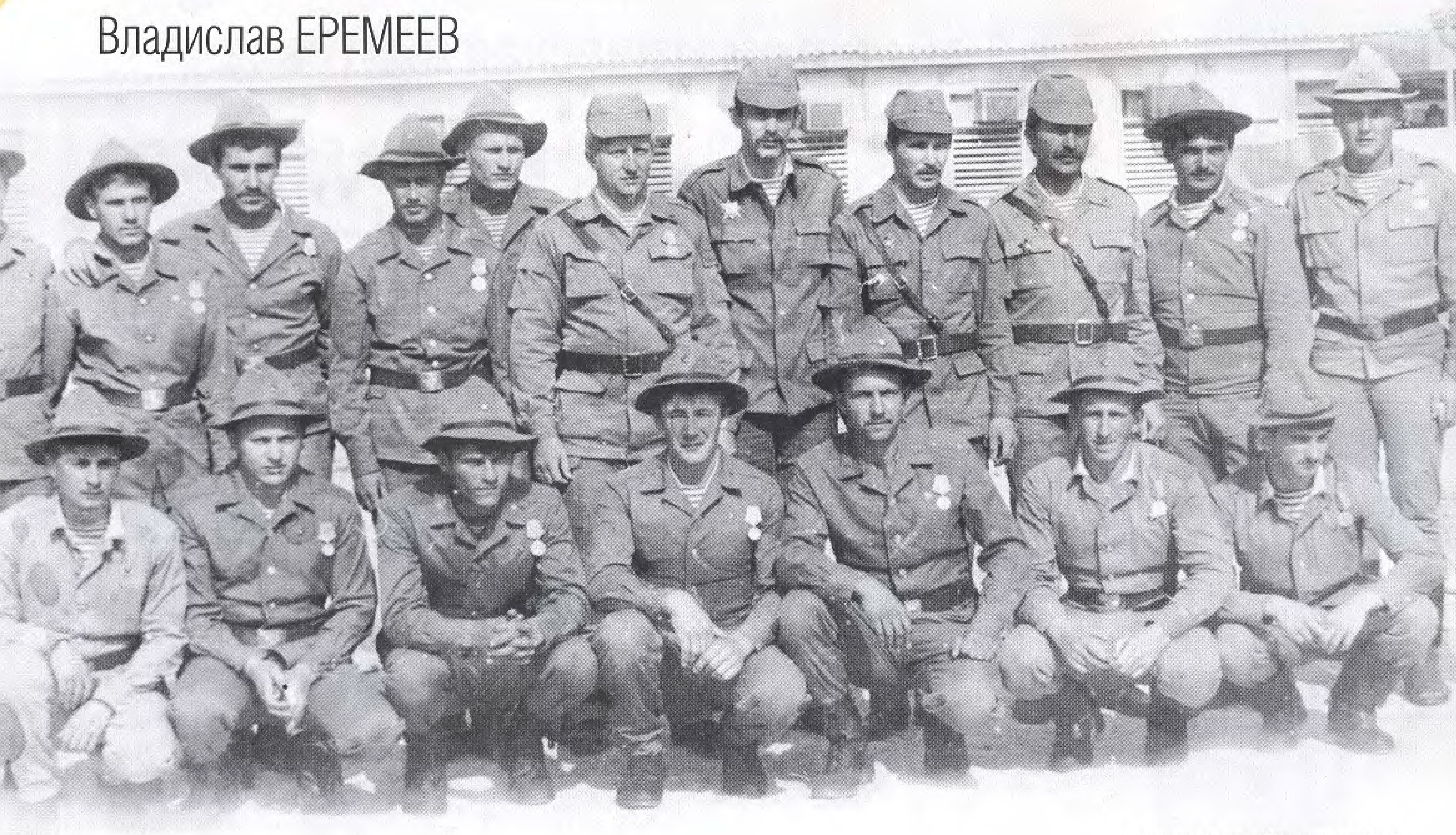
Для использования оружия в качестве снайперского на нем устанавливаются оптические прицелы и приборы ночного видения.

Из винтовок также возможна стрельба винтовочными гранатами типа Энерга весом 0,64 кг и длиной 300 мм. На дистанции 75 м эта граната пробивает стальную гомогенную броню толщиной 220 мм. Для стрельбы гранатами применяются специальные патроны.

В 1967 году в войне Израиля с Сирией, Египтом и Иорданией израильские войска имели на вооружении большое количество винтовок FN FAL различных модификаций. Однако они оказались малопригодными для боевых действий в условиях пустыни из-за частых отказов. В этих же условиях абсолютно безотказными были советские автоматы АК-47, и израильтяне на их основе приступили к разработке своего оружия.

Владислав ЕРЕМЕЕВ

(Окончание. Начало в № 8)

В ПУСТЫНЕ

КОМАНДИР БАТАЛЬОНА СПЕЦНАЗА РАССКАЗЫВАЕТ...

Начальником штаба у меня был Саша Телейчук, очень грамотный офицер. Как-то приходит он и говорит, что пришли данные – небольшой караван из двух машин в семнадцать часов будет следовать в направлении Марджи. Я ему: «Ну, давай, на «вертушки» – и вперед!» Он сажает группу Семененко на вертолеты и полетел. Я думал, что там всего две машины, Саша их быстро захватит – и делу конец! А в караване оказались еще и мотоциклы, и тракторы. Наши хотели их, как зайцев, взять, а «духи» неожиданно оказали серьезное сопротивление. Начали их бить с «вертушек» – «духи» на мотоциклы прыгнули и стали уходить.

Воевали, воевали с ними и в конце концов загнали «духов» в камыши у канала. Они разбегаться не стали, а собрались вместе и опять оказали ожесточенное сопротивление. В камышах их не видно: они из укрытия бьют, а наши на открытом песке лежат. Плюс ко всему рядом договорная зона (территория, обязанности по контролю за которой передавались в руки местных старейшин) – кишлак, откуда «духи» подкрепление подтянули. Кишлак поддержал их огнем из пулеметов. Бой шел порядка двух часов, солнце уже стало садиться. На некоторое время была потеряна связь «земли» с «воздухом». Мы на центре боевого управления (ЦБУ) отряда очень нервничали, при докладах старшим начальникам о ходе боя белая «труба ЗАС» раскалялась докрасна. Практика показала, что нельзя зря дергать командира группы. Командир группы при выполнении боевой задачи и бог, и царь, и воинский начальник. В дальнейшем я никогда не сообщал командованию о завязке боя, а докладывал только результат. В конце концов летчику боевого вертолета Ми-24 Илье Рыжкину удалось уничтожить «духовские» пулеметные расчеты. Сожгли камыши и добили уходящих в кишлак «духов». В результате группа захватила в этом бою две «безоткатки», ДШК, итальянские пластмассовые мины, китайские боеприпасы.

В том бою, слава богу, никого из наших не убили, но подранили одного сержанта и тяжело ранили майора Анатолия Егорова, оперативного дежурного отряда. Ему перебило ноги, да еще и в живот попало. Он родом из Ленинграда, сын начальника кафедры Академии тыла и транспорта. Слава Безматерых оказал первую помощь и вытащил Толю из боя в вертолет.

КОМАНДИРСКИЙ КРЕСТ

Егорова быстро эвакуировали в Кандагар, оттуда – в Кабул, из Кабула – в Ташкент. К тому времени я на практике убедился, что тяжелораненого надо обязательно доставить в Кандагар живым и желательно в сознании.

Врачи сделают все, чтобы вытащить умирающего с того света. Хотя с кандагарским госпиталем иногда бывали трения – им статистика хорошая тоже нужна была. Ведь командиру отряда важно доставить раненого до госпиталя живым, а госпиталю важно, в свою очередь, чтобы раненый не скончался после приема. Иногда приходилось здорово ругаться с приемным отделением. А наши врачи в отряде – Дима Свирин, Эльбрус Фидаров, Саша Образцов, Володя Долгих – были замечательные и многим помогли сохранить жизнь и здоровье.

Безусловно, каждая травма, каждое ранение и гибель – большая трагедия и боль для командира и всего отряда. Бой – процесс обоюдный: или – ты, или – тебя. К большому сожалению, за время моего командования отрядом у нас все-таки погибли десять человек. Среди них были восемь солдат и два офицера – Костя Колпащиков и Ян Альбицкий. Я помню всех своих ребят и свой командирский крест несу по жизни.

В жестоком бою у Марджи погиб перед дембелем прекрасный разведчик, нештатный переводчик сержант Шамсутдинов, подорвались на трофейной «тойоте» и были убиты у озера Хамун радисты Чечун и Яцкив, попали в засаду у кишлака Шабан и героически погибли, прикрывая отход группы, разведчики Лебедев, Голощапов, Гавриленко, на перевале Эр-Мирза погиб водитель Шкарин, нелепо погиб водитель Лабутин. Потери наши, по меркам Афганистана, были меньше, чем у других. Особенно если учитывать характер выполняемых задач и боевое напряжение. Я думаю, так получалось за счет того, что мы в основном воевали в песках, в пустыне. В горах, конечно, сложнее воевать, там были злые «духи», у них имелось больше возможностей для неожиданного маневра. Особенно злыми были «духи» в Асадабаде, Шахджое и Кандагаре.

Старший лейтенант Ян Альбицкий, секретарь комитета комсомола отряда, был тяжело ранен в голову в конце июля в последнем бою перед выводом отряда из Афганистана. Когда я с врачами – Образцовым и Свириным – прилетел за ним и раненым сержантом Бощенко в пустыню Регистан, Ян находился в сознании. Обколотый промедолом, он уверял меня, что чувствует себя хорошо, но в вертолете потерял сознание. С большим трудом Образцов и Свирин поставили ему капельницу. Весь полет мы качали его, не давая «уйти». Нам удалось дотянуть Яна живым до Кандагара. Однако через неделю при транспортировке раненых из Кандагара в Кабул Ян Альбицкий скончался на борту самолета.

РЕГИСТАН

■ Результат лейтенанта Назарова

Младший лейтенант Костя Колпащиков, слушатель 3-го курса ВИИЯ, старший переводчик отряда, в январе 1988 года должен был поехать в отпуск. Я ему говорю: «Поезжай». А он мне: «Холодно в Союзе, вот в феврале на последнюю операцию под Мусакалу схожу, тогда и полечу». Тут еще начальник штаба отряда попросил: «Это мой лучший помощник. Пусть сходит». В ходе операции «Юг-88» надо было сломить сопротивление «духов» в базовом районе Мусакала–Сангин–Каджаки. Мулла Насим со своей бандой не давал возможности местным властям организовать эксплуатацию электростанции в Каджаках. Нужно было провести «зачистку» этого района. С этой целью проводилась крупная войсковая операция.

Одной из групп спецназа в этой операции командовал старший лейтенант Ильдар Ахмедшин. С ним в группе были Костя Колпащиков и Валера Польских – офицер управления бригады. В ходе поисково-засадных действий группе пришлось продефилировать неподалеку от кишлака Шабан. Здесь они и попали в засаду – кинжальным огнем бандгруппы из кишлака сразу сожгли два наших бэтээра. В бою у нас погибли три человека, двенадцать спецназовцев получили ранения. Костя Колпащиков немного обгорел. Мог остаться в строю, но врач бригады настоял на эвакуации. Обычно раненых и убитых эвакуируют на разных вертолетах, а в этот раз правило нарушили. Вертолет разбился ночью при взлете. Погибшие умерли дважды... Погибли Костя Колпащиков, левый летчик – командир кандагарского вертолетного полка, правый летчик и еще несколько раненых. Валера Польских был еще жив при эвакуации в госпиталь, но захрипел и скончался у нас на руках, когда мы его ночью выносили из вертолета в Лашкаргахе. Выжили «бортач» (борттехник) и водитель бэтээра Леня Булыга (призывался из Белоруссии).

Ильдар Ахмедшин в том бою получил жесточайшую контузию. Ночью, когда убитых и раненых привезли в отряд, в ходе опознания смотрю: среди трупов лежит вроде как Ахмедшин, жив он или нет – непонятно. Спрашиваю: «Это Ильдар?» Отвечают: «Да, он живой, но очень тяжело контуженный». Ильдар полгода лечился в ташкентском госпитале, сбежал оттуда и нагнал отряд, по-моему, уже в Шинданде, в ходе вывода. Я ему говорю: «Да ты лежи в госпитале, лечись!» А он: «Нет, честь имею, выйду вместе с

Боевые друзья – Товкес, Андрианов, Непран, Кимбаев

отрядом, под своим Боевым Знаменем!» Следует отметить, что боевые знамена были не у всех отрядов и наши ребята очень гордились своим Боевым Знаменем.

Потом Ахмедшин командовал этим отрядом уже в Чучково, встречал я его в Чечне в первую кампанию. А погиб Ильдар случайно: возвращался с железнодорожной станции и его сбила машина. И вот что печально – после вывода из Афганистана немало офицеров и солдат погибло в подобных бытовых ситуациях при нелепых обстоятельствах.

В бою под Сангином ранили сержанта Диму Андрианова, призывался он из Москвы. При отправке в Кандагар Дима спрашивает: «Владислав Васильевич, что у меня с ногой?» Я посмотрел – ранение вроде не очень серьезное. Я ему: «Ты не переживай, сейчас мы тебя до Кандагара дотянем. Все будет нормально». Проходит время, мне сообщают, что ему ногу оттяпали. Я прилетаю в госпиталь, начинаю разбираться. Оказывается, его вовремя не осмотрели в приемном отделении. А там же жара... Началась гангрена, сепсис. На мой взгляд, ногу можно было спасти. Обидно и стыдно мне стало.

В БОЮ МЫ ВСЕ ОДНОЙ КРОВИ – КРАСНОЙ

Боестолкновения происходили, как правило, перед заходом солнца, ночью и по воскресеньям. Бой – это страшная вещь. О нем легко рассказывать. А там – стрельба, взрывы, дым, гарь, крики, кровь, пот и слезы, бах – «трехсотый», бах – «двухсотый», быстрей, быстрей, быстрей!.. Вперед! На взлет! Нет бойца? Давай назад! А он дрожит, бедный, на точке эвакуации: «Я не успел добежать!» Изредка такое случалось из-за плохой связи. Ведь она с каждым бойцом была односторонняя – только на прием по Р-255. На передачу связь только у старших троек по Р-392. С вертолетами поддерживали контакт по «Ромашке», с группой – по «Ангаре» и «Северку». Наши радиостанции сильно уступали «духовским» «воки-токи».

Сейчас некоторые деятели заявляют, что в Афгане бросали своих людей в бою, своих расстреливали. Это бредовый вымысел. Мы никогда своих людей не бросали и не расстреливали.

Я считаю, что нашему солдату цены нет. Государство в неоплатном долгу перед солдатами и офицерами, прошедшими Афган. Воевали они беззаветно. В основном это дети рабочих и крестьян. Конечно, в то время большую роль играла идеология коллективизма и взаимопомощи. Нас ведь как учили – человек человеку друг, товарищ и брат. Сам погибай, товарища выручай. Плюс ко всему мужской коллектив. Каждый хочет себя проявить с лучшей стороны, дух соперничества присутствует. Говорят какому-нибудь бойцу: «Ты такой-сякой, плохо помылся, плохо побрился». А он в бою доказывает, что он лучше, чем о нем говорят.

В бою мы все одной крови, причем **красной**, а не голубой. Конечно, потом, когда бой закончился и все вернулись в ППД, начинается «разбор полетов»: кто как воевал, кто всю воду выпил, кто стрелял, а кто дрожал, кто попал, кто не попал. Хотя, конечно, отношения между старшими и младшими у нас были жестковатые. Ведь менее опытные не знают, например, что всю воду в пустыне выпивать сразу нельзя, что старших надо слушаться... Непослушание ведет к неоправданным боевым и небоевым потерям. Поэтому старшие воспитывали нерадивых очень конкретно, так что понимание приходило быстро. Но были и особо хитромудрые мальчиши, просидевшие весь Афган в баграмском реабилитационном центре, где использовались администрацией госпиталя, мягко говоря, не по назначению.

С водой вообще была проблема. Во время выходов на боевой технике случалось, что и из радиаторов автомобилей воду выпивали. Ведь обычно разведчик с собой брал одну-две фляги, каждая по полтора литра. А приходилось на этой воде неделю воевать, а то и больше... Например, высаживаем группу на «вертушках» на три дня. А тут то вертолет где-то завалили, то еще что-то – и через три дня бойцов не получается снять. Запрашиваем по «Ангаре»: «Ребята, продержитесь еще пару дней?» – «Продержимся». А солнце не щадит, «душманская отрада». Проходит пять дней, они докладывают: «Командир, нам тяжело, вода кончается». А вертолеты все не летают. Нет «добра» из Кабула. И группа «Экран» в штабе армии ничем не может помочь. Высокое начальство все разбирается с подбитым вертолетом. Проходит семь, восемь, десять дней... Прилетаешь забирать ребят – у них уже обезвоживание организма началось. А что такое обезвоживание? Люди одуревают, от них остаются только кожа да кости, да еще при этом понос начинается. Забрасываем чуть живых пацанов в вертолет, везем в отряд. Им надо понемножку начинать пить, а они так воду хлещут, не остановить! Сажаем ребят в бассейн, чтобы отмокали, а они пить прямо из бассейна принимаются! После этого вши, тиф, желтуха начинают долбить... Война есть война – страшная, неприятная работа. Никакой романтики, сплошная грязь.

ПОБЕДИТЬ САМИХ СЕБЯ

Оставаться людьми в таких нечеловеческих условиях помогало то, что нас в армии всегда учили преодолевать трудности. И я учил своих бойцов, что мы должны победить сами себя, стать лучше и сильнее, чем природа и обстоятельства. Я им говорил, что они лучшие, что они герои и могут выполнить самую трудную задачу, но обязательно должны остаться в живых. От командиров групп требовал соблюдения главного принципа: «Прежде чем залезть в какую-нибудь аферу, подумай, как ты из нее будешь вылезать. Если знаешь, как вылезать, – тогда давай! Если не знаешь, как выбраться, – не лезь туда, дорогой!»

Мы ведь кадровые офицеры, и нас готовили к войне. Быть командиром не просто, а в Афганистане сложнее во много раз. Очень много разных горе-начальников изображали из себя крутых, так и норовили потешить свое самолюбие, «сфотографировать»

командира – снять с должности, что наносило большой ущерб военной службе. Однако мы – офицеры и нам грех жаловаться на судьбу. Для офицера, для командира проявить свои навыки, умения в бою всегда считалось достойным уважения. Мы ощущали себя сыновьями фронтовиков Великой Отечественной. И то, что они в свое время сумели защитить страну и победить фашистов, для нас являлось образцом служения Отечеству. Именно это было основой настроя практически для всех офицеров – девяносто девять и девять десятых процента. И офицеры вели за собой солдат.

За отличия в разведывательно-боевой деятельности (РБД) солдаты и офицеры представлялись к орденам и медалям. По мере активности РБД я представлял офицеров к орденам вначале за десять караванов, потом за пять, за три, а весной 1988 года по требованию генерала В. Варенникова за каждый результат.

Денежное довольствие офицеров в Афганистане было примерно 300 чеков (один доллар у «менял» в Кабуле или Москве был равен трем–пяти чекам), а солдаты получали мизер – хватало на один поход в магазин за газировкой «Си-си» или соком «Дона».

«Шурави» искренне хотели помочь афганскому народу выйти из средневековья, прекратить многолетнюю родоплеменную резню, создать нормальные экономические и социальные условия для жизни. Мы же видели, как живут узбеки и таджики у нас, в Союзе, и как они живут в Афганистане! Это – небо и земля. И если мы поможем афганцам хотя бы дотянуться до уровня наших среднеазиатских республик, не говоря уже про республики Кавказа, то «советским» надо будет ставить памятник при жизни. Были глубоко убеждены, что несем прогресс и процветание в эту богом забытую страну.

По итогам РБД в 1987 году наш отряд наряду с баракинским и газнийским был признан одним из лучших в составе ОКСВ в Афганистане. Следует отметить, что наши военачальники С. Ахромеев, Б. Громов и Г. Греков высоко ценили спецназ. В. Варенников иногда лично звонил мне прямо в отряд и благодарил за результаты.

ВЫВОД

Первыми из Афганистана вышли отряды спецназа, которые дислоцировались в Джелалабаде и в Шахджое. А в августе 1988 года и я вывел свой отряд в Советский Союз.

На выводе наш отряд шел в составе бригады. Шли перекатами, прикрывая во взаимодействии с кандагарским и фарахским отрядами колонну выводимых войск. Первый привал был в Шинданде. Там пришлось обеспечивать безопасность ооновских наблюдателей из экзотического Непала (вот смеху-то было). Прошли таможню, изъяли все лишнее, чтобы не попало в Союз. В Шинданде состоялись митинг и парад. Второй привал был в Туругунди – помылись перед пересечением границы, сдали боеприпасы. Третий привал – на нашей территории. Очень хотелось выпить по случаю возвращения в Союз, однако действовал горбачевский «сухой закон» и во всей колонне не нашлось ни грамма спиртного. Весь путь от Лашкаргаха до Кушки со мной на броне ехали корреспонденты наших и зарубежных газет, а писатель – «про-заек» Александр Проханов – до Герата. Незадолго до вывода он прибыл в Лашкаргах, жил в отряде и знакомился с нашей боевой деятельностью. В Герате мой бэтээр с Прохановым и журналистами на борту обстреляли из толпы. Радикалы хотели спровоцировать ответный огонь, я уже дал команду: «К бою!» – и запихал пассажиров в броню, но командир бригады Александр Гордеев проявил завидную выдержку, и провокация сорвалась.

6-й омсб пересек границу 11 августа 1988 года. Первое, что я увидел на нашей стороне, переехав мост, – выбеленную известью мазанку с огромными буквами «БУФЕТ». Встречали нас туркмены с цветами, лепешками, зеленью. В Кушке состоялся митинг. Отряд в составе бригады совершил 1200-километровый марш от Лашкаргаха до Иолотани. В Иолотани мы несколько дней приводили себя в порядок в ожидании погрузки на эшелон до Чучково. Генерал А. Колесников из ставки войск южного направления, будущий начальник Генерального штаба, популярно разъяснил нам, что афганская война не пользуется уважением в Союзе и нас здесь не ждут. Эшелон шел до Чучково неделю. 30 августа 1988 года 6-й омсб с Боевым Знаменем торжественно, хлебом и солью был принят комбригом Анатолием Недецько в ППД Чучково.

Прошло много лет с тех давних пор. Практически все участники афганских событий давно закончили государеву службу. Судьбы офицеров и солдат отряда сложились по-разному. Андрей Переметин погиб в первой чеченской кампании, Кошелев – во второй. Ушли из жизни славные командиры: Ахмедшин, Плужников, Матвеев, Козловский, легендарный Веснин. Многие ребята после развала СССР стали успешными бизнесменами, но немало и тех, кто не смог смириться с новыми реалиями жизни. Кое-кто стал «солдатом удачи». Семь офицеров 6-го омсб впоследствии были назначены командирами отдельных бригад – высшими командирами в спецназе: Иван Крот (командовал полком и бригадой), Александр Фомин, Петр Липиев (командовал двумя бригадами), Юрий Мокров (командовал двумя бригадами), Сергей Бреславский, Валерий Травкин, Владислав Еремеев. Получили высокие должности Миша Федин, Вова Чернышов, Эльбрус Фидаров. А. Фомин и В. Травкин стали генералами. А. Фомин был тяжело ранен в Чечне, за подвиг в бою с террористами ему присвоено высокое звание Героя России.

А недавно песок в пустыне Регистан осваивал английский принц Гарри, и весь мир восхищался им...

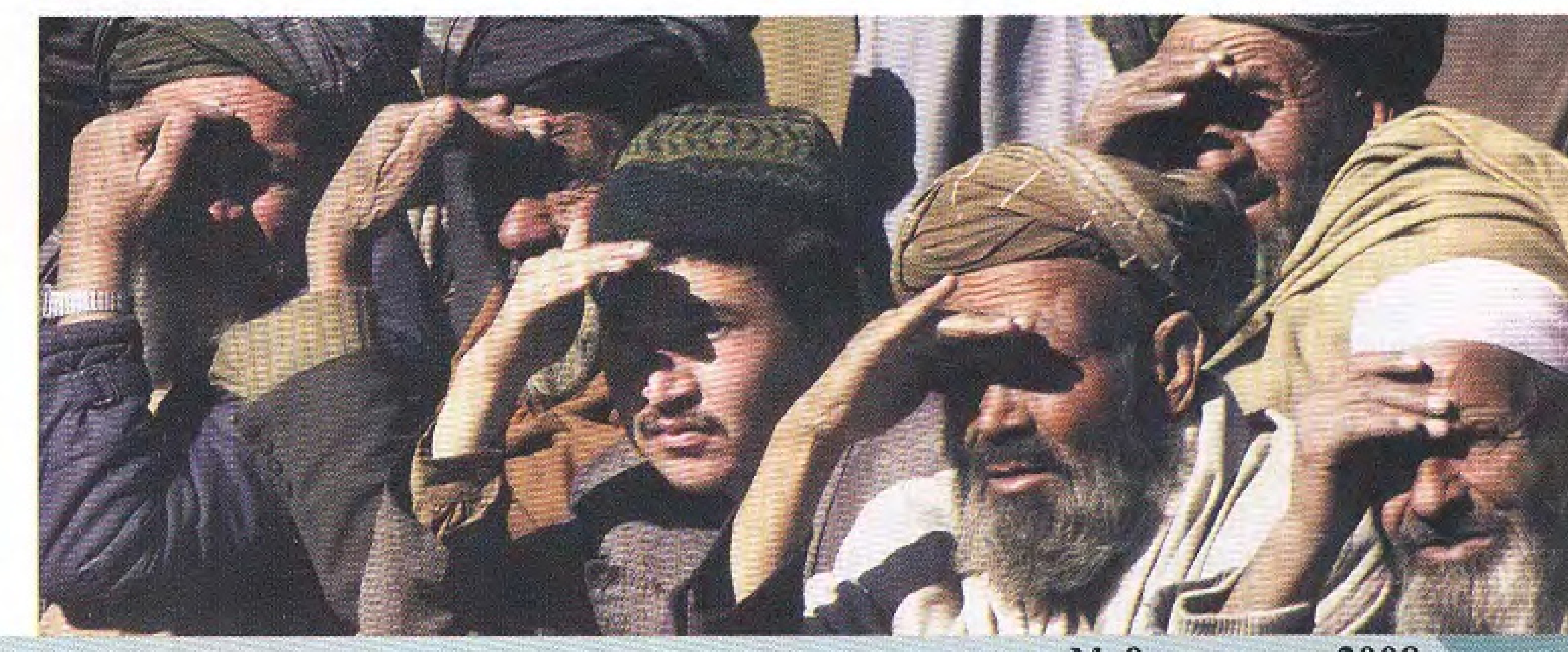
Мусакала. Погибли Костя Колпащиков, Валера Польских, командир кандагарского вертолетного полка, летчик-штурман

«ЭТО ЕСТЬ РЕЙС КАБУЛ?»

Михаил СЛИНКИН

В начале 1979 года, когда советские войска еще не ступали на землю Афганистана, о наших военных советниках и специалистах, работавших в этой стране, в советской печати не появлялось ни строчки. Между тем Народные вооруженные силы ДРА к тому времени уже втянулись в ожесточенную борьбу с отрядами исламской оппозиции и несли тяжелые потери, и Советский Союз планомерно наращивал военную помощь вооруженным силам левого кабульского режима, в том числе и в подготовке армейских кадров, важную роль в обеспечении которой играли военные переводчики. Материалы об их деятельности за рубежами нашей страны «Солдат удачи» публиковал не раз. Но ни разу мы не рассказывали о том, что обычно предшествовало таким командировкам. А между тем все подготовительные мероприятия заслуживают отдельного рассказа. Предоставляем слово нашему постоянному автору Михаилу Слинкину.

Английский у меня идет плохо, сказывается слабая школьная подготовка. И молодая англичанка не нравится, но не потому, что губастая и рыхлая. Ее назойливая забота об отстающих, которая выражается в регулярных жалобах начальнику курса (будто он может приказать, и я в одночасье наверстаю упущенное в школе), порождает неприязнь и к самому предмету, такого отношения явно не заслуживающему. А еще я не могу простить ей пренебрежительных высказываний о других языках, персидском например, не говоря уже о мало кому известном дари. Из этого вытекает, что в отличие от нее я с моими восточными языками и скромными успехами в английском отнюдь не подпадаю под выведенную ею категорию «европейски образованного человека». К тому же я, как, впрочем, и мои сокурсники, появляюсь на занятиях не в дефицитных джинсах и модных кроссовках, а в застиранном хэбэ и яловых сапогах, отнюдь не по-европейски попахивающих дешевой ваксой, столь ненавистной, как и все, связанное с армией, московской «золотой» молодежи. Поэтому стараюсь гордо избегать любого

общения с зараженной столичным апломбом англичанкой и сижу на занятии, привычно опустив голову, в надежде, что не заметит и не поднимет лишний раз отвечать на свои дурацкие вопросы о погоде или каких-то там родственниках Джона. Нет, называет мою фамилию. В это время приоткрывается дверь, и дежурный кричит в образовавшийся просвет: «Командир группы, к начальнику факультета!»

Командир группы – это я. Встаю и молча удаляюсь из класса, не реагируя на брошенное вслед раздраженное: «Куда же вы, а отвечать?» Вызов к генералу, да еще в учебное время – случай экстраординарный. «Возможно, – гадаю, – англичанка успела и ему на меня наябедничать?» Захожу в кабинет, докладываю. Генерал тут же приводит меня в замешательство вырванным из какого-либо контекста вопросом:

– Так вы можете или не можете?

– Что могу?

На лице генерала недоумение, вызванное моей неспособностью дать вразумительный ответ даже на столь простой вопрос.

– Как что? Лететь в Афганистан! – нервно выпрыгивает из кресла.

– Так точно, могу, – подтверждаю, не раздумывая, все еще не до конца понимая, в чем же дело.

Новый вопрос, заданный уже спокойнее, но с подвохом:

– А как же малярия?

– Какая малярия?

– Вы же жаловались в санчасти, – сверлит меня взглядом, – что больны.

– Все прошло, – вру как можно более убедительно, хотя тяжелые приступы у меня и случаются регулярно.

Генерал выходит из-за стола и наконец-то говорит то, с чего и надо было начинать:

– Вашу группу еще раз направляют в Афганистан. На год. Заканчивайте занятия и приступайте к оформлению документов. Три дня на это. Идите!

– Есть! – Направляюсь к двери, но дойти до нее не успеваю. На полпути настигает еще один вопрос, мною, правда, ожидаемый, как и следующее за ним приказание.

– А почему у вас усы? Сбрить немедленно!

Поворачиваюсь к начальнику факультета запрещенными усами, не торопясь, чтобы успеть найти очередное основание для отказа выполнять уже много раз дававшееся мне строгое указание «о приведении внешности лица в курсантский вид». Убедительный ответ находится сам собой:

– Товарищ генерал, не имею я права их брить – на заграничном паспорте фотография с усами. Без них, стало быть, из страны не выпустят.

– Как же так? Опять все плохо: и люди плохие, и фотографии с усами, – бурчит обиженно себе под нос генерал, возвращаясь в кресло за столом, усаживается, подпирает голову рукой и сам себя спрашивает: – Может, начальника курса наказать?

– Не надо, – смею вмешаться в его опасные рассуждения, – начальник курса ни при чем.

– Вот-вот, все вы заодно, прямо круговая порука какая-то, распустили тут усы, бакенбарды всякие, скоро волосы до плеч отращивать будете, как эти, ну, хиппи на Западе.

– Никак нет, такого безобразия не допустим, – демонстрирую твердую приверженность светлому образу коротко стриженного строителя коммунизма и пытаюсь завершить начинающую развиваться непредсказуемо беседу. – Разрешите идти?

– Ну, идите, – раздраженно машет рукой генерал.

Позлорадствовать, что ли, над англичанкой, размышляю, поднимаясь на свой этаж, но в итоге решаю, что повод не тот, да и вообще не стоит, ведь ябедничает она все же из добрых побуждений. С порога объявляю:

– Все, парни, учебе конец, снова едем в Афганистан. Собирайте книжки, надо идти оформляться.

– А как же занятие? Мы же не закончили, да и вы не ответили, – подает голос англичанка.

– Отвечу через год, когда вернемся, – не могу удержаться от реплики, хотя и понимаю, что все мною сказанное будет принято с обидой и обращено против меня.

Так и есть – в глазах слезы негодования. Одним махом сгребает в сумку бумаги с преподавательского стола и выскакивает из класса, судя по нервной дроби каблуков по паркету, удаляющейся по направлению к кабинету начальника курса, опять жаловаться, теперь, наверное, еще и на хамство командира группы, сорвавшего занятие, только чтобы не схватить очередную пару.

Оформление документов – дело нудное, но знакомое. Этим мы уже занимались полтора года назад – перед первой командировкой. Тогда походы по инстанциям растянулись на месяц, а сейчас все нужно успеть в три дня. Но не успеем, и все из-за паспортов. Нам объявляют, что будут выдавать новые. Прежние, видно, уничтожили не подумав.

Настроение бесшабашно веселое, быть может, как реакция на то, что понимаем – неспроста нас вновь посылают в Афганистан всего через семь месяцев после возвращения. Центральные газеты скупо упоминали, что неделю назад, 15 марта 1979 года, в Герате вспыхнул антиправительственный мятеж, который подавили афганские военные, еще раз доказав свою чрезвычайную полезность левому режиму. Отсюда вывод – будут укреплять армию. За счет чего? Советской помощи, конечно. В страну полетят новые военные советники и специ-

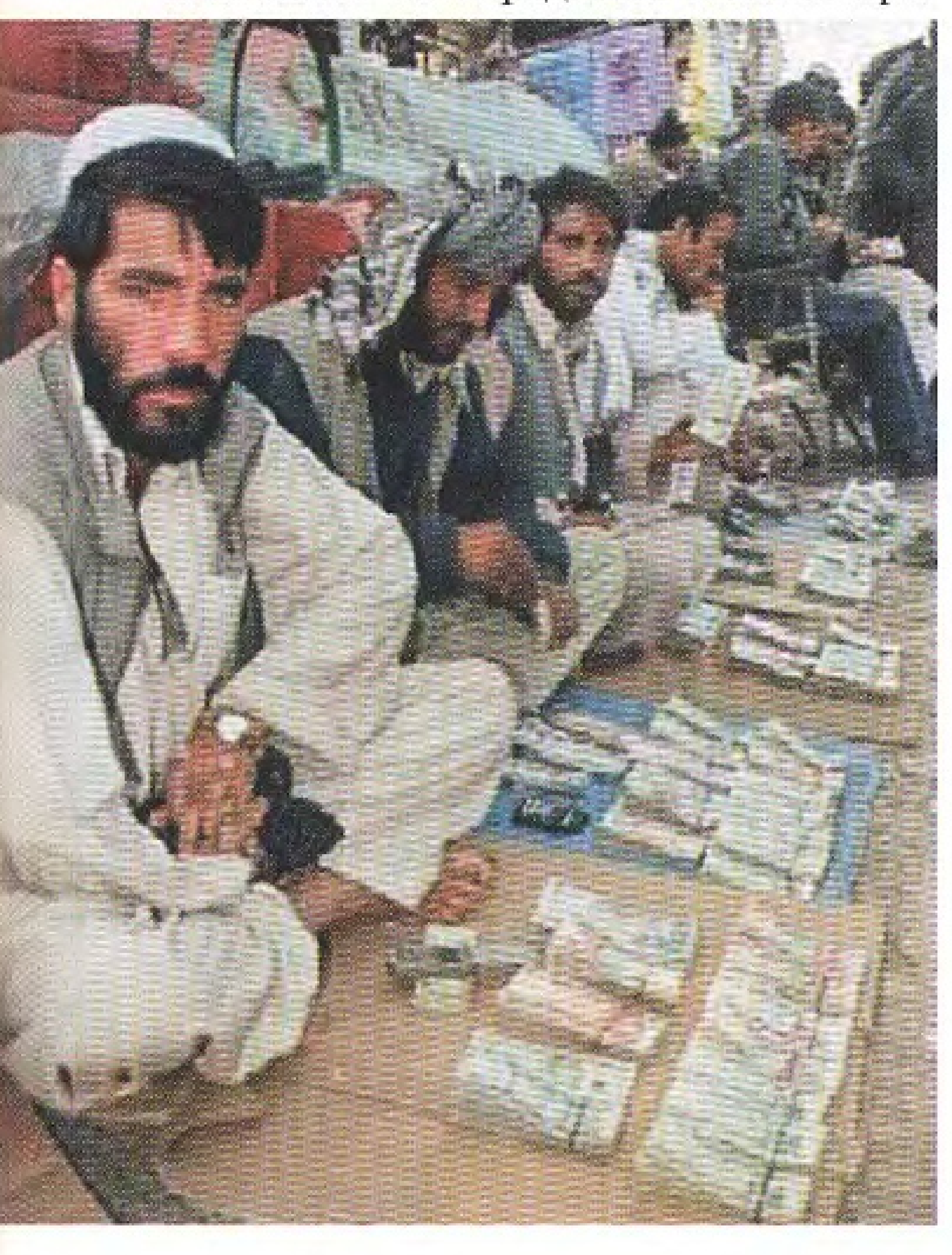

алисты, которым без переводчиков не обойтись. Подтверждение этому несложному умозаключению находится сразу же, как только впервые появляемся в управлении международного военного сотрудничества Министерства обороны. Там не протолкнуться, оформление документов заканчивают десятки офицеров.

Некоторые из них, обнаружив на нас курсантские погоны, пытаются воспользоваться своим формальным старшинством: «Эй, служивый, в конец очереди. Не видишь, офицеры стоят?» Отношение меняется, как

только узнают, что мы недавно оттуда, куда они направляются впервые. Осторожно начинают расспрашивать: как там, за границей? И уже никто не обращает внимания на разницу в званиях.

Неделю мечемся по инстанциям: сдаем на хранение в ЦК ВЛКСМ комсомольские билеты; идем на беседу в другой ЦК – партии, где выслушиваем доброе напутствие, но с жестким подтекстом, касающимся конечно же ожесточенной классовой борьбы, на передовой фронт которой мы выдвигаемся; делаем прививки против всяких нехороших болезней, свирепствующих в бедных южных странах; подбираем на специальном складе «гражданку», облачившись в которую, начинаем смахивать на нерадивых агентов при

выполнении группового задания – все одного возраста, при галстуках и в строгих плащах с поясами. Когда заходим в таком виде в автобус, не можем удержаться от шалостей – начинаем как бы исподволь, но внимательно осматривать пассажиров, особенно тех, кто постарше. Неизменно часть из них, сохранивших в памяти коллективный портрет сотрудников репрессивных органов недавнего прошлого, покидает облюбованные места и осторожно перемещается в другой конец салона, некоторые, облегченно вздыхая при этом, выходят от греха подальше на следующей же остановке.

Пока болтаемся по Москве в форме, а потом и по «гражданке», нас постоянно прихватывают то милиция, то военные патрули по поводу, а зачастую и в отсутствие такового, просто так, чем-то мы привлекаем их внимание. Приходится использовать одно волшебное слово, причем вполне законно, а не из пустого пижонства. Милиционеру, задержавшему на Солянке за неправильный переход улицы, предъявляем заграничные паспорта и в ответ на недоуменный взгляд бросаем: «Спецзадание». Козыряет и тут же отпускает, начисто забыв о причитающемся с нас штрафе. То же происходит и с патрулями, неизменно и радостно вычисляющими в нас военнослужащих срочной службы по коротко стриженным затылкам. Ведем себя при встрече с ними достойно, не предпринимая привычных попыток к бегству, просто показываем документы и следуем по своим делам, оставляя обездвиженных от изумления военных мучительно размышлять о немыслимой, из ряда вон выходящей ситуации – какие-то курсанты по «гражданке», явное нарушение, тянущее на «губу», но загранпаспорта, спецзадание...

Международный аэропорт «Шереметьево». Сотня мужчин в плащах одинакового покроя, не отличающихся разнообразием цветов. Многие в одинаковых туфлях и шляпах с узкими полями. И рубашки тоже у всех одинаковые, полоски только разные – синие или бежевые. Вся одежка казенная, с одного и того же военного склада. Стоим неплотной группой, ожидая регистрации. Соотечественники, сначала опасливо сторонившиеся нас, успокаиваются, заслышав родную речь. Иностранцы же так и не решаются подолгу оставаться рядом, тревожно осматриваются и как можно быстрее отходят на приличное расстояние.

Объявляют регистрацию на Кабул. Идем не торопясь сдавать багаж, понимая, что на наш спецрейс своих не забудут и чужих не посадят. Разом опровергая подобное убеждение, к группе подлетает чернокожий пассажир с двумя шикарными чемоданами, одетый в приобретенное не иначе как за валюту длинное нежно-бежевое пальто, мягкую широкополую шляпу и, судя по ниспадающим на лаковые туфли серые с аристократическим отливом штанины, костюм из чистой английской шерсти. Широкая афроамериканская улыбка и приветливое: «Хай! Это есть рейс Кабул?» Кто-то удивленно пожимает плечами, но подтверждает, что да, самолет летит в Кабул. Иностранец продолжает широко улыбаться, ставит на пол чемоданы и, перейдя на английский, доверительно сообщает ближайшему соседу по очереди, что он торопится в Карачи и очень сожалеет о необходимости совершить промежуточную посадку в афганской столице. Знакомый с английским в объеме программы военного училища соотечественник, уловив что-то про Карачи, заботливо поясняет представителю угнетаемой американскими расистами черной расы: «Ноу Карачи, оунли Кабул энд оунли рашн». Афроамериканец удивленно смотрит на табло, потом обводит взглядом окружающих его сумрачных мужчин, подпадающих под неширокий спектр военнообязанных возрастов – от двадцати до сорока лет, теряя при этом ослепительную улыбку и утрачивая блеск черной кожи, заметно сереющей по мере осознания того, в какую нехорошую компанию он попал. Недолгое замешательство заканчивается бегством. Не можем сдержать улыбок, хотя никто откровенно и не смеется, щадя самолюбие улепетывающего, опасливо оглядывающегося посланца Черной Африки, что автоматически относит его к самоотверженно борющимся за свои права трудящимся, своим то есть. Вот только одежда денди несколько смущает его советских соратников нескромным буржуазным великолепием.

Пограничный контроль пройден, таможня не предъявляет претензий к классическому подбору содержимого чемоданов: две разрешенные бутылки водки, буханка черного хлеба, блок сигарет, палка сыровяленой колбасы, банка сельди пряного посола, ну там одежонка и бельишко, а у нас, переводчиков, еще и объемные двуязычные словари.

Поднимаемся в зал ожидания, где обнаруживаем небольшое кафе, позволяющее с пользой потратить завалявшиеся в карманах рубли. Беглый обзор предлагаемого ассортимента отечественных напитков и закусок вызывает полное удовлетворение и желание немедленно приступить к их дегустации – водка, коньяк, пиво и бутерброды, в том числе с икрой. Конфеты, печенье и яблоки, а также чай и кофе не в счет – этого добра и в Афганистане хватает. Образуем маленькую очередь, сначала сплошь состоящую из уже испытавших на себе тяготы и лишения, проистекающие из запрещения свободной торговли спиртными напитками.

– Ребята, а в самолете разве кормить не будут? – интересуется один из наблюдательных советников.

– Будут, конечно, но не скоро и без водки.

– Вот как? – задумывается.

– Но не это главное, – объясняем,

– главное, что в Афганистане сухой закон, а здесь все еще можно выпить за рубли и с собой кое-что рассовать по карманам.

– Как же так, совсем водки нет? – поражается подобному безобразию советник.

– Есть, конечно, но посольство советским гражданам выдает только к праздникам, по норме и за валюту. У афганцев, конечно, тоже можно купить, из-под полы, но очень дорого.

Советник тут же пристраивается в хвост очереди, за ним другой, третий. Организованно подтягиваются и остальные пассажиры спецрейса, все до единого, бросив по такому случаю ручную кладь на кресла. Буфетчица порхает за стойкой, артистично выполняя не отличающиеся разнообразием заказы – «водка, бутерброд» (вариант – «водка, бутерброд и бутылку с собой»), и очередь вскоре начинает двигаться по кругу, так как быстро удовлетворившие первую жажду, разохотившись, тут же пристраиваются в нее снова, некоторые, даже не успев прожевать до конца полагающийся к каждым ста граммам бутерброд. Но водка скоро заканчивается, и не меньшим спросом начинает пользоваться коньяк. Меняется только на «коньяк, конфетка» (вариант – «коньяк, конфетка и фляжку с собой») формула заказа. Когда же, к удивлению буфетчицы, запасы и этого крепкого напитка иссякают, в ход идет пиво. Быстро справиться с двумя-тремя бутылками удается не каждому, и после объявления посадки большинство попросту забывает их на столиках. Но упертое и, надо признать, жадноватенькое меньшинство, не желая признавать поражения в борьбе за последний глоток алкоголя на кровные рубли, вливает в себя остатки пива стакан за стаканом, торопливо и уже безо всякого удовольствия, так, из принципа только – не пропадать же добру.

Билеты без мест. Мы и не спешим их занимать, хватит всем, да и спецрейс без нас не улетит, поэтому без суеты рассаживаемся последними в хвостовой части салона. Как только самолет набирает высоту, отягощенные незапланированной трапезой, сопровождавшейся обильными возлияниями, пассажиры погружаются в глубокий здоровый сон, чем несказанно радуют оставшихся невостребованными по своим прямым должностным обязанностям бортпроводниц, пытавшихся было, но безрезультатно, ублажать отходивших ко сну конфетками и водичкой. Даже на обед удается добудиться не всех.

До Ташкента около пяти часов полета, там нам предстоит предъявить таможне вещички, перевозимые ручной кладью. Время пробегает незаметно, и самолет начинает снижаться, пробивает густую облачность и вот уже катится по взлетно-посадочной полосе. Выглядываю в иллюминатор, а на здании аэровокзала красуется надпись «Душанбе». «По пьянке, что ли, не туда залетели?» Оглядываюсь по сторонам и вижу, что не у меня одного возникает такое немыслимое предположение. Нет, конечно, экипажу крепкие напитки не то что противопоказаны, запрещены. Вот один из пилотов, трезвый, проходит в хвост самолета, слышу, как открывается входной люк, хотя трап и не подавали. Утыкаюсь в стекло носом, чтобы видеть происходящее внизу. Там стоят несколько человек, задрав вверх головы в зеленых и синих фуражках.

– Трап подавайте, нужна таможня и паспортный контроль, – кричит им летчик.

– Нет для вас ни того, ни другого, летите в Ташкент, как и положено, – отвечают.

– Ташкент закрыт, низкая облачность.

– Нам-то что?

Далее разговор скатывается на взаимные выпады и нелицеприятные оценки личных качеств и воспитанности друг друга. Люк захлопывается, летчик нервно шагает в носовую часть салона, запускаются двигатели, и самолет выруливает на взлет.

Еще полтора часа лету, и вновь начинаем снижаться, вновь пробиваем облачность, но вместо ожидаемого Ташкента видим знакомые очертания Кабула, окруженного со всех сторон заснеженными горами. Никаких подсказок, которые могли бы помочь уяснить, как это мы без таможни и паспортного контроля в родном аэропорту добрались до столицы другой страны, нет. Но то, что это не по правилам, догадываемся. Подтверждение находится быстро. Хотя трап и подали, но из самолета никого не выпускают. Так и сидим на своих местах некоторое время, пока в салоне не появляется возбужденный финансист при главном военном советнике:

– Давай, давай, ребята, на выход и сразу же по автобусам, – командует уверенно, – я их прямо на летное поле подогнал.

Подаем пример впервые прибывшим в Афганистан и потому с понятным недоверием отнесшимся к командам незнакомого им человека. Выходим. У трапа и в самом деле несколько автобусов. Рассаживаемся и, минуя аэровокзал, выезжаем в город через территорию авиационного гарнизона. Финансист успокаивает начинающих проявлять беспокойство о багаже:

– С таможней договоримся, на днях все получите. Вот только паспорта соберем, свозим в посольство, чтоб визу проставили. Вы ж, получается, нарушители государственной границы, нелегалы поневоле.

– Так и афганцы в курсе?

– А как же! Поэтому и отказывались принимать вас. Грозили завернуть рейс в Ташкент.

Катим прямо в родной микрорайон. Интересуемся у финансиста обстановкой. Тот лезет в карман и достает пистолет.

– Вот с этим теперь везде и ходим.

– Неужто все так худо?

– Не все, конечно. Но ситуация смахивает на гражданскую войну, а мы в ней свои симпатии уже обозначили и не можем остаться просто сторонними наблюдателями.

В знакомом микрорайоне встречают знакомые по прежней командировке начальники. Размещение по квартирам, сбор на общую беседу, распределение. Кому-то выпадает министерство обороны, кому-то – штабы корпусов, дивизий и бригад, а мне завтра в учебный полк – готовить младших командиров для афганских вооруженных сил...

«Подводного Чернобыля» не произошло...

Юрий Малёкин

НЕСТАНДАРТНОЕ РЕШЕНИЕ

Еще не успела забыться мелодия выпускного вальса в «Голландии» (так называли моряки Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище), а лейтенант Морозов уже готовился отправиться на боевую службу в экваториальную Атлантику на новой большой океанской подводной лодке Б-76 в должности командира моторной группы электромеханической боевой части (БЧ-5). На календаре – 1957 год.

...Все шло своим чередом. Позади 75 суток похода. По плану предстояла заправка топливом. Но обстоятельства сложились так, что пути танкера и подводной лодки разошлись. В итоге после двенадцати тысяч пройденных миль топливо на борту закончилось, и лодка в двухстах милях от базы начала болтаться на волнах. Встречать экипаж Б-76 вышел на крейсере сам командующий Северным флотом адмирал Андрей Трофимович Чабаненко. Узнав о ситуации с топливом, он дал указание взять подлодку на буксир. Однако этому мешал девятибалльный шторм. Непогода не утихала, и многие члены экипажа, сваленные морской болезнью, лежали в отсеках. Говорят, что из безвыходного положения есть только один выход – выйти из него. И такой выход предложил молодому офицеру старшина моторной группы мичман Николай Коляда:

– Товарищ лейтенант, давайте рискнем! Вместо топлива попробуем отработанное масло. Вначале будем смешивать его с соляром...

Морозов опешил:

– Тебя, видимо, совсем укачало?

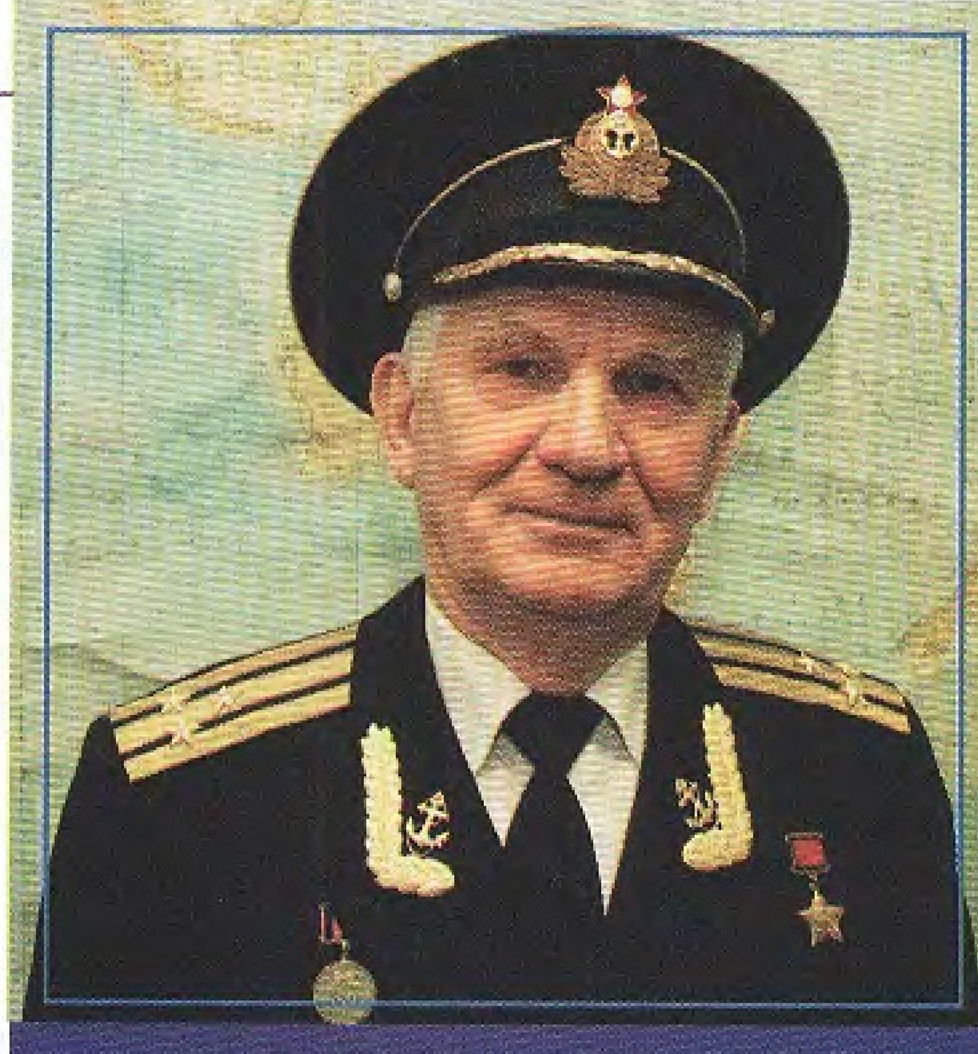
А Коляда все продолжает свою линию гнуть. Мол, давайте рискнем.

Командир группы решил обратиться к командиру БЧ-5 капитану 3 ранга Орлову. Разумеется, сразу же получил отказ.

А мичман наседает:

– Давайте хоть ведро масла зальем!

Морозов взвесил все «за» и «против» и рискнул. Вместе с мичманом они влили в мерный бачок ведро масла. Дизель его «проглотил». Правда, чуть сбавил обороты. Влили еще... Вдруг запрос с мостика:

...Это было давно, еще в 1960-х годах. Но до сих пор мало кто знает, что могло случиться в один из дней, когда возникла авария на советской атомной подводной лодке. Экипаж АПЛ К-133 самостоятельно, без посторонней помощи предотвратил развитие аварии на корабле в катастрофу с непредсказуемыми экологическими последствиями в Атлантике.

Сегодня Герой Советского Союза капитан 1 ранга в отставке Иван Федорович Морозов до мельчайших подробностей помнит то, что произошло 17 октября 1963 года, когда все они оказались под водой наедине с разъяренным атомом. Но до того момента в его морской биографии тоже случались критические моменты...

– Почему остановили двигатель?

Оказалось, что не стало видно «выхлопа», хотя по идее дыма от масла должно было быть больше, чем от соляра.

И тогда лейтенант Морозов доложил командиру БЧ-5 Орлову:

– Товарищ капитан 3 ранга, двигатель на масле работает!

– Отставить! – громыхнул офицер.

Несколько поостыв, он все же решил обратиться за разрешением к начальнику технического управления флота, который вышел в море вместе с командующим. Отказ последовал незамедлительно. И только после третьего запроса с флагмана дали «добро» использовать масло. Но двигатель должен работать на масле не более пяти минут! На подводной лодке облегченно вздохнули. Она, борясь с волнами, направилась к родным берегам.

Вместо пяти минут двигатель работал 42 часа (!), израсходовав при этом 6,2 тонны отработанного масла.

Уже в базе поднялся страшный шум. Одновременно из Москвы и Североморска прибыли комиссии, чтобы выяснить, как шел расход топлива во время похода. Разбирались почти месяц. В итоге лейтенанту Морозову сказали, что учет расхода топлива на лодке велся исключительно точно. За то плавание командир подводной лодки капитан 2 ранга Михаил Ильич Илюхин получил от главкома ВМФ золотые часы. А лейтенант Морозов доказал всему флоту, что в аварийных условиях двухтактные дизели могут работать на смазочном материале в качестве топлива.

В ЛЕДОВОЙ ЛОВУШКЕ

В 1958 году состоялось первое в истории ВМФ многодневное автономное подледное плавание сразу трех дизельных подводных лодок (Б-76, Б-77 и С-347) в районе Северного Ледовитого океана.

Б-76 тогда командовал капитан 2 ранга Виктор Николаевич Берковченко, а Иван Морозов был уже командиром БЧ-5 на ней. Экипажу предстояло в условиях подледного плавания отработать задачи приледнения (выход к поверхности льда, когда малейшая ошибка грозит аварией), поиска и всплытия в полыньях, а также проверить работу приборов, позволявших наблюдать из глубины за состоянием ледового покрытия над лодкой. Замысел был таков. У кромки пакового льда подводные лодки погружались под лед и с полностью подзаряженной аккумуляторной батареей шли в заданных направлениях, пока не будет израсходована половина емкости батареи. Остальная половина – на обратный путь. С-347 пошла строго на норд, Б-77 – на норд-вест, а Б-76 взяла курс на норд-ост.

Экипаж прилагал все усилия, чтобы любыми способами экономить электроэнергию. Лодка шла экономичным ходом – 2 узла. Сокращено освещение в отсеках, отключены грелки отопления. Камбуз не работал, подводники питались сухим пайком, лишь кипятили чай.

Путь на норд-ост был самым сложным, ибо в этом направлении толщина

льда доходила до шести метров. А одна «сосулька», по показаниям приборов, достигала 32 метров!

На второй день похода матросы обратили внимание Морозова на трубы в трюме: на них лежала снежная шуба. Когда провели замер температуры забортной воды, выяснилось, что она составляет минус 1,8 градуса. Многие опешили: ведь температура замерзания воды – ноль градусов! Потом вспомнили, что соленая вода может иметь отрицательную температуру. Вот пары и сконденсировались на трубах.

Когда прошли 140 миль, Иван Федорович доложил командиру подлодки о расходе электроэнергии. Повернули назад и пошли строго по своему курсу.

Остались за кормой еще 140 миль, вышли в расчетную точку всплытия, а чистой воды нет. Эхоледомер, самописцы которого чертили абрис ледовой кромки над лодкой, показывал, что над ними находится толстый лед.

– Идем час, второй, – вспоминает Иван Федорович. – Нет чистой воды. Пошли дальше. Доложил командиру, что плотность аккумуляторной батареи на пределе. Нервозность охватила всех, кто знал, что расчетная точка всплытия осталась далеко позади.

Что же произошло в океане? Оказалось, пока подводники находились на глубине, погода резко испортилась. Под ураганным ветром начался дрейф ледовых полей. Они сдвинулись так, что корабли прошли не 140, а 156 миль.

В ледовую ловушку попали и другие подводные лодки, Б-77 и С-347, но они тоже благополучно вышли из-под тяжелого льда. Так советскими подводниками приобретался опыт хождения подо льдами Северного Ледовитого океана.

РАЗБУШЕВАВШИЙСЯ АТОМ

Вскоре Иван Федорович стал командиром БЧ-5 атомной подводной лодки, строительство которой заканчивалось в городе Северодвинске. В режиме строжайшей секретности экипажи учились на специальных офицерских классах в городе Обнинске. Потом началась служба на АПЛ К-133, где и состоялось становление Ивана Морозова как офицера-атомщика. Первый поход проходил в экваториальную Атлантику в 1963 году. Отрабатывали в этой зоне Мирового океана большой комплекс задач совместно с научно-исследовательскими судами.

...17 августа 1963 года. Шли двадцатые сутки похода. Совершая обход подчиненных, Морозов, как обычно, зашел в помещение пульта управления

Герой Советского Союза капитан 1 ранга И. Морозов (второй слева) с ветеранами-подводниками Н. Соколовским, Героем Советского Союза вице-адмиралом Е. Черновым и контр-адмиралом Л. Чернавиным на открытии памятника подводникам и корабелам «Адмиралтейских верфей». Санкт-Петербург. 25 июля 2008 г.

главной энергетической установкой (ГЭУ), где лейтенант Ростислав Каратаев и старший лейтенант Петр Смирнов управляли левым и правым реакторами. Вдруг одновременно раздалась звуковая и появилась световая сигнализации об аварии ГЭУ левого борта. Автоматически сработала аварийная защита реактора, а мнемосхемы ГЭУ обоих бортов засветились красным светом – свидетельство о радиоактивности во всех контролируемых точках.

Создавшаяся критическая ситуация не вызвала паники у людей. Каратаев спокойно, словно находился на тренировке по специальности, сделал все нужные переключения. Обе турбины были переведены на один реактор, что позволило лодке не сбавлять ход.

НА ВОЛОСОК ОТ БЕДЫ

Из анализа сложившейся обстановки капитан 3 ранга Морозов сделал вывод: в одной из секций парогенератора левого борта произошел разрыв первого контура. Об этом свидетельствовало снижение в нем давления, утечка теплоносителя из первого контура во второй. Нарушился теплообмен в активной зоне реактора. Создались условия для опасного повышения температуры тепловыделяющих элементов и возможность нарушения герметичности их оболочки. Если бы ее распучило и прорвало, то ядерное горючее вырвалось в контур, на подводной лодке в тысячи раз возросла бы радиоактивность...

Приборы беспристрастно фиксировали рост температуры. Она доходила до критической отметки. Если возникнет пожар, то это верная гибель.

Отключить аварийную секцию парогенератора штатным образом не удавалось, так как из-за отсутствия циркуляции теплоносителя в первом контуре система управления гидрозатворами не работала. Командир электромеханической боевой части понимал, что риск без расчета – безумие. Нужен был «нештатный» метод для отключения аварийной секции парогенератора от первого контура.

20 часов и 5 минут велись борьба за живучесть главной энергетической установки, за спасение активной зоны реактора и поиск способа отключения аварийной секции. И выход был найден! Из более десятка вариантов, предложенных подчиненными, капитан 3 ранга Морозов выбрал оптимальный. Его реализовали старшие лейтенанты Олег Андронов, Геннадий Мироненко (впоследствии контр-адмирал), Петр Смирнов, Валерий Романов и спецтрюмные Николай Копцев, Константин Помазан, молодой матрос Василий Волков. Гидрозатвор на аварийной секции удалось закрыть, и авария на главной энергетической установке была локализована.

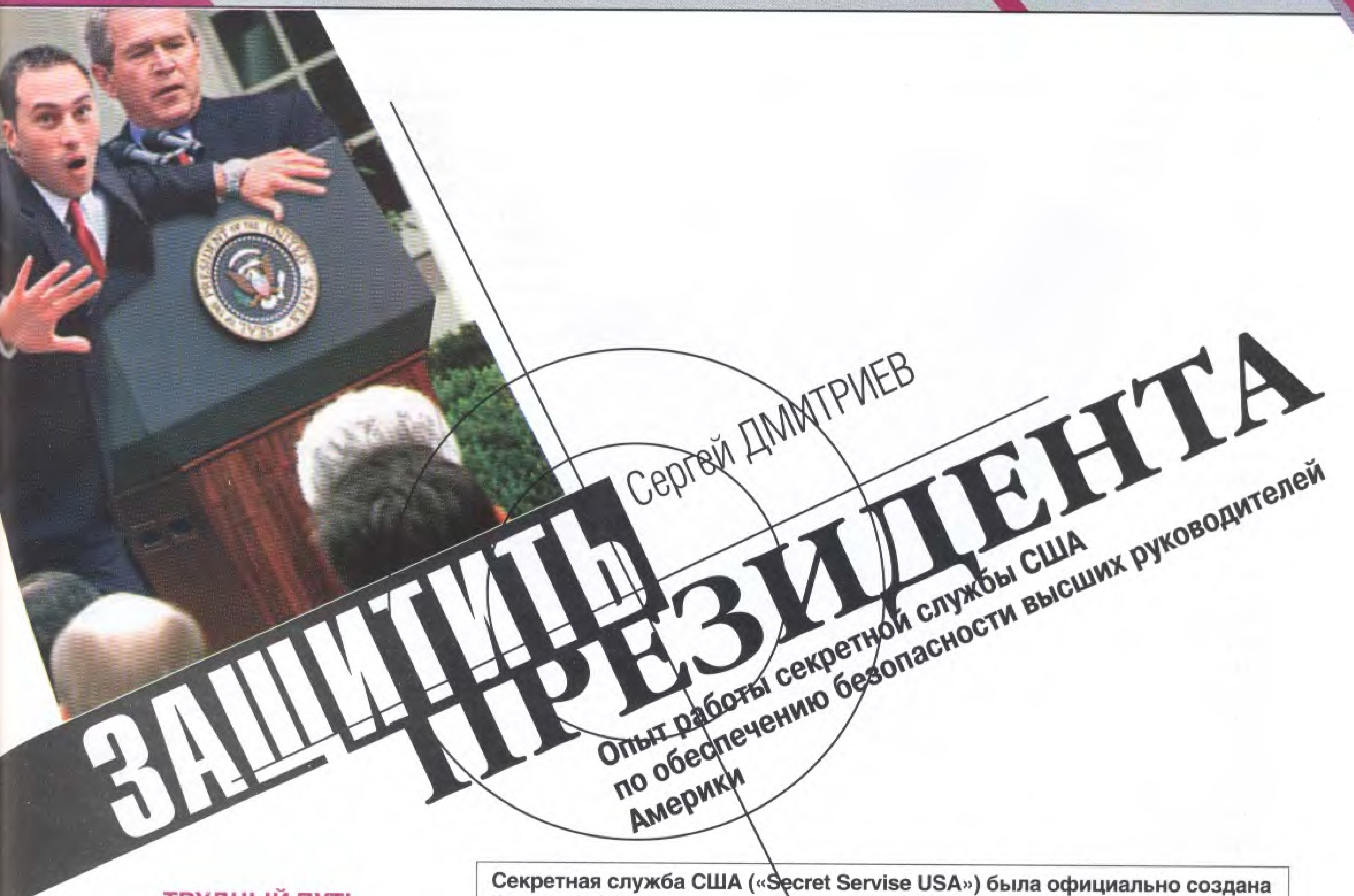
Но еще 17 часов 50 минут потребовалось специалистам БЧ-5 на стабилизацию, а затем нормализацию радиационной обстановки и ввод в работу главной энергетической установки левого борта. Так экипаж подводной лодки К-133 самостоятельно предотвратил возможную ядерную катастрофу – «подводный Чернобыль».

Капитан 3 ранга Морозов 38 часов не покидал поста. Когда левый реактор оказался вне опасности, из кресла самостоятельно офицер встать не мог: на какой-то момент отнялись ноги... Потом отошло.

ПОСТСКРИПТУМ

И еще 10 дней моряки несли службу в экваториальных водах, так как техника теперь была в полной исправности. После даже успели принять участие в учениях флота, успешно выполнить торпедную стрельбу. Отработав все задачи, К-133 возвратилась к родным берегам. За это плавание командир подводной лодки капитан 2 ранга Георгий Слюсарев и капитан 3 ранга Иван Морозов были удостоены высшей на то время награды страны – ордена Ленина. Не были забыты и другие отличившиеся подводники.

А звание Героя Советского Союза Ивану Федоровичу было присвоено впоследствии, после «кругосветки», но это уже другая история...

ЗАЩИТИТЬ ПРЕЗИДЕНТА

Сергей ДМИТРИЕВ

Опыт работы секретной службы США по обеспечению безопасности высших руководителей Америки

Секретная служба США («Secret Servise USA») была официально создана 5 июля 1865 года по замыслу президента Авраама Линкольна и министра финансов Хью Мак-Куллоха для борьбы с фальшивомонетчиками и фальшивыми деньгами, случаями подлога, чем и объясняется ее долгое подчинение министерству финансов («Treasury Department»). В этот день был приведен к присяге первый директор службы – Уильям Вуд, который до этого был комендантом вашингтонской тюрьмы, героем войны с Мексикой и считался специалистом в области раскрытия финансовых преступлений. Однако только с 1901 года секретная служба приступила к охране президентов США. С 1913 года служба охраняет избранного, но еще не вступившего в должность президента; с 1917 года – семью президента; с 1951 года – вице-президента; с 1965 года – бывшего президента и его супругу; с 1968 года – главных кандидатов на выборах президента; с 1971 года – глав государств других стран, находящихся с визитами на территории США. В 1984 году секретной службе доверили расследовать подделки кредитных и всех пластиковых платежных карт, личных документов, а в 2001 году – компьютерные преступления. По перечисленным задачам служба проводит самостоятельные законные действия: профилактику, поиск, задержание, арест, следствие и другие, включая даже те случаи, когда имеется всего лишь подозрение о подготовке к совершению преступления. В 2003 году секретную службу вывели из структуры министерства финансов и подчинили вновь созданному МВБ – министерству внутренней безопасности («Department of Homeland Security»), которое, кстати, входит в разведывательное сообщество, объединяющее все силовые структуры, занятые сбором информации в интересах США (МО, ЦРУ, ФБР, береговая охрана и другие). В свою очередь разведывательное сообщество тоже имеет своего руководителя, который курирует сбор всех разведданных, управление, взаимодействие и подчиняется вице-президенту США. За всю историю США были совершены покушения на 11 из 43 президентов, четверо из них в результате этого погибли. По имеющимся данным, еще до недавнего времени во главе секретной службы стоял 21-й по счету директор Ральф Бэшем, который занял этот пост 27 января 2003 года и на этом посту встречал ее 140-летний юбилей.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ СТАНОВЛЕНИЯ

Во времена гражданской войны за независимость от английской метрополии (с 1861 по 1865 год) от трети до половины денежной массы, находившейся в обращении, была фальшивой. Около 1.600 банков и правительственных учреждений занимались изготовлением различных ценных бумаг, и даже выпуск новой банкноты в 1862 году не улучшил обстановку в стране. Изготавливались фальшивые купюры также и в Лондоне для подрыва американской экономики, а преступные группы безнаказанно наводнили всю страну подделками. По трагическому совпадению Линкольн подписал указ о создании службы в тот день, когда на него было совершено «успешное» покушение. Линкольн был шестнадцатым президентом США и организатором партии республиканцев, победил в гражданской войне, приняв гомстед-акт и отменив рабство, заложил отличные основы для развития США в последующие годы. Его считали великим человеком своей эпохи, но фанатики-южане думали совсем по-другому, когда сначала планировали выкрасть его для шантажа и обмена пленных, а

затем решили убить в связи с окончательными военными поражениями в гражданской войне. Актер Джон Уилкс Бут сумел смертельно ранить президента, пробравшись к нему в ложу во время комедийного спектакля вашингтонского театра «Форд» 14 апреля 1865 года. Ни о какой серьезной охране тогда речи не шло: убегающий убийца, упав и сломав ногу, все равно сумел беспрепятственно скрыться с места преступления. От полученного ранения в голову Линкольн скончался в 7 часов 20 минут утра, не приходя в сознание. Убийца был обнаружен солдатами через 12 дней при пожаре в одном из поместий и застрелен (по другой версии, он застрелился сам). Остальные участники заговора были схвачены в течение нескольких месяцев и приговорены к смертной казни. В результате этих трагических событий секретная служба была утверждена уже при новой администрации президента Эндрю Джонсона.

После смертельного ранения 20-го президента США Джеймса Гарфильда Абрама 2 июля 1881 года (умер 19 сентября 1881 года) охрана руководителей государства все же продолжалась лишь силами вашингтонской полиции. Президент погиб от рук Чарльза Дж. Гито, который совершил преступление из-за того, что ему отказали в политическом назначении после президентских выборов 1880 года. Данное убийство и анализ его причин вызвали введение законов – «поправок Пендлтона», которые стали регламентировать конкурсное назначение чиновников на должности, запрещали государственным служащим участвовать в предвыборной кампании и устанавливали другие «правила игры» по назначениям при смене администраций президентов США.

В 1890-х годах была создана служба безопасности, но это еще не стало началом полноценной совместной работы с секретной службой. Только весной 1894 года директор последней Уильям Хейзен направил по собственной инициативе двоих агентов охранять Белый дом. Юридически Хейзен не имел на это права, однако он смог мотивировать свое решение наличием агентурной информации о подготовке покушения на жизнь действовавшего тогда президента Гровера Кливленда.

Линкольн только успел подписать указ о создании секретной службы

При следующем президенте Уильяме Мак-Кинли численность этого контингента даже возросла, однако он продолжал действовать без законодательных санкций.

В 1900 году произошло выдвижение Мак-Кинли на новый президентский срок, и он легко вновь стал хозяином Белого дома. Это случилось после сенсационных побед и приобретения Америкой новых земель (контроль над Кубой и Пуэрто-Рико после победы над Испанией), возросшего мирового престижа США, обретения американцами национальной и экономической уверенности (активизация строительства Панамского канала, военные действия на Филиппинах).

С самого начала боевых действий с Испанией 21 апреля 1898 года Конгресс предписал поместить Мак-Кинли под круглосуточную охрану оперативников секретной службы. До заключения мира служба занималась ловлей испанских агентов на территории США и сбором военной информации. После переизбрания президент находился в зените своей популярности и использовал первые месяцы пребывания в должности для дальних поездок по стране. В то же время во внутренней политике наметился серьезный конфликт с крупными трестами. Мак-Кинли отдавал приоритеты внешней политике. Естественно, что эта политика вызывала восторженную поддержку среди ура-патриотически настроенных слоев общества и открытое недовольство тех, кто придерживался изоляционистских антиимпериалистических взглядов. К таким недовольным принадлежал польский анархист и будущий убийца президента Леон Чоглош. 6 сентября 1901 года Мак-Кинли принял участие в открытии Панамериканской выставки в Буффало. Он обратился к собравшимся гражданам с приветственной речью, а затем, окруженный плотной толпой, направился по центральной выставочной аллее к одному из павильонов. В этот момент Леон Чоглош приблизился к президенту, протягивая вперед руку, словно желая с ним поздороваться. В руке он держал пистолет, обернутый носовым платком. Преступник успел выстрелить два раза, прежде чем его обезоружили. Сначала ранение, полученное президентом, было неопасным и не вызывало большой тревоги у врачей. Но беспечность медиков привела к тому, что во время операции у раненого президента произошло заражение крови. Здоровье Мак-Кинли резко ухудшилось, и через неделю после покушения он умер в больнице от гангрены. Леон Чоглош предстал перед судом и был признан виновным

Мак-Кинли диктует секретарю очередной документ

в убийстве президента США. 29 октября 1901 года он был казнен на электрическом стуле. После этих событий по требованию Конгресса и по распоряжению президента Тедди Рузвельта секретная служба приступила к непосредственной охране президентов и вице-президентов, а в дальнейшем и членов их семей пожизненно (супруги, вдовы, кроме случая повторного брака, и дети до 16-летнего возраста). Лишь после длительных дебатов Конгресс официально принял закон о разнообразных расходах на гражданские федеральные службы на 1907 финансовый год, который впервые санкционировал постоянное выделение бюджетных средств для охраны действующего президента США.

С 1867 года и до Первой мировой войны служба дополнительно занималась также и контрразведывательной деятельностью, федеральными и уголовными преступлениями (почтовые ограбления, контрабанда, махинации с землей и спиртными напитками), включая даже преступления ку-клукс-клана. Впоследствии эти функции взяло на себя министерство юстиции («Department of Justice»), а затем федеральное бюро расследований («Federal Bureau Investigate»). Кстати, в 1908 году президент Рузвельт приказал передать восемь оперативников секретной службы в штат министерства юстиции, которые затем образовали ядро нового антикриминального подразделения, а позже и саму новую структуру — ФБР («FBI»).

Самая «черная» страница истории «сикрет сервис» и наиболее громкое преступление – убийство 35-го, самого молодого в истории США президента и первого президента-католика Джона Кеннеди в Далласе 22 ноября 1963 года. Преступление до сих пор вызывает массу споров и претензий к работе спецслужб США. По одним сведениям, убийца — 24-летний сторонник Кастро и марксист (прожил 3 года в СССР) Ли Харви Освальд был схвачен и найдено его оружие — винтовка, а он якобы просто всего лишь не дожил до суда. По другой информации, Освальд был «пешкой в большой игре», а на самом деле, возможно, прозвучало несколько выстрелов с разных направлений, ставших кульминацией крупнейшего антиправительственного заговора, связанного с мафией и спецслужбами. Также неизвестно, был ли на самом деле согласован и проработан маршрут следования кортежа президента, изменялся он или нет, и чем занимались специальные агенты накануне покушения. После этого убийства открытые машины-кабриолеты президентами США никогда не используются. К большому стыду, секретная служба охраны президента Кеннеди была еще и навеселе в ночь накануне покушения.

Охрана не уберегла президента Кеннеди от рокового выстрела

После убийства 6 июня 1968 года в Лос-Анджелесе сенатора Роберта Кеннеди были взяты под охрану кандидаты в президенты США в период «предвыборного марафона», а точнее, в последние 120 дней до выборов. Тогда убийство сенатора совершил марксист-палестинец Ширхан Ширхан. Первоначально Роберт Кеннеди согласился со сфабрикованными ФБР выводами об убийстве брата убийцей-одиночкой, но никто не сомневался, что в случае его победы на выборах он докопается до настоящих убийц брата, что стало одной из возможных причин его устранения.

В наше время секретной службой охраняются президентский самолет, яхта, все президентские апартаменты и резиденции, а время реакции и прибытия по вызову тревоги специальных агентов в Овальный кабинет Белого дома составляет сейчас всего несколько секунд. Еще в 1922 году была создана так называемая полиция Белого дома («White House Police») в количестве 33 сотрудников (к 1942 году – 140 сотрудников). На нее сначала была возложена охрана только резиденции президента, а затем с 1970 года штат был расширен и добавлена охрана иностранных дипломатических представительств в Вашингтоне. В 1930 году полиция Белого дома вошла в

■ Покушение

состав секретной службы США и была переименована в службу охраны исполнительной власти («Executive Protective Service»). Это случилось после того, как неизвестный проник в помещение столовой Белого дома. 31-й президент Америки Гувер принял решение сосредоточить все вопросы по обеспечению безопасности первых лиц государства в одних руках. Наконец в 1970 году она получила свое нынешнее название – униформированное подразделение секретной службы США («United States Secret Service Uniformed Division»). Это подразделение по-прежнему обеспечивает охрану резиденции президента, административных зданий правительства и некоторых других объектов (министерства финансов, министерства внутренней безопасности). Одно из его отделений («Foreign Mission Branch») несет также охрану резиденции вице-президента, правительственного дома гостей, а также иностранных дипломатических представительств. К 1974 году количество сотрудников в подразделениях секретной службы достигло уже 1,4 тысячи.

Отметим, что и сейчас попытки прорваться в Белый дом происходят практически ежегодно. Так, например, в 1974 году мужчина, считавший себя мессией, протаранил ворота, закрывавшие проезд на территорию Белого дома, и заявил, что машина заминирована. После четырехчасовых переговоров его убедили сдаться властям. Ворота, которые не менялись с XIX века, были срочно заменены на современные. Следующий таран очередного злоумышленника в 1976 году они успешно выдержали. С периодичностью в несколько лет происходят попытки проехать в Белый дом вслед за въезжающими служебными автомобилями, но эти попытки успешно пресекаются. Несколько раз пытались протаранить и ограду президентской резиденции, поэтому в 1983 году ее пришлось окружить бетонными надолбами. Гораздо чаще случаются попытки перелезть через ограду. Как правило, эти попытки предпринимают пацифисты, шутники, психопаты. Один из самых оригинальных способов реализовал в 1976 году вашингтонский таксист, который сумел преодолеть ограду с помощью 2,5-метровой железной трубы. С этой «железякой» наперевес он пытался вбежать в здание, где и был застрелен охранником, а истинные цели этого поступка так и остались неизвестными. В 1978 году религиозный христианин-фундаменталист попытался проникнуть в Белый дом. Его целью было убедить президента США Картера в том, что надписи на 100-долларовых купюрах «Надеемся на Бога» являются богохульными. Одетый в кимоно и с Библией, он перелез через ограду, а при задержании метнул нож в одного из сотрудников секретной службы.

Надо отметить, что в большинстве случаев лица, пытавшиеся преодолеть ограду Белого дома, были не вооружены. Во время забавного курьеза 1977 года злоумышленник угрожал агенту службы водяным пистолетом. По счастливой случайности обошлось без жертв. Чаще преступникам удавалось проникнуть в Белый дом по фальшивым удостоверениям личности или проскакивая за въезжающей машиной. Так, в 1985 году на территорию пробрался студент, представившийся музыкантом оркестра, но был обнаружен через 15 минут. Сейчас периодически продолжают происходить случаи обнаружения и ареста людей с оружием на прилегающей к Белому дому территории, которая находится под оперативным контролем (стационарные посты, мобильные группы, агенты в штатском, технические средства и т.д.).

После гибели обоих братьев Кеннеди агентам «сикрет сервис» все-таки удалось несколько раз спасти своих президентов и кандидатов, когда на их жизнь покушались. В 1972 году в городе Лаурел, когда Джордж Уоллес пожимал руки толпе, из-за чьего-то плеча прогремел «неудачный» выстрел некоего Артура Бремера.

В течение одного месяца в сентябре 1975 года было совершено сразу два покушения на жизнь президента Джеральда Форда, сменившего на посту Ричарда Никсона после его отставки в связи со скандалом, известным как «Уотергейтское дело».

Первое из покушений произошло в городе Сакраменто. В то утро президент в сопровождении охраны вышел из отеля «Сенатор», направляясь на деловую встречу. Проходя сквозь толпу горожан, собравшихся поприветствовать высокого гостя, Форд демократично пожимал протянутые руки. Внезапно взлохмаченная молодая женщина бросилась президенту навстречу, целясь в него из пистолета. Однако выстрела не последовало. Когда агенты секретной службы схватили нападавшую женщину, она безумно повторяла одно и то же: «Пистолет не выстрелил, пистолет не выстрелил!» При осмотре оружия полицейскими было установлено, что пистолет террористки был заряжен, но произошла осечка.

Президент Форд проявил завидное самообладание. Уже через два часа после нападения он выступил

■ Правительственные визиты – самая напряженная часть работы агентов «сикрет сервис»

перед аудиторией в законодательном органе штата Калифорния с речью, посвященной борьбе с преступностью и контролю за оружием. Комментируя попытку покушения на собственную жизнь, Джеральд Форд заявил: «Никоим образом подобные акции не помешают мне общаться с американским народом. С этим приходится жить!» Террористкой оказалась 24-летняя Линетт Фромм, которая являлась членом «семьи» наводившего ужас на жителей Америки Чарльза Менсона, на счету которого было множество кровавых убийств, в том числе зверское убийство известной голливудской кинозвезды Шарон Тейт – жены режиссера Романа Полянского.

Менее чем через три недели после инцидента в Сакраменто, 22 сентября 1975 года, снова в Калифорнии, на жизнь Джеральда Форда покушались еще раз. Как и в первом случае, президент выходил из отеля, только теперь уже города Лос-Анджелеса. Толпа встречающих пришла в движение, но вдруг отхлынула, когда раздался выстрел с противоположной стороны улицы, на что указывало облачко дыма. Джеральд Форд в нерешительности на секунду остановился, но агенты секретной службы быстро затолкали его в автомобиль, который тут же умчался на огромной скорости. В это время их коллеги арестовали 45-летнюю женщину, которая все еще продолжала сжимать в руке револьвер. Выстрел был произведен с расстояния 12 метров, а пуля прошла всего в нескольких сантиметрах от головы президента и ранила рикошетом прохожего. От более тяжких последствий ситуацию спас отставной морской пехотинец, который в последний момент перед выстрелом толкнул стрелявшую. Покушавшаяся Сара Джейн Мур являлась активисткой левого движения, хорошо известной полиции города Сан-Франциско.

Обе террористки впоследствии предстали перед судом по обвинению в покушении на жизнь президента США Джеральда Форда. Каждая из них была приговорена к весьма длительному сроку тюремного заключения. Сам 38-й президент США Форд прожил долгую жизнь и умер своей смертью 26 декабря 2006 года. Осужденная Сара Джейн Мур просидела в тюрьме более 30 лет и была выпущена на свободу в 2007 году в 77-летнем возрасте. После освобождения она заявила журналистам, что раскаивается в попытке убийства президента США и рада, что не смогла совершить это преступление.

30 марта 1985 года была совершена попытка убийства президента Рональда Рейгана. В тот день после выступления на съезде профсоюза строителей Рональд Рейган вышел из отеля «Хилтон» в Вашингтоне. От подъезда до бронированного лимузина было не более двадцати шагов. Президент с улыбкой приветствовал людей, которые, несмотря на дождь, ожидали появления руководителя своего государства. Неожиданно кто-то позвал Рейгана из толпы: «Господин президент!» Глава Белого дома обернулся, и в тот же момент выскользнувший из толпы человек открыл стрельбу. Агенты секретной службы тут же окружили семидесятилетнего президента, решительно пригнули его к самой земле и затолкали в автомобиль, который тут же рванул с места. Остальные агенты обезоружили нападавшего. Покушавшийся успел произвести четыре выстрела и ранил президента Рональда Рейгана, его пресс-секретаря Джеймса Брэйди, который впоследствии остался парализованным, агента «сикрет сервис» и полицейского. Окровавленного президента срочно доставили в больницу Университета имени Джорджа Вашингтона, куда вскоре приехала Нэнси Рейган. Увидев жену, президент, чтобы успокоить ее, нашел в себе силы пошутить виноватым тоном: «Извини, дорогая, я не успел увернуться от пули!» И тут же с юмором поинтересовался у врачей, которые везли его в операционную: «Надеюсь, ребята, вы республиканцы?» Лучшие хирурги американской столицы извлекли из легкого президента пулю, которая застряла в 5,5 сантиметра от сердца. Один из этих врачей впоследствии утверждал, что жизнь Рональда Рейгана висела тогда на волоске. Однако, несмотря на это и на преклонный возраст, президент быстро выздоровел.

Арестованным по обвинению в покушении на президента США оказался 25-летний диск-жокей одной из радиостанций Денвера Джон Хинкли-младший, бывший студент Йельского университета, сын президента корпорации «Вандербилт энерджи» – нефтяной компании в столице штата Колорадо. Этот человек был уже известен полиции, так как еще 9 октября 1980 года он был задержан в аэропорту Нешвиля за незаконное ношение оружия. Как раз в то время через город проезжал президент, но тогда этому не было придано должного значения.

Суд признал Хинкли душевнобольным и предписал пожизненно содержать его в специальной клинике. Психиатры, обследовавшие Джона Хинкли, пришли к выводу, что главным мотивом его преступления было навязчивое желание обратить на собственную персону внимание известной актрисы Джуди Фостер.

На жизнь президентов США покушались не только американцы, но и граждане других государств. В 1950 году была пресечена попытка убийства президента Гарри Трумэна. На его жизнь покушались два пуэрто-риканских националиста, выступавших за независимость Пуэрто-Рико, имеющего ныне статус «содружества» и присоединившегося к США.

В 1988 году, во время подготовки к майскому визиту президента США Рональда Рейгана в Советский Союз, советскими спецслужбами была получена информация о готовящемся покушении. 9-м Управлением КГБ СССР за два месяца до визита была проделана колоссальная работа и проверены тысячи людей. В результате удалось задержать террориста по дороге в аэропорт. Им оказался югославский серб.

В 1993 году иракские спецслужбы, по сведениям кувейтской полиции, пытались убить бывшего президента США Джорджа Буша-старшего во время его визита в Кувейт.

Одним из последних публичных покушений на президента США считается инцидент во время визита Джорджа Буша-младшего в 2005 году в Грузию. Тогда в Тбилиси к трибуне, где находились президенты США и Грузии, была брошена граната, которая не взорвалась. Впоследствии при аресте покушавшегося в жилом доме во время перестрелки погиб один полицейский, а в квартире был обнаружен склад различного оружия. В 2006 году преступник был приговорен к пожизненному заключению.

(Продолжение следует)

■ **Порой ошибка стоит жизни**

...Даже преданные и брошенные, они встречали врага в штыки

В свое время в журнале «Солдат удачи» был опубликован ряд статей С. Балмасова, посвященных малоизвестным страницам «белого» добровольческого движения. Затронутая тема более чем интересна, ведь существует еще немало неисследованных страниц участия наших соотечественников в вооруженных конфликтах в составе иностранных армий. К примеру, в боевых действиях в составе военных формирований Парижской коммуны в 1871 г., в составе финской Красной армии в ходе гражданской войны в Финляндии в 1918 г.
Также все еще «белым пятном» остается участие «красных легионеров» – бывших военнослужащих Русской армии – в сражениях на венгерской стороне с румынскими и чехословацкими войсками. Сегодня мы воссоздадим хронологию тех давних событий.
Все это важно для понимания характера, духа русского человека, который испокон веков не теряет стойкости при любых ударах судьбы, в том числе и будучи не по своей воле заброшенным на чужбину...

Валерий ДАНИЛЬЧЕНКО

БЫЛА И ВЕНГЕРСКАЯ КРАСНАЯ АРМИЯ, А В НЕЙ – РУССКИЙ БАТАЛЬОН...

После поражения в Первой мировой войне в 1918 году Австро-Венгерская империя прекратила свое существование. На ее территории образовался ряд независимых государств, в том числе и Венгрия. Последняя в результате непродолжительной революции превратилась в республику, а ее правительство возглавил граф Михай Карои, ставший вскоре президентом. Однако 21 марта 1919 г. в результате переворота к власти в стране пришел марксистский режим с установлением фактической диктатуры Белы Куна.

Распад Австро-Венгерской империи, революционный хаос в Венгрии привели к полному развалу вооруженных сил. Этой ситуацией собиралась воспользоваться Румыния, у которой имелись территориальные претензии к венграм. Таким образом, первостепенной задачей нового венгерского государства стало формирование собственных вооруженных сил.

25 марта 1919 г. был издан декрет о создании венгерской Красной армии. По опыту Советской России было при-

ВЕНГЕРСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА 1919 г.
(21 марта–1 августа)

нято решение создать в ее составе интернациональные добровольческие части.

В это время в Венгрии все еще находилось значительное количество россиян, бывших военнопленных царской армии, хотя процесс их репатриации на родину был в основном закончен (для справки интересно отметить, что в ходе Первой мировой войны в плену в Германии и Австро-Венгрии находилось около 2 – 2,4 млн. солдат и офицеров Русской армии, в то же время в российский плен попало около 2,2 млн. военнослужащих противника). Было сделано многое, чтобы привлечь их в венгерскую Красную армию, причем не только правительством Венгрии. Так, этот призыв содержался в зачитанном перед русскими военнопленными на митинге в Будапеште 30 марта обращении наркома по иностранным делам Советской России.

Вскоре были созданы два интернациональных полка, в основном из австрийцев. В составе 1-го интернационального полка из бывших военнопленных был сформирован 1-й русский батальон. Кроме того, некоторые русские добровольцы были зачислены в другие части венгерской Красной армии и позже были переведены в запасные и резервные части интернациональных полков.

Командиром русского батальона был назначен бывший штабс-капитан Русской армии К. Каблуков, политическим комиссаром – Е. Вайсброд (после его гибели – Р. Меллер). Также известно, что командиром 3-й роты был П. Коблов. Личный состав батальона насчитывал 500 штыков и был вооружен немецкими 7,92-мм винтовками системы Маузера обр. 1898 г. В связи с недостатком вооружения в венгерской армии, особенно тяжелого, русский батальон получил только один пулемет. Россияне, как и другие части, были экипированы в полевую серую форму, оставшуюся в наследство еще с времен королевской армии. Каких-либо особенных знаков отличия батальон не имел.

ДОВЕРИЯ ЗАСЛУЖИВАЛИ ТОЛЬКО ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ...

16 апреля 1919 г. румынские войска, создав двойное превосходство в силах, начали вторжение на территорию Трансильвании. Из-за предательства контрреволюционно настроенного командования Секейского особого отряда и 39-й бригады эти части оставили свои позиции. В результате Восточный фронт венгерской армии рухнул. Для его укрепления были направлены резервные части, в том числе и интернациональные подразделения. Однако эти формирования были вовлечены в общее отступление и переломить ситуацию не смогли. Апрельское наступление румынской армии привело к оставлению венграми территории за рекой Тисой.

Несмотря на неудачу, в этих первых боях интернациональные части, в том числе и русский батальон, показали себя наиболее боеспособными подразделениями венгерской Красной армии. В этой связи в мае 1919 г. интернациональные полки подверглись реорганизации. Была сформирована 80-я интернациональная бригада, в составе которой 1-й интернациональный полк с русским батальоном стал 26-м.

В апреле 1919 г. положение Венгрии еще более осложнилось, так как по инициативе Антанты Чехословакия также начала боевые действия против венгров. Таким образом, образовался Северный фронт венгерской Красной армии. Однако в отличие от румын чехословацкие солдаты целей этой войны не понимали, к тому же в Чехословакии в то время были сильны позиции марксистов. В такой ситуации Бела Кун, не имея серьезных военных сил и материальных ресурсов, решил начать наступление на Северном фронте, рассчитывая экспортировать революцию в Чехословакию. Особая ставка в наступлении делалась на 80-ю интернациональную бригаду, которая рассматривалась как ударная часть.

Однако к этому времени многие командиры венгерской Красной армии (в недалеком прошлом – офицеры армии Австро-Венгрии) были вовлечены в заговор против режима Белы Куна. Не повезло и воинам-интернационалистам: командиром 80-й бригады был назначен майор Фолькушхази, который крайне враждебно относился к своим подчиненным, особенно к своим бывшим противникам по мировой войне – русским. Саботаж со стороны ряда представителей командного состава серьезно сказывался на действиях Красной армии.

НА ЧУЖОЙ ВОЙНЕ РУССКИЕ ПОГИБАЛИ ПЕРВЫМИ

30 мая 1919 г. венгерская Красная армия начала наступление на Северном фронте между истоками рек Шайо и Ипой. В первый же день крупным успехом ознаменовались действия 26-го интернационального полка. Ему удалось захватить город Лошонц.

Это была победа вопреки всем обстоятельствам. Дело в том, что противник строил свою оборону на основе информации, полученной от предательски настроенного командования 80-й интербригады. Майор Фолькушхази заранее сообщил врагу, что намеревается прорвать оборону на северо-западном участке чехословацких войск. 26-му полку им была поставлена задача демонстрировать наступление на левом фланге. В авангарде полка в качестве главной ударной силы шли подразделения русского батальона. Они и понесли самые тяжелые потери. Рота русского батальона, пытавшаяся форсировать реку Ипой у хутора Рарошпуста, напоролась на огонь четырех пулеметов противника и, потеряв около двадцати человек, вынуждена была отступить. Однако другим частям полка сопутствовал успех.

Командир 26-го полка З. Санто вспоминал: *«Захватив позиции на левом берегу р. Ипой, мы подавили сопротивление защитников плацдарма. Но и на этот раз не было заметно, чтобы командование чехословацких войск подбросило им подкрепление. Мне показалось, что чехословацкое командование, оставив защитников плацдарма, не принимает наше наступление всерьез»*.

Вскоре командир полка понял, что произошло предательство и командование врага осведомлено о венгерских наступательных планах. Именно поэтому неприятель не обращал внимания на демонстрацию наступления интернационального полка. И тогда командованием были введены в бой все наличные силы, в результате чего и удалось овладеть городом Лошонц.

В донесении командования 3-й дивизии, в состав которой входила 80-я интербригада, отмечались успешные действия русского батальона. Также указывалось, что оборона чехов в г. Лошонце имела много пулеметов и в результате сильного огня русский батальон потерял много бойцов убитыми и ранеными.

ИМ СКАЗАЛИ «СПАСИБО» И ВНОВЬ БРОСИЛИ НА УБОЙ

1–2 июня части 3-й дивизии начали наступление в направлении городов Корпоны и Зойома. Самая тяжелая задача выпала 80-й интербригаде, наступавшей на Зойом. Противник наносил все новые и новые контрудары. Наступление велось в тяжелых условиях горно-лесистой местности. Русские вновь шли в авангарде наступающих.

Командир 3-й дивизии 2 июня про-

вел смотр русского батальона 80-й бригады. О результатах он доложил главному командованию армии следующее: *«В подразделении довольно хорошие дисциплина и боевой дух. Его командир Каблуков, бывший штабс-капитан, является заботливым и осмотрительным командиром батальона»*. По результатам боев командир дивизии представил русский батальон к благодарности командующего армией. Однако в том же докладе отмечалось, что русское командование просило о смене батальона, так как он все время используется в авангарде наступающих подразделений и несет тяжелые потери. Однако это ходатайство не было удовлетворено.

3 и 4 июня сопротивление чехословаков было наконец сломлено. Частями 3-й дивизии 7 июня был взят Зойом. Закончился первый этап наступления на Северном фронте венгерской армии. В результате наступления глубина продвижения составила 150 км, а чехословацкие части понесли тяжелое поражение. Основную роль в этом сыграла 80-я интербригада.

ПОБЕДА, ОБРЕЧЕННАЯ НА ПОРАЖЕНИЕ...

10 июня чехословацкие части перешли в контрнаступление на Северном фронте. Город Зойом обороняли части 80-й интербригады, в том числе и русский батальон. Бригада с начала наступления не получала пополнения и значительно ослабла. Несмотря на это, первое наступление противника было отбито.

13 июня чехословаки начали наступление на Зойом с трех сторон. Под напором превосходящих сил противника измотанные, давно нуждавшиеся в смене батальоны 80-й бригады оставили город. Во время отступления попали в плен и были расстреляны 9 русских солдат.

Главную роль в поражении сыграло отсутствие артиллерийской поддержки в связи с затруднениями в подвозе боеприпасов. Очевидно, что это был саботаж.

Теперь уже известно, что армейская оппозиция режиму Белы Куна намеренно старалась ослабить ударные части Красной армии, прежде всего 80-ю интербригаду. Ее командир не раз ставил перед частями такие задачи, при выполнении которых личный состав совершенно изматывался, бригаде не давали передышки. Некоторые распоряжения Фолькушхази носили откровенно провокационный характер. Был случай, когда он приказал одному интернациональному батальону пройти маршем на виду у артиллеристов противника, чтобы выявить огневые позиции противника.

Солдаты и командиры 80-й бригады неоднократно высказывали претензии на враждебное к ним отношение со стороны командования бригады. Отмечалось, что военнослужащим не дают отдыха, достаточного количества патронов, снарядов. Первоначально вышестоящее венгерское командование считало такие высказывания «анархическими тенденциями». Однако после сдачи Зойома, когда Фолькушхази хотел оборудовать оборонительные позиции бригады, пренебрегая самыми элементарными требованиями тактики, он наконец был отстранен от командования бригадой.

16 июня 1919 г. 3-я дивизия вела оборонительные бои северо-восточнее г. Левы и вынуждена была отходить под давлением превосходящих сил противника. Однако благодаря контрудару 4-й дивизии противник был отброшен от Левы.

А закончилось все тем, чем и должно было закончиться. Несмотря на венгерское наступление, никакой революции в Чехословакии не произошло. 24 июня под давлением Франции Венгрия была вынуждена заключить перемирие с Чехословакией и оставить с таким трудом завоеванные территории...

ВРЕМЯ ОТРЕЗВЛЕНИЯ

Очевидно, что наступление на Северном фронте было главной стратегической ошибкой советской Венгрии. Утопия с «экспортом революции» в Чехословакию обрушилась. Все и до того немногочисленные материальные и людские ресурсы были истощены. Капитуляция на Северном фронте подорвала веру в победу. Отвод войск вызвал поворот в настроении подавляющего большинства офицеров армии и генштаба, которые были связаны с венгерской Красной армией только тем, что надеялись с ее помощью вернуть утраченные в ходе мировой войны территории. В результате заговорщики получили в свои ряды большинство армейских руководителей.

Соответственно изменились и настроения среди солдат русского батальона. Эйфория первых недель революции прошла. Почти прекратился приток добровольцев в русский батальон. Однако 80-я интербригада даже после окончания Северного похода продолжала оставаться самым боеспособным соединением венгерской армии.

ВЕНГЕРСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ ГОТОВИЛАСЬ... РУМЫНСКИМ КОМАНДОВАНИЕМ

Новый начальник генерального штаба венгерской Красной армии Ф. Жулье, вставший во главе заговорщиков, предложил руководству республики провести заведомо обреченное на неудачу наступление против румынских войск в Затисье на Восточном фронте.

Командование армии прекрасно понимало, что с войсками, моральное состояние которых было низким, а техническая оснащенность минимальна, невозможно осуществить столь серьезную операцию, как переправа через Тису, а затем с ходу наступать против отдохнувшей румынской армии. В авангарде наступающих частей должны были следовать лучшие части венгров, в том числе и 80-я интербригада. Неминуемое поражение лучших частей привело бы к скорому краху советской Венгрии.

Роковой ошибкой революционного правительственного совета Венгрии стало принятие этого плана. Операция была спланирована Жулье таким образом, что наступающие группировки венгерских войск имели неприкрытые фланги. При этом планы наступления были переданы румынскому командованию.

Русские офицеры – кандидаты в венгерскую Красную армию

Перед 80-й бригадой ставилась задача форсировать Тису и овладеть г. Тисафюред. На тот момент бригада состояла из русского батальона и трех других, в которых преобладали австрийцы и венгры, ранее служившие в Красной армии Советской России. Всего бригада имела 1.336 штыков, 4 орудия, ее действия должен был поддерживать один бронепоезд.

«ПРЕДАТЕЛЬСТВО!» – КРИЧАЛИ ОНИ В ОТЧАЯНИИ»

20 июля 1919 г. началось наступление венгерской армии на Восточном фронте. Некоторые части в первый же день успешно форсировали Тису, однако 80-й интербригаде переправа не удалась, за исключением мелких подразделений.

Неудача переправы объяснялась прежде всего саботажем в тыловых органах. Хотя наступающую венгерскую армию поддерживали свыше 90 артбатарей, для 80-й бригады была выделена только одна артиллерийская батарея, и было минимум снарядов. Более того, и среди выданных солдатам патронов оказалось много учебных и холостых.

Переправа бригады сильно затруднялась и нехваткой переправочных средств. Эшелон с необходимыми переправочными средствами предатели загнали на запасные пути. В распоряжении войск имелся лишь один моторный паром. Несмотря на это, 22 июля бригаде удалось переправиться через Тису и, оттеснив противника, выйти на подступы к Тисафюреду.

Заранее осведомленное о венгерских наступательных планах румынское командование, организовав преднамеренное отступление своих войск, позволило ударным группировкам венгров переправиться через Тису и продвинуться глубоко вперед в Затисье. В том числе и 80-я бригада по указанию генштаба, не имея прикрытия с флангов, продвигалась вперед по направлению к Дебрецену, не встречая сопротивления. Таким образом, наступил подходящий момент для хорошо спланированного румынами контрудара...

24 июля началось общее контрнаступление

Бела Кун

румынских войск в Затисье. Был организован и контрудар по 80-й бригаде, при этом один кавалерийский полк румын наносил фланговый удар с юга, а один пехотный полк и два батальона наносили удар с фронта со стороны Дебрецена.

Наступление превосходящих сил противника было внезапным для бригады. Его войска стали теснить интернациональные части к Тисе. При этом в решающий момент из-за саботажа подразделения бригады оказались без снарядов и практически без патронов. Когда же обеспечивающим подразделениям бригады удалось доставить полученные от тыловиков патроны, они оказались... холостыми!

Один из солдат бригады так описывал эти события: *«Продвигаясь по-пластунски, мы тащили тяжелые ящики и собственное оружие, стараясь поскорее достичь передовой линии. Наши боевые товарищи ползли навстречу. Мы, передав им боеприпасы, быстро возвращались за новыми ящиками. В окопах вскрыли ящики. Телефонист позвал меня к полевому телефону. Из трубки слышна ужасная ругань. «Предательство! – кричали они в отчаянии. – Мы вскрыли первый, второй... десятый ящики, в которых вместо боевых патронов оказались холостые!» На передовой царил полный хаос...»*

«РУССКИЕ НЕ ОТСТУПАЮТ...»

Однако русский батальон, оказавшись практически без боеприпасов, встретил наступающие румынские части в штыки! Русских бойцов поддержали австрийские подразделения. Очевидец так описывал эту схватку:

«Румыны перешли в контрнаступление. Они хорошо снаряжены. Русские не отступают, переходят врукопашную, колют, режут румын, но превосходящие силы противника теснят красный полк русских и австрийцев к густому лесу на берегу Тисы. Напрасно мы просили поддержать нас артиллерией, ее отвели в тыл, а маленький понтон мог переправить немногих. Румыны прижали красноармейцев к Тисе. Здесь многие погибли. Потом и нам пришлось отступить в Фюзешабонь, и тогда мы увидели, что лодки и понтоны уже давно находились на запасном пути станции. Нам стало ясно, что среди нас было много предателей».

Из-за предательства венгерского командования 80-я интернациональная бригада была практически полностью уничтожена, в том числе и русский батальон. 893 военнослужащих бригады погибли или попали в плен. Однако и противник понес тяжелые потери в результате штыковых атак русских и австрийцев. Большие потери были и в других ударных группировках венгерских войск.

После поражения лучших частей венгерской Красной армии в Затисье Восточный фронт республики рухнул. Румынские войска переправились через Тису и глубоко продвинулись в направлении Будапешта. Это привело к падению советской Венгрии.

ПОСТСКРИПТУМ

После этих событий оставшиеся в живых россияне вернулись на родину. Выжили командир батальона К. Каблуков, комиссар Р. Меллер.

Точное количество русских, служивших в венгерской Красной армии, неизвестно. Не установлено и число погибших в боях и в плену. Судя по всему, погибло около 200–300 россиян...

Оценивая по прошествии десятков лет те давние события, необходимо отметить, что отвлечение главных сил румынской армии на участие в боевых действиях в Венгрии не позволило румынам осуществить захват других, кроме Молдавии, советских территорий. В том числе и города Одессы. Сражаясь за Венгрию, наши соотечественники помогли и своей стране.

Игорь НИКОЛАЕВ

«ВСЕЯДНЫЙ» КОМПЛЕКС «БУК»

Как уже не раз отмечалось, даже самая передовая техника имеет свойство морально устаревать. Так случилось и с ЗРК «Куб» – подвижным зенитным ракетным комплексом, предназначенным для прикрытия с воздуха боевых действий частей и соединений, особенно бронетанковых, создание которого началось в 1958 году. Через тринадцать с половиной лет, 13 января 1972 года, ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли решение приступить к разработке нового войскового комплекса «Бук». Постановление предусматривало широкую кооперацию разработчиков и изготовителей, которые ранее занимались созданием ЗРК «Куб». Одновременно было принято решение о создании ЗРК М-22 «Ураган» для Военно-морского флота с использованием единой с комплексом «Бук» зенитной управляемой ракеты.

ЗРК «Бук» (9К37) предназначался для борьбы с воздушными целями на средних и малых высотах, в любое время суток, летящими со скоростями до 820 м/с, маневрирующими с перегрузками до 10–12 единиц, на дальностях до 30 км, а в перспективе – и с баллистическими ракетами. Причем уничтожение целей должно было происходить в условиях активного радиоэлектронного противодействия противника.

Основным разработчиком комплекса «Бук» в целом был назначен Научно-исследовательский институт приборостроения (НИИП) Министерства радиопромышленности (МРП), который возглавлял генеральный директор В. Гришин. Главным конструктором ЗРК стал А. Растов. Основные элементы сухопутного комплекса «Бук» создавали:

– командный пункт – НИИП МРП (главный конструктор Г. Валяев, затем В. Сокиран);

– самоходные огневые установки (СОУ) – НИИП МРП (главный конструктор В. Матяшев);

– станцию обнаружения и целеуказания (СОЦ) 9С18 «Купол» – Научно-исследовательский институт измерительных приборов (НИИИП) МРП (главный конструктор СОЦ А. Ветошко, впоследствии В. Грешнов и Ю. Щекотов);

– пуско-заряжающие установки (ПЗУ) – Машиностроительное конструкторское бюро (МКБ) «Старт» Министерства авиапромышленности (главный конструктор ПЗУ А. Яскин);

– зенитную управляемую ракету – Свердловское машиностроительное конструкторское бюро (СМКБ) «Новатор» Министерства авиационной промышленности (главный конструктор Л. Люльев);

– полуактивную доплеровскую головку самонаведения для ЗУР – НИИП МРП (главный конструктор И. Акопян);

– гусеничные унифицированные шасси – ОКБ-40 Мытищинского машиностроительного завода (ММЗ) Министерства транспортного машиностроения (главный конструктор Н. Астров).

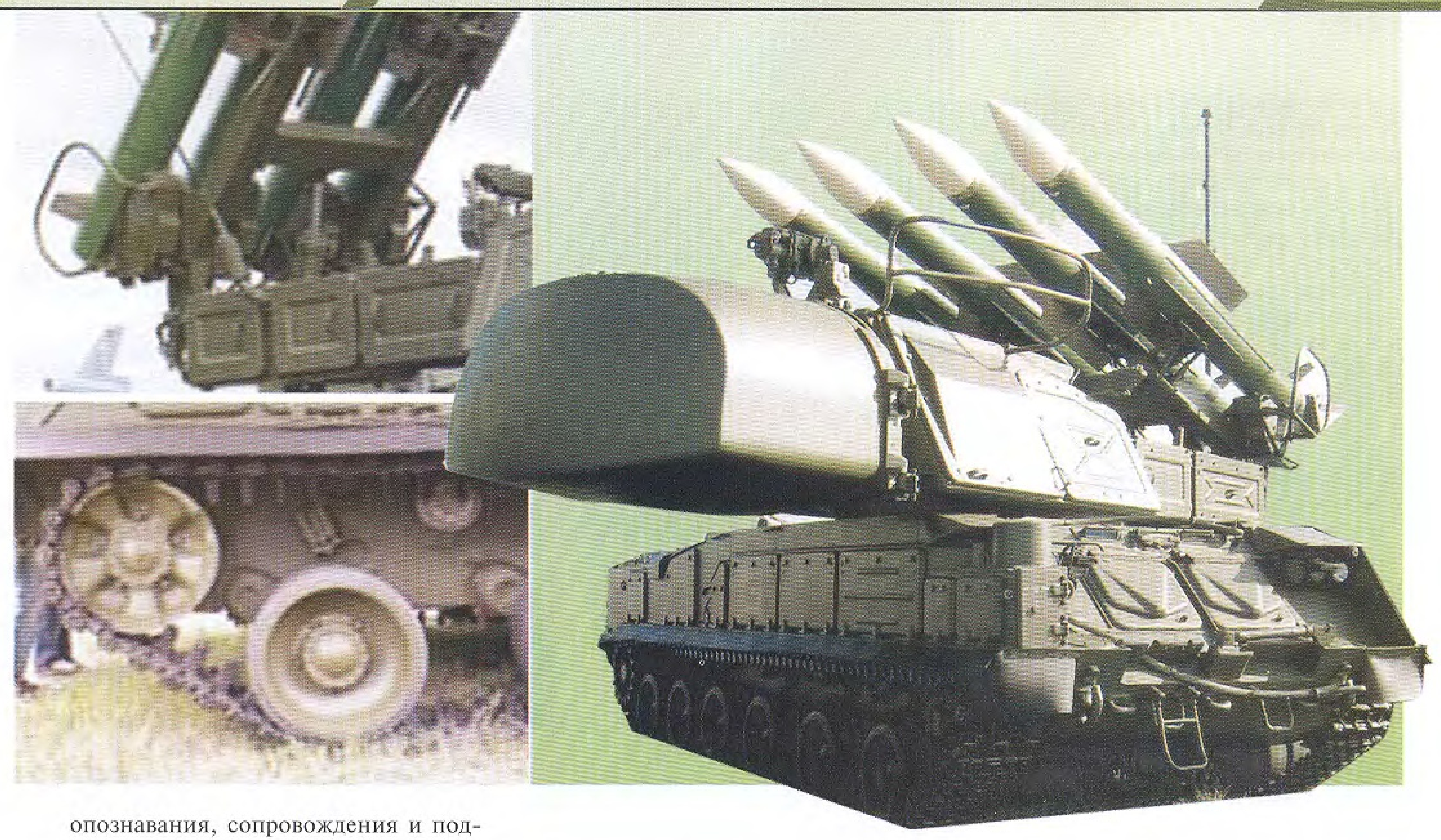
Комплекс создавался поэтапно. Первоочередной ставилась задача разработки новой ракеты и самоходных огневых установок, которые должны были иметь пусковые устройства со сменными направляющими и могли использовать как новые 9М38, так и существовавшие 3М9М3 ракеты. На их базе, с использованием других средств комплекса «Куб-М3», предполагалось создать ЗРК «Бук-1» 9К37-1. Успешные испытания комплекса в сентябре 1974 года позволили ввести в состав батарей зенитных ракетных полков, оснащенных комплексом «Куб-М3», по одной СОУ 9А38. Модернизированный комплекс получил наименование «Куб-М4» и имел увеличенное – с 5 до 10 – количество целевых каналов. Значительно улучшились и другие его характеристики. Создание ЗРК «Куб-М4» стало переходным этапом для последующего принятия на вооружение комплекса «Бук» в полном составе. Остановимся подробнее на основных элементах нового ЗРК.

Командный пункт 9С470 был способен обрабатывать информацию о 46 целях на высотах до 20 км в зоне радиусом 100 км за цикл обзора станции обнаружения и целеуказания и выдавал на самоходные огневые установки до шести целеуказаний. Он обеспечивал прием, отображение и обработку информации о целях, поступившей от станции обнаружения и целеуказания и шести самоходных огневых установок, а также с вышестоящих КП, выбор наиболее опасных целей и распределение их между самоходными огневыми установками в ручном и автоматическом режимах, отображение информации о наличии ЗУР на них и на пуско-заряжающих установках и ряд других функций. Масса командного пункта с боевым расчетом из 6 человек не превышала 28 тонн, при развертывании с марша он был готов к боевой работе уже через 3 минуты.

Самоходная огневая установка 9А310 переводилась из походного положения в боевое чуть дольше – до 5 мин. Зато при переводе СОУ из дежурного режима в рабочий, например, когда приходилось менять позицию с включенной аппаратурой, готовность к открытию огня составляла не более 20 секунд. Всего 12 минут требовалось для того, чтобы зарядить СОУ четырьмя ракетами с пуско-заряжающей установки, а при использовании транспортной машины это время удлинялось на 4 минуты.

Самоходная огневая установка предназначалась для поиска в назначенном секторе,

опознавания, сопровождения и подсветки выбранных для обстрела целей, транспортировки, предварительного наведения и пуска по ним ракет. Она сопрягалась с командным пунктом и пуско-заряжающей установкой по телекодовой линии связи. В ее составе имелись РЛС сантиметрового диапазона 9С35, цифровая вычислительная система, пусковое устройство с силовым следящим приводом, телевизионно-оптический визир, аппаратура связи и управления, навигации, топопривязки и ориентирования, система автономного электропитания и жизнеобеспечения.

Масса самоходной огневой установки с боевым расчетом из 4 человек не превышала 32,4 тонны. Ее длина составляла 9,3 м, ширина – 3,25 м (9,03 м в рабочем положении), высота – 3,8 м (7,72 м).

Станция обнаружения и целеуказания 9С18 («Купол») – трехкоординатная, когерентно-импульсная, сантиметрового диапазона с электронным сканированием луча в секторе по углу места (устанавливается 30° или 40°) и механическим (круговым или в заданном секторе) вращением антенны по азимуту (с помощью электропривода или гидропривода). Она предназначалась для обнаружения и опознавания воздушных целей на дальностях до 120 км (45 км при высоте полета 30 м) и передачи информации о воздушной обстановке на командный пункт.

В состав станции входили антенный пост (состоящий из отражателя, облучателя, поворотного устройства, устройства сложения антенны в походное положение), передающее устройство (со средней мощностью до 3,5 кВт), приемное устройство (с коэффициентом шума не более 8) и другие системы.

Станция с высокой надежностью обнаруживала цели даже в условиях радиоэлектронного противодействия противника, благодаря различным техническим решениям имела возможность защищаться от противорадиолокационных ракет.

Параметры времени перевода станции из походного положения в боевое были такими же, как и у самоходной огневой установки. Масса станции с расчетом из 3 человек составляла не более 28,5 тонны.

Размещенная на шасси ГМ-577 **пуско-заряжающая установка 9А39** была способна перевозить восемь ЗУР (по четыре на пусковом устройстве и на неподвижных ложементах), осуществлять пуск четырех ЗУР, самозагружать свое пусковое устройство четырьмя ракетами с ложементов, самозаряжать за 26 минут восемь ЗУР с транспортной машины, с грунтовых ложементов и из транспортных контейнеров, заряжать и разряжать самоходную огневую установку четырьмя ракетами. В состав пуско-заряжающей установки помимо пускового устройства с силовым следящим приводом, крана и ложементов входили цифровая вычислительная машина, аппаратура навигации, топопривязки и ориентирования, телекодовой связи, энергообеспечения и агрегатов электропитания. Масса установки с боевым расчетом из 3 человек – не более 35,5 т. Длина пуско-заряжающей установки составляла 9,96 м, ширина – 3,316 м, высота – 3,8 м.

Зенитная управляемая ракета 9М38 была выполнена по нормальной Х-образной аэродинамической схеме с крылом малого удлинения, с виду напоминала американские корабельные ракеты «Тартар» и «Стандарт». И это неудивительно. Так как ЗУР была унифицированной, она прежде всего должна была удовлетворять требованиям моряков, которые предъявляли жесткие габаритные ограничения. Отсюда и сходство наших ракет с американскими. При их проектировании был пройден тот же путь, который позже прошли мы. В ракете использовался двухрежимный твердотопливный двигатель с общим временем работы около 15 секунд. В передней части ракеты последовательно размещались полуактивная головка самонаведения, аппаратура автопилота, источники питания и боевая часть. Для лучшей центровки ЗУР во время полета камера сгорания РДТТ была размещена ближе к середине ракеты, а сопловой блок включал удлиненный газоход, вокруг которого располагались элементы рулевого привода. Ракета летела к цели «целиком», то есть не имела отделяющихся в полете частей. Длина раке-

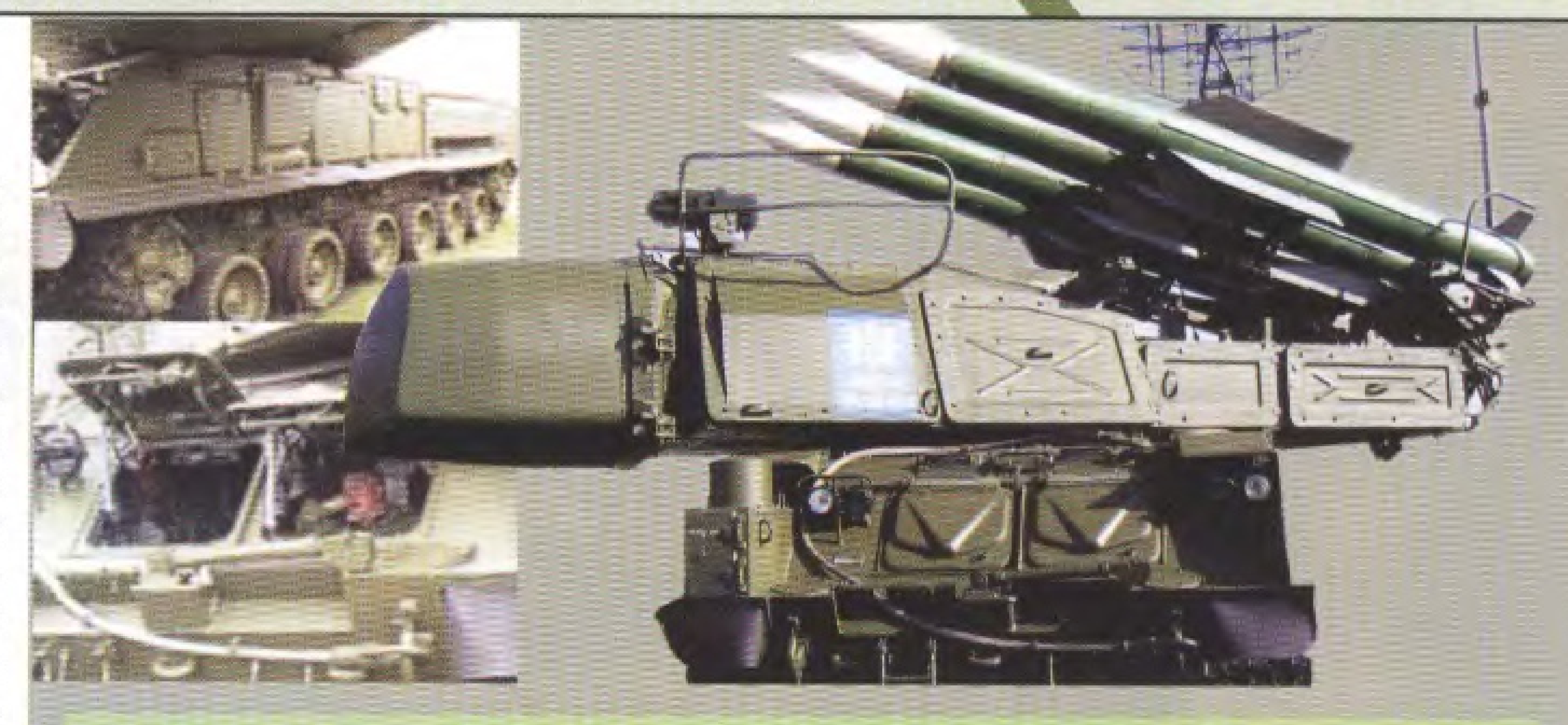
ты составляла 5,5 м, диаметр – 400 мм, размах рулей – 860 мм. Для нее была разработана новая головка самонаведения (ГСН) с комбинированной системой управления. Наведение ракеты на цель осуществлялось по методу пропорциональной навигации, который в совокупности с комбинированной системой управления (инерциальная с радиокоррекцией на начальном и полуактивное самонаведение на конечном участках полета) обеспечивал ее захват после старта. ЗУР 9М38 могла поражать цели на высотах от 25 м до 18–20 км на дальностях от 3,5 до 25–30 км. Ракета развивала скорость 850 м/с и могла маневрировать с перегрузками до 19 единиц. При несрабатывании радиовзрывателя ЗУР самоликвидировалась. Если цель не поражалась первой ракетой, производился пуск по ней второй ЗУР.

Масса ракеты составляла 685 кг. Боевая часть осколочно-фугасного типа весила 70 кг и оснащалась контактным и неконтактным (радиолокационным) датчиками, обеспечивавшими ее срабатывание на удалении до 17 м от цели. Ракеты 9М38 поставлялись в войска в транспортном контейнере 9Я266 в окончательно снаряженном виде. Эксплуатация изделия без проведения проверок и регламентных работ могла осуществляться в течение 10 лет.

Надо отметить, что зенитный ракетный комплекс «Бук» постоянно модернизировался. Сначала был создан ЗРК «Бук-М1». А затем, в 1997 году, появился «всеядный» комплекс «Бук-М1-2», способный поражать не только самолеты, вертолеты, тактические баллистические ракеты типа «Ланс», авиационные ракеты и элементы высокоточного оружия на дальностях до 20 км, но и надводные корабли на дальностях до 25 км и наземные цели (самолеты на аэродромах, пусковые установки, крупные командные пункты) на дальностях до 15 км за счет применения новой ракеты 9М317 и модернизации других средств комплекса. Была повышена эффективность поражения самолетов, вертолетов и крылатых ракет. Границы зон поражения увеличены до 45 км по дальности и до 25 км по высоте.

В настоящее время создано несколько модификаций ЗРК «Бук». Есть варианты с использованием не только гусеничной, но и автомобильной базы.

Комплексы семейства «Бук» предлагались к поставкам за рубеж под наименованием «Ганг».

Основные характеристики ЗРК «Бук» и его модификаций

Комплекс	«Бук»	«Бук-М1»	«Бук-М1-2»
Ракета	9М38	9М38М1	9М317
Зона поражения, км:			
– по дальности	3,5...25–30	3,32...35	до 45
– по высоте	0,025...18–20	0,015...20–22	0,015...25
– по параметру	до 18	до 22	до 25
Вероятность поражения цели одной ЗУР:			
– истребитель	0,8...0,9	0,8...0,9	0,8...0,95
– летящий вертолет	0,3...0,6	0,5...0,7	0,7...0,8
– крылатая ракета	0,25...0,5	0,4...0,6	0,7...0,8
Макс. скорость поражаемых целей, м/с	820	830	1.200
Время реакции, с	22	22	н/д
Скорость полета ЗУР, м/с	850	1.000	н/д
Масса ракеты, кг	685	690	710–720
Масса боевой части, кг	70	70	70
Канальность по цели	2	2	н/д
Канальность по ЗУР	до 3	до 3	н/д
Время развертывания (свертывания), мин.	5	5	5
Число ЗУР на боевой машине	4	4	4
Год принятия на вооружение	1980	1983	1997

Владимир МОСАЛЁВ
Вадим УШАКОВ

Тайвань (в переводе с китайского – «морской берег с террасами») располагается между Восточно-Китайским и Южно-Китайским морями на острове Формоза у юго-восточного побережья Азии и отделяется от материка Тайваньским проливом. Длина острова с севера на юг – 395 км, ширина – 140 км. В состав Тайваня входят также острова Пэнху (Пескадорские). Площадь Тайваня – 35,98 тыс. кв. км, население (в основном китайцы) – 23,04 млн. человек (2006 г.), столица г. Тайбэй.

Первыми из европейцев на острове в 1590 году высадились португальцы, которые дали ему название «Формоза» (Прекрасный) и в 1624 году захватили его. В 1661–1662 годах остров освободили китайцы. В 1683 г. он вошел в состав Цинской империи. С 1895 по 1945 год Формоза находилась под господством Японии, а затем была возвращена Китаю. После провозглашения КНР в 1949 году на острове обосновались остатки гоминдановской группировки Чан Кайши, для защиты которых в июне 1950 года США фактически оккупировали Тайвань, а Тайваньский пролив стали патрулировать американские корабли. В декабре 1954 года между США и гоминдановцами был заключен договор о взаимной безопасности, по которому США обязались защищать Тайвань и острова Пэнху.

На Тайване была введена всеобщая воинская повинность и созданы воо-

«МОРСКИЕ ДРАКОНЫ», «НОЧНЫЕ ЯСТРЕБЫ», «ЭСКАДРОН ГРОМА» И ДРУГИЕ

Силы спецопераций Тайваня

руженные силы общей численностью 474 тыс. человек, состоящие из сухопутных войск, ВМС, ВВС, береговой охраны, а также ракетных войск и военной полиции.

Сухопутные войска (330 тыс. человек) состоят из пяти местных командований обороны и трех армейских корпусов (6-й, 8-й, 10-й), включающих шесть танковых, три мотострелковые, тяжелые пехотные и легкие бригады, две воздушно-десантные бригады, три авиамобильные и одну бригаду спецназа, две ракетные группы и 24 резервные бригады.

Военно-морские силы (35 тыс. человек) к 2020 году будут насчитывать 168 кораблей основных классов, в том числе: 10 подводных лодок, 9 эсминцев, 37 фрегатов, 83 противолодочных ракетных катера, 12 тральщиков, 17 десантных кораблей, а также 205 десантно-высадочных средств, 100 плавающих бронетранспортеров, 19 вспомогательных судов и 5 батарей противокорабельных ракет для обороны побережья.

Морская пехота входит в состав ВМС и включает две дивизии (66-я, 99-я), поддерживаемые десантным полком и полком обеспечения. На морскую пехоту возложена охрана зданий военных и правительственных учреждений.

Военно-воздушные силы (70 тыс. человек) насчитывают 316 боевых самолетов и сведены в тактические истребительные авиакрылья (22 авиаэскадрильи) и смешанное авиакрыло (5 авиаэскадрилий, в том числе 2 транспортные).

Береговая охрана включает восемь региональных командований, 25 батальонов для обороны и охраны побережья путем берегового, прибрежного и воздушного патрулирования.

Ракетное командование, объединяющее батареи зенитных ракет армии и ВМС, насчитывает около двух тысяч зенитных и противокорабельных ракет.

Командование военной полиции включает пять местных командований и учебный центр.

На вооружении армии Тайваня находится в основном устаревшее американское оружие, которое в течение ближайших десяти лет должно быть модернизировано и заменено на новое.

На военной службе состоит личный состав в возрасте от 18 до 45 лет. Соотношение офицеров и сержантов, а также сержантов и рядовых составляет 1:2,4.

Силы специальных операций вооруженных сил Тайваня имеются в сухопутных войсках, ВМС, береговой охране, в военной и национальной полиции.

В сухопутных войсках силы спецопераций сведены в командование авиации и специальной войны ASFC численностью 6.000 человек, в состав которого включены три вертолетные бригады (601-я, 602-я, 603-я), бригада специальной войны (862-я), воздушно-десантная рота специальной службы и центр авиационной подготовки.

601-я и 602-я вертолетные бригады включают каждая:

– ударный батальон, имеющий на вооружении 24 ударных вертолета АН-1W «Супер Кобра»;

– разведывательно-ударный батальон, имеющий на вооружении 24 вертолета OH-58D «Кайова Уорриор»;

– два батальона воздушной боевой поддержки, каждый из которых вооружен 8 многоцелевыми десантными вертолетами UH-1H «Ирокез».

603-я воздушно-десантная вертолетная бригада имеет на вооружении 9 десантных вертолетов CH-47SD «Чинук».

601-я бригада базируется в Лунг Тан, 602-я – в Хсинха, 603-я – в Куеи Еан.

862-я бригада специальной войны является элитным воздушно-десантным соединением. Она состоит из штаба, трех батальонов спецназа и роты поддержки. В штабе имеются командная группа, пять отделений штаба, штабная рота, подразделение разведки (3 команды по 6 человек), подразделения связи, огневой поддержки, боевой подготовки и кадров.

Численность батальона составляет около 600 человек. На его вооружении имеются американские:

– 27 7,62-мм пулеметов M240G (максимальная эффективная дальность стрельбы – 1.100 м, скорострельность – 200–600 выстрелов в минуту);

– 54 5,56-мм пулемета М-249 SAW (1.000 м, 700 выстр./мин.);

– 12 12,7-мм пулеметов М-2НВ (1.830 м, 550 выстр./мин.);

– 12 40-мм автоматических станковых гранатометов Мк19 (1.500 м, 40–60 выстр./мин.);

– 6 60-мм минометов М224 (70–3.490 м, 20–30 выстр./мин.);

– 16 84-мм противотанковых систем M136 AT-4 RAWS;

– 9 противотанковых ракетных установок «Джевелин» (2,2 км);

– носимые зенитные ракеты FM-92A «Стингер» (4,8 км);

– 12 вооруженных легких машин RSOV (модифицированный вариант «лендровер» XD180) с экипажем в 6–7 человек. На каждой машине установлен пулемет M240G и гранатомет Мк19 или тяжелый 12,7-мм пулемет, один из членов экипажа вооружен противотанковой системой RAWS. Машина RSOV (4x4) имеет полезную нагрузку 1.450 кг и максимальную скорость 110 км/ч, может перевозиться вертолетом CH-47 и самолетом C-130. В качестве личного оружия используются автоматические винтовки M16A2 (550–800 м, 45-90 выстр./мин.), некоторые из которых снабжены подствольными 40-мм гранатометами M209 (150–350 м), 7,62-мм снайперские винтовки M40A1 (1.000 м) и 12,7-мм M82A (1.800 м).

– 10 мотоциклов.

Машины RSOV используются для обеспечения мобильности и обороны подразделений батальона, а мотоциклы – для развертывания постов наблюдения и экономии сил охранения.

862-я бригада специальной войны входит в состав сил обороны быстрого реагирования вооруженных сил Тайваня, и один из ее батальонов на ротационной основе находится в боевой готовности № 1 и может быть переброшен в район предназначения через 18 часов после получения приказа, а одна из рот этого батальона с командованием и управлением батальона должна быть развернута через 9 часов.

Воздушно-десантная рота специальной службы ASSC сформирована недавно наподобие американской

группы «Дельта» для проведения противотеррористических операций.

Рота состоит из трех оперативных взводов (эскадронов), отрядов поддержки (осуществляющих набор и подготовку личного состава, снабжение, медицинское и финансовое обслуживание) и отряда технической подготовки. Каждый оперативный взвод делится на отделения (отряды), специализирующиеся на преимущественном использовании парашютов, легководолазного снаряжения и т. д.

Центр авиационной подготовки армии дислоцируется в Куеи Еан и предназначен для подготовки личного состава сил специальных операций Тайваня. Для обеспечения авиационной подготовки в составе центра имеются три вертолетных батальона (один ударный батальон вооружен 24 вертолетами AH-1W, два батальона воздушной боевой поддержки, каждый из которых имеет по 12 многоцелевых десантных вертолетов UH-1H) и эскадрилья учебных вертолетов (28 учебных вертолетов TH-67A «Крэк»).

В настоящее время на Тайване в строю 62 вертолета AH-1W, 37 вертолетов OH-59D, 55 вертолетов UH-1H, 9 вертолетов CH-47SD и 28 вертолетов TH-67A. Для воздушной разведки используются беспилотные летательные аппараты «Кестрел II».

Вертолеты командования авиации и специальной войны ASFC имеют следующие основные характеристики.

Ударно-разведывательный вертолет OH-58D «Кайова Уорриор» вооружен 4 управляемыми ракетами «Хеллфайр», 70-мм НУРСами, 12,7-мм пулеметом, ПЗРК «Стингер», дальность полета – 555 км.

Многоцелевой вертолет воздушной боевой поддержки UH-1H «Ирокез» имеет на вооружении 7,62 мм пулемет GAU-2B «Миниган» или 40-мм гранатомет, две 7-трубные пусковые установки 70-мм НУРС. Могут быть установлены системы оружия M-2H и автоматическая пушка «Вулкан». Вертолет способен перевозить разведывательно-диверсионную группу численностью 6–8 человек или 13 пассажиров на расстояние 446 км со скоростью 185 км/ч. Экипаж в зависимости от выполняемой задачи может состоять из 2–5 человек.

Тяжелый десантный вертолет CH-47SD «Чинук» перевозит до 25 человек, в том числе и ночью, для чего пилоты используют очки ночного видения с полем зрения 40°. Вертолет вооружен двумя 12,7-мм пулеметами, размещенными в проеме задних дверей по бортам фюзеляжа. Экипаж – 4 человека. Дальность полета – 394 км.

Для проведения специальных операций могут привлекаться воздушно-десантные силы «Пинг Тимз», подчиненные генеральному штабу, в состав которых входят 62-я специальная бригада, размещенная на севере Тайваня, и 78-я специальная боевая бригада, расквартированная на юге острова, две авиационные группы и учебное подразделение обеих бригад. В ходе подготовки личного состава изучаются приемы невооруженной борьбы, проводится парашютная подготовка, проходят тренировки по ведению боевых действий в населенных пунктах. Затем в учебном центре Тайчунг отрабатываются парашютные прыжки, действия в джунглях и выживание.

Курс подготовки специальных сил длится 6 месяцев, в том числе и в спецсилах других стран.

В морской пехоте силы специальных операций представлены ротой боевых пловцов, называемой «Морскими драконами» (Sea Dragons), которая входит в состав 101-го разведывательного десантного батальона. Ранее имевшийся отряд подводного разминирования UDT в настоящее время расформирован. Подразделения морской пехоты размещены на островах Матсу, Кайман и Тунгвин, а также в районе столицы Тайбэй.

Личный состав роты боевых пловцов набирается в основном из военнослужащих морской пехоты. В ходе трехнедельного курса отбора проверяются физические и психологические возможности кандидатов, оцениваются их способности овладения имеющейся на вооружении боевой и специальной техникой. После прохождения курса подготовки боевые пловцы должны быть готовы проплыть 5.000 м за 2 часа, выполнить марш-бросок на 10 км за 46 минут, пробежать кросс на 3 км с полным снаряжением, метать гранаты на дальность свыше 30 м, поразить стрелковым вооружением все цели на расстоянии до 550 м и не менее 90% целей на дальности 944 м. На вооружении боевых пловцов имеются 9-мм пистолеты-пулеметы «Узи», пистолеты M-9 (вес 850 г, дальность стрельбы 50 м), 5,56-мм карабины M-4 (дальность стрельбы 500 м) и винтовки M-16 A1/A2/A3 (800 м), пулеметы M-249, SMG-77 и M-77, 7,62-мм пулеметы T34/75. Рота боевых пловцов предназначена в основном для противотеррористических операций в прибрежных водах Тайваня.

В береговой охране имеется свой отряд специального назначения.

В командовании военной полиции есть рота специальной службы, называемая «Ночные ястребы» (Night hawks).

В национальной полиции имеются корпус воздушной полиции, корпус специальной полиции, подразделения коммандос специальной службы Вей-Ан гражданской полиции, а также высокоподготовленный отряд «Эскадрон грома» (Thender Squad). Этот отряд насчитывает 200 человек и состоит из элементов по 4 человека в каждом. Три таких элемента образуют оперативную группу. «Эскадрон грома» является противотеррористическим отрядом полиции Тайваня.

Силы специальных операций Тайваня продолжают совершенствоваться по американским стандартам и планируют перейти на самое новейшее вооружение и технические средства.